

**Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин

Е. В. Килимник

**Восстановление правопорядка
органами НКВД – МВД в послевоенной
Латвийской Советской Республике
в 1944–1956 годах**

Монография

**Екатеринбург
2024**

ББК 63.3(2)63
ББК 67.401.133
К392

Килимник Е. В.

К392 **Восстановление правопорядка органами НКВД – МВД в послевоенной Латвийской Советской Республике в 1944–1956 годах: монография** / Е. В. Килимник. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2024. – 112 с.

ISBN 978-5-907866-32-4

Рецензенты: **Блажевич Н. В.**, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор философских наук, профессор; **Терещенко О. В.**, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат исторических наук

В монографическом исследовании проведен комплексный анализ национал-сепаратистского движения в послевоенной Латвии, получившего название «лесные братья». В исследовании рассматриваются различные аспекты этого оппозиционного вооруженного националистического явления, в том числе формирование идеологии, образ ее создателей, представителей руководства, особенности ведения партизанской войны боевиками. Особое внимание уделяется тактике и стратегии органов НКВД – МВД Латвийской Советской Республики в подавлении национал-сепаратизма в 1944–1953 гг.

Данное издание предназначено для обучающихся образовательных организаций МВД России.

Обсуждено на заседании кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин УрЮИ МВД России (протокол № 9 от 23 мая 2024 г.).

ISBN 978-5-907866-32-4

ББК 63.3(2)63
ББК 67.401.133

© Е. В. Килимник, 2024
© Уральский юридический институт
МВД России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Структура и деятельность подразделений латвийской полиции СС в годы Великой Отечественной войны	6
Глава 2. Латышские подразделения Ваффен-СС во Второй мировой войне	24
Глава 3. Ликвидация органами НКВД – МВД в послевоенной Латвии националистического подполья «лесные братья» (1944–1956 гг.)	37
Глава 4. Политико-экономическая борьба органов НКВД – МВД с кулачеством в послевоенной Латвии	53
Глава 5. Сопротивление латышских националистов органам власти Латвийской ССР в 1944–1970 гг.	68
Глава 6. Наведение конституционного порядка в послевоенной Советской Латвии органами внутренних дел и безопасности	75
Глава 7. Уголовно-политические репрессии в отношении националистов со стороны органов НКВД – МВД и НКГБ – МГБ Латвийской ССР в 1944–1956 гг.	90
Заключение	99
Список источников	103

ВВЕДЕНИЕ

Предложенное исследование является историко-правовым анализом подпольного националистического сопротивления отрядов «лесных братьев» представителям органов власти Латвийской Советской республики в 1944–1956 гг. Характер национал-сепаратистского сопротивления в Латвии, получившего свое начало с момента освобождения республики войсками Красной армии осенью 1944 г., во многом определялся её положением в борьбе Третьего рейха и Советского Союза в ходе Второй мировой войны. Вхождение Латвии в Советский Союз в 1940–1941 гг., нацистская оккупация 1941–1944/45 гг., второе вхождение в Советский Союз в ходе освобождения республики и провал намерений бывших западных союзников по антигитлеровской коалиции – всё это оказало свое геополитическое влияние в послевоенной Восточной Европе на присоединенные в ходе народных референдумов республики Прибалтики – Эстония, Латвия и Литва.

Борьба за освобождение республики войсками Красной армии от национал-сепаратистски настроенных «лесных братьев» началась в восточной части Латвии еще летом – осенью 1944 г. и охватила всю страну сразу после окончания войны в мае 1945 г. При этом национал-партизанскую войну в Латвии, активизировавшуюся в 1944–1945 гг., следует квалифицировать как возобновление вооруженной подпольной деятельности против органов Советской власти, начавшую еще в 1941 г., а не военный сепаратизм, возникший одновременно с деокупацией Латвии от немецких войск. Особенностью сопротивления латышских националистов и ведения повстанческой войны в Латвии в послевоенный период стало то, что эта национал-сепаратистская деятельность продолжилась во время Холодной войны между крупными державами – Советским Союзом и коллективным Западом. Именно в условиях вероломной помощи, координации действий и поддержки со стороны западных разведок Великобритании и США, а также в условиях ожидания новой мировой войны «лесным братьям» в отдельных районах республики удалось продержаться местами до 1956 г.

Большинство историков советской эпохи применяли историографическую модель СССР к послевоенному националистическому сопротивлению в Латвии. В постсоветской общественно-политической мысли вместо критического анализа происходивших в 1944–1956 гг. событий акцент в исследованиях смещался в сторону мифов о деятельности «лесных братьев» и поддержания собственного интеллектуального достоинства и честности как ученых-обществоведов, которые помогают современным политикам фальсифицировать историю, манипулировать данными о советском периоде, превращая русскоговорящих граждан Латвии в оккупантов и лишая их полноценных гражданских прав. Изучение архивов министерств иностранных дел Франции и Соединенного Королевства Великобритании позволяет говорить о том, что балтийские народы оказывали одинаковое вооруженное сопротивление большевикам и нацистам, что не соответствует исторической реалии, так как ни один из представителей оккупационного режима Третьего рейха во время Второй мировой войны в Латвии документально не отразил борьбу местных националистов против подразделе-

ний Вермахта или частей СС. Наоборот, представители германских вооруженных сил подчеркивали активное содействие латышских националистов борьбе с партизанами, сочувствующим Советской власти местным населением и этническим чисткам в отношении лиц еврейской национальности. Реабилитируя национализм и коллаборационизм перед лицом западной демократии в годы оккупации в Латвии, бежавшие вместе с отступающими немецкими войсками на запад латышские историки были первыми, кто начал пересматривать эту тему, создавая новую отредактированную историю Латвии периода оккупации и деятельности «лесных братьев». Так, книга Адольфа Шилде «Движение сопротивления в Латвии», изданная в 1972 г., стала первой крупной работой по данной теме¹. Хотя она основана на очень фрагментарных и неточных данных, отдельные эпизодические случаи сопротивления латышских фермеров немецким реквизициям продовольствия понимались и преподносились латышскими зарубежными историками как масштабное вооруженное сопротивление войскам Германии на территории оккупированной Латвии.

В постсоветские годы исследования латышских обществоведов региональных процессов в послевоенной Латвии и истории Холодной войны неуклонно набирают обороты, в первую очередь в плане замены устаревшей информации более актуальной. Это в полной мере относится к истории сопротивления подпольных вооруженных формирований «лесных братьев» в странах Балтии как с точки зрения расширения темы, так и с точки зрения источников. Основой является свободная интерпретация материалов и архивных данных об истории борьбы органов НКВД – МВД с сепаратизмом, а также документирование односторонних свидетельств очевидцев из числа бывших сочувствующих послевоенному подполью и публикация воспоминаний бывших националистов и legionеров СС, продолживших войну с законными органами власти Латвийской ССР в повстанческих отрядах «лесных братьев» в 1944–1956 гг.

Кроме того, появились такие новые темы, как во многом придуманная история масштабного сопротивления (в том числе вооруженного) осужденных латышских националистов в лагерях ГУЛАГа, что стало актуальным в современной латвийской науке благодаря сотням свидетельств бывших заключенных боевиков, собранных в видеоархиве музея оккупации Латвии, и использовалось в процессе создания псевдоисторического документального фильма о «национальных партизанах»², в котором опускаются факты о сотрудничестве националистов с немцами в годы оккупации Латвии войсками Третьего рейха, их карательных действиях против еврейского населения, партизан и жителей Псковской, Новгородской, Ленинградской областей, мирных граждан Белоруссии, а также о послевоенном бандитизме, в том числе и против мирного населения республики, которое подвергалось грабежам и хищению, чье имущество было необходимо для продолжения антиконституционной, национал-сепаратистской деятельности.

¹ Šilde Ādolf. Resistance Movement in Latvia. Stockholm: Latvian National Foundation, 1972. 78 p.

² The archive is located at the Museum of the Occupation of Latvia, Strēlnieku laukums 1. Rīga, LV-1050, Latvia. URL.: <http://www.occupationmuseum.lv>.

ГЛАВА I. СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЛАТВИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ СС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Цель первой главы исследования заключается в анализе побудительных причин формирования руководством СС специальных полицейских батальонов из числа латышских коллаборантов в годы Великой Отечественной войны, составивших в 1943 г. основу 15-й и 19-й Ваффен гренадерских дивизий СС «Латышский легион», действовавших в период 1943–1945 гг. на оккупированных территориях Советского Союза, на основе исторического и политико-правового подходов. Задачами работы стало исследование причин формирования этих батальонов СС немецким командованием и вступления в эти формирования латышей, а также изучение принципов создания, структуры, основного профиля деятельности полицейских батальонов и политико-правовая оценка их деятельности. Теоретико-методологическую основу исследования составили методы анализа, синтеза базы источников, хронологический принцип исследования происходивших событий. Актуальность работы в значительной степени определена пересмотром со стороны постсоветских историков и политиков Латвии участия в карательных акциях участников этих батальонов СС против мирного населения в годы войны в сторону отрицания их ответственности и политико-правового нивелирования их деятельности.

В процессе изучения данной темы выявлено, что формирование полицейских батальонов СС немецкой службой безопасности основано на принципах добровольного вступления в них латышей-коллаборантов, получавших за свою службу денежное и товарно-продовольственное обеспечение. Также определена структура данных формирований с учетом их отдельных функциональных обязанностей, установлено их участие в карательных акциях против мирного населения, сочувствующего партизанам, и в Холокосте на территории Латвии.

В результате примененный в работе историко-правовой подход полностью опровергает представления постсоветских ученых-обществоведов и политиков Латвии, искусственно идеализирующие деятельность латышских эсэсовцев в годы войны и создающие вымышленный образ коллаборантов как защитников Латвии от Советского Союза, выявляет замалчивание или преуменьшение их роли в карательных акциях против мирного населения.

Европарламент в своей резолюции от 25 октября 2018 г. о росте неонацистского насилия в Европе осудил марши в честь нацистов. Тем не менее, 16 марта 2020 г. в Латвии, которая является членом Евросоюза, официально декларирует демократические ценности и осуждает насилие прошлого, прошел традиционный ежегодный марш бывших участников латвийских батальонов полиции и дивизий Ваффен-СС (15-я и 19-я). Следует иметь в виду, что от рук этих частей погибло около 70 тысяч граждан еврейской национальности и представителей русского, белорусского и польского народов. Кроме этого, в постсоветской Латвии в течение последних тридцати лет ученые-обществоведы и политики активно стараются переписать историю, представляя бывших членов полицейских карательных формирований СС, действовав-

ших в годы Второй мировой войны, идейными борцами с Советским Союзом, с частями Красной армии на поле брани. В политической жизни Латвии идет активная героизация бывших полицейских-карателей и легионеров СС. Подобная трансформация истории актуализирует тему нашего исследования.

Уже в конце июля 1941 г. оккупация советской территории показала рейхсфюреру СС и начальнику немецкой полиции Генриху Гиммлеру, что сил немецкой полиции и СС недостаточно, чтобы управлять завоеванными регионами Восточной Европы. По этой причине он счел необходимым сформировать в этих районах дополнительные части для обороны от возможных действий партизан и для усиления германского контроля над захваченными областями. По его мнению, их надо было набирать из этнических групп, признанных немцами пригодными (приемлемыми с идейной стороны) для этой цели.

Таким образом, начиная с конца июля 1941 г. немецкие власти начали формировать специальные отдельные местные подразделения вспомогательной полиции («Schutzmannschafts-Bataillione») на оккупированных территориях Советского Союза, а также в так называемых рейхскомиссариатах «Остланд», на Западной Украине и в восточной части оккупированной Польши. По состоянию на 1942 г. численность одного подобного батальона составляла 501 человек. Их участники были набраны из числа местных добровольцев-коллаборантов. По словам немецкого исследователя национал-социализма Георга Тессина, всего 206 таких батальонов было сформировано во время войны в «Остланде», на Украине и в генерал-губернаторстве [29].

Уже 25–31 июля 1941 г. рейхсфюрер Гиммлер приказал сформировать местную вспомогательную полицию, официально одетую в униформу «Schutzmannschaft». В результате была создана гражданская администрация и полицейские структуры, состоящие, как правило, из местных жителей-добровольцев. Также в Генеральном округе Латвии были сформированы три вида полицейских отрядов охраны общественного порядка [32]. Окончательный вариант регламента деятельности Schutztruppe на восточных территориях (6 ноября 1941 г.) позволил добавить во вспомогательные стражи порядка группы пожарных [32]. Таким образом, структурно в Рейхскомиссариате «Остланд» было сформировано пять полицейских подразделений охраны:

1. Подразделение охраны, ставшее отдельной полицейской службой в городах (их еще именовали подразделениями охраны в обособленных муниципальных службах общественного порядка городов).

2. Подразделение охраны в сельской местности, которое создавалось на обособленных сельских территориях.

3. Службы группы защиты в подразделениях общественного порядка.

4. Подразделение противопожарной защиты (служба пожаротушения).

5. Вспомогательные группы охраны (вспомогательные подразделения охраны общественного порядка).

Например, документ, созданный начальником немецкой полиции общественного порядка генералом СС Курта Далюге, предоставляет точную информацию о закрытой структуре вспомогательной полиции. Он указывает, что эти подразделения должны быть разделены на батальоны, роты и взводы, руково-

дить ими должны прикомандированные немецкие офицеры. Таким образом, в начале 1942 г. была официально принята основа для крупномасштабного формирования системы подразделений полиции в Генеральном округе Латвии.

Особого внимания требуют вопросы исследования формирования и деятельности полицейских батальонов из числа местных коллаборантов не немецкого происхождения. После политических изменений, произошедших в Восточной Европе в начале 1990-х гг., многие архивные материалы, относящиеся к периоду немецкой оккупации, стали доступны для исторического исследования. Обзор научной литературы, написанной за последние двадцать лет, показывает, что в целом исследования, связанные с Холокостом, представлены в ней наиболее правдиво. При этом проблематика коллаборационизма в местной научной деятельности представлена как решение снизу, идущее от лица местных постсоветских ученых. Они отвергают предположение, что все разработки велись централизованно по одной и той же модели. В этих исследованиях хода исторических событий в различных странах Восточной Европы в годы Второй мировой войны постсоветскими учеными обращается внимание на такие вопросы, например, в какой степени насилие над евреями имеет какую-либо связь с местными традициями антисемитизма и пр. Другое направление исследований было связано с подробным анализом категории виновных. Здесь в центре внимания лежит проблема роли личности и культуры в моделях поведения, влияние когнитивных мировоззренческих факторов на мотивы поступков человека с учетом давления возникшей ситуации [30]. Что касается вопросов деятельности и роли латвийских полицейских батальонов СС, эта тема вполне вписывается в оба направления исследований истории стран Восточной Европы.

Исследуя латышские полицейские батальоны, состоявшие из разных немецких национальностей, и учитывая анализ постсоветских научных работ, посвященных их деятельности, необходимо выделить основные вопросы, поднятые латышскими политиками и обществоведами. Это необходимо, чтобы сравнить сходство деятельности батальонов в рейхскомиссариатах Украины и Остланда и выявить специфику формирования и деятельности подобных структур в Генеральном округе Латвии. При этом следует отметить, что на сегодняшний день в постсоветской Восточной Европе нет объективных комплексных исследований реальной деятельности этих полицейских батальонов СС.

Первым автором, уделившим особое внимание полицейским батальонам, является американский историк Ричард Брейтман, чему посвящена его работа «Вспомогательные полицейские подразделения Гимmlера на оккупированных советских территориях». В ней автор подчеркивает стремление Гимmlера создать военизированные формирования из числа жителей прибалтийских генеральных округов и Украины под своим командованием. Согласно Р. Брейтману, Гимmlер для достижения своих целей успешно содействовал попыткам как гражданских, так и военных оккупационных институтов, командовавших этими административными структурами на местах, активизируя свои планы по мобилизации местных жителей в полицейские батальоны. Члены этих полицейских батальонов вместо выполнения обычных обязанностей полиции по поддержанию общественного порядка на местах в реальности превратились в

мобильные карательные формирования по борьбе с партизанами и сочувствующим им местным населением. С аналогичными задачами их направляли с немецкими воинскими частями за пределы Латвии в места национальных восстаний против германского Третьего рейха (например, Югославия, Словакия). Кроме того, Гиммлер нуждался в подобных карательных полицейских батальонах для проведения массовых операций по уничтожению мирных жителей, не соответствующих расовой теории. Подобные операции были специально направлены против евреев, цыган и других (менее ценных) групп населения. Также предполагалось активное использование этих полицейских карательных сил против партизан. Еще одним мотивом Гиммлера было стремление добиться постоянного участия ненамецких вооруженных сил в тотальном истреблении всех евреев как представителей восточноевропейской политики, тайно инспирированной немецким командованием сразу после 22 июня 1941 г. [7].

В своей статье «Гиммлер и ужасная тайна палачей» Брейтман пытается объяснить, почему Гиммлер прибег к помощи местных жителей на оккупированных советских территориях для совершения массовых убийств [7]. В качестве одной из возможных причин он приводит утверждение о том, что именно массовые убийства оказывали влияние на психику немецких палачей. Гиммлер получал многочисленные жалобы от лиц, ответственных за казни, на существование этой проблемы среди немецких военнослужащих. Согласно послевоенным показаниям, данным американцем Эрихом фон дем Бах-Зелевским, который в 1941 г. был верховным главнокомандующим СС и полиции в оккупированных частях Центральной России и отвечал за борьбу с партизанами, германоговорящие жители Западной и Центральной Европы оказались непригодными для проведения массовых казней. Это также наводит на мысль о возможной причине принятия немцами решения о постройке концентрационных лагерей на оккупированных территориях. Согласно Баху-Зелевскому всегда находились люди, пригодные для такой карательной работы, например этнические латыши [7]. Брейтман пишет: «Нацистская концепция о том, что определенные нации или расы подходят для массовых убийств, и что они (восточноевропейцы) помогают решить инспирированную нацистами политику истреблений». Соответственно, их национализм, антикоммунизм и антисемитизм активно использовались в нацистских целях. В результате руководители СС начинают использовать латышские, литовские и украинские карательные отряды внутри и за пределами их исторической родины. Несмотря на то, что некоторые не немцы, несомненно, преследовали и убивали евреев по собственной инициативе во время Великой Отечественной войны, имеются убедительные доказательства того, что руководители СС и полиции полностью контролировали общую политику геноцида в отношении евреев на советских территориях и в других регионах Восточной Европы [7]. При этом сегодня в постсоветской Латвии обществоведы и политики активно отвергают этот аргументированный тезис Брейтмана, считая, что он нуждается в дальнейшем изучении. Представление о том, что латыши – лучшие каратели партизан, еврейского и сочувствующего местного населения, считается нацистским стереотипом, восходящим еще к Альфреду Розенбергу, а позднее использовавшимся самим Гитлером [7]. Очень важным

или даже решающим фактором в формировании латышских полицейских батальонов было требование командования немецкой армии об увеличении ее снабжения новобранцами из-за масштабных потерь на Восточном фронте.

В своей книге «Преступники, жертвы, свидетели», оказавшей большое влияние на формирование общественного мнения о Холокосте, американский историк Рауль Хильберг подчеркивает важную роль прибалтийских народов в реализации идеологии национал-социалистической оккупационной власти и проведении расовой политики на Востоке. На основании ряда примеров он утверждает, что полицейские батальоны СС участвовали в преследовании и убийстве евреев в самой Латвии, а также в Белоруссии, Украине и Польше. На основании изучения архивов немецкой службы безопасности Хильберг помещает всех, кто так или иначе служил или работал для немцев в разряд добровольцев [17].

Подобные исследования проводились и американским историком Кристофером Р. Браунингом, который проанализировал деятельность 101-го полицейского батальона немецкого резерва и изучил мотивации отдельных его членов, набранных из латышей. Центральный вопрос был посвящен тому, как вполне обычные люди могли превратиться в массовых убийц. Автор считал, что для того, чтобы это выяснить, нужно подойти к вопросу с разных сторон и суждений. Для установления мотивов преступников им были рассмотрены влияние немецкой идеологии, культуры и последствия, возникшие для жителей Латвии из-за оккупации в политико-экономической ситуации [8].

С другой стороны, американский историк Дэниел Дж. Гольдхаген в книге «Воля Гитлера. Палачи», привлекая большое внимание западной общественности, утверждает, что конкретное объяснение массовой жестокости по отношению к мирному населению возможно, по крайней мере, в отношении не только чисто немецких исполнителей. Автор признает негерманские народы, помогавшие немцам убивать еврейское население (на сегодняшний день это мнение отвергается латвийскими исследователями, ссылающимися, что этот вопрос еще недостаточно изучен). Его высказывания предполагают, что поведение убийц негерманского происхождения можно объяснить несколькими причинами. Так, «наиболее активные национальные группы, которые помогали немцам в уничтожении евреев, состояли из этнических украинцев, латышей и литовцев». По мнению Гольдхагена о них можно сказать следующее: «они происходили из культур, которые были глубоко антисемитскими. У этих этнических групп были представители, которые действительно помогали немцам, и что многих из них действительно воодушевляла яростная ненависть к евреям» [21].

Деятельность полицейских отрядов, набранных из числа местных жителей Латвии и Украины, находилась в центре изучения американского историка Мартина Дина [11], по мнению которого полиция этих оккупированных регионов сыграла важную роль во «второй фазе убийств» летом и осенью 1942 г. Без помощи местных полицейских сил немцам было бы гораздо труднее осуществить свои намерения. Полицейские части занимались не только проведением операций против евреев и партизан, но и играли важную роль в действиях по захвату продовольствия для немецкой армии. Кроме того, они активно помогали отправлять захваченное местное население на рабский труд в Герма-

нию. По мнению Дина, чтобы понять Холокост, следует обратить внимание на коллаборационизм на востоке Европы: «хотя участие местных жителей в этих чудовищных преступлениях никоим образом не уменьшает ответственности самих немцев, но это является важной особенностью в проведении политики Холокоста» [11]. В своей работе Дин сомневается, что расовая ненависть была единственным мотивом местных жителей, заставившим их принять участие в нацистских преступлениях.

Латышские и украинские полицейские структуры, в том числе полицейские батальоны, являлись предметом особого исследования немецкого историка Франка Гольчевски [22]. Он исключает возможность того, что немецкая оккупационная политика в Восточной Европе могла следовать любому логичному и серьезному генеральному плану. По его мнению, немцам нужна была помощь местных жителей в управлении оккупированными регионами. В Латвии и на Украине участие местных полицейских формирований было очень важным элементом политики оккупационной администрации. Из этого факта уже можно сделать далеко идущие выводы о том, что полная ответственность за преступления, совершенные немецкими оккупантами, вполне разделима и местными добровольными «помощниками». По мнению Гольчевски, вопрос об ответственности добровольцев нельзя упрощать. Необходимо учитывать философию образа внутреннего врага, созданного нацистской пропагандой, а также политические авансы предоставления возможного самоопределения и государственной самостоятельности, разного рода угрозы и давления и многих другие аспекты, повлиявшие на коллаборационизм. Именно «поэтому поведение местных жителей должно быть проанализировано с учетом их мотивов. Простые объяснения причин человеческого поведения, такие как национализм, недостаточны для понимания событий на оккупированной немцами Латвии и Украине. Для далеко идущих выводов нужно начинать с тщательного изучения фактов» [22].

Немецкий историк Петер Лонгерих в своем объемном труде «Политика уничтожения» посвятил целую главу полицейским батальонам, где он подчеркивает, что «помимо охраны военнопленных и важных военных объектов полицейские батальоны по большей части занимались массовыми убийствами евреев и коммунистов, участвовали в "зачистках" местных жителей и проведении антипартизанских операций, жертвами которых также становились евреи и все подозреваемые в "пособничестве бандам"» [27]. Типичным примером причастности полицейских батальонов к операциям против евреев и местного сочувствующего партизанам населения в этом исследовании занимает 12-й латышский батальон полиции.

Кроме Лонгериха на Западе есть и другие ученые, утверждающие, что антипартизанские операции на оккупированных немцами территориях СССР были в первую очередь направлены на уничтожение евреев и местных жителей, подозреваемых в помощи партизанам [16]. Действительно, немецкая антипартизанская программа включала в себя прямое указание на уничтожение также и всех евреев, проживавших в деревнях, и всех сочувствующих, ставших в итоге объектами антипартизанских карательных операций. Однако общий баланс всех антипартизанских операций показывает, что в ходе 55 таких операций было

убито около 14 000 евреев, что составляет 9 % от общего числа жертв. Полное количество уничтоженных местных жителей в этих операциях достигает 150 000 человек. Хотя еврейское население действительно уничтожалось при проведении широкомасштабных антипартизанских операций, но в целом это был лишь «побочный эффект», что было доказано Кристианом Герлахом в случае с населением Белоруссии, где в первую очередь латышскими полицейскими батальонами истреблялись заподозренные в помощи партизанам местные граждане [20].

Общий обзор деятельности дислоцированных в Литве полицейских батальонов предлагают Арунас Бубнис и Пятрас Станкерас в своей работе о полицейской системе в Литве в период с 1941 по 1944 гг. [34]. При этом оба автора обычно воздерживаются от анализа участия отдельных батальонов в антикриминальных операциях против уголовного элемента, так как подобных мероприятий просто не проводилось. При этом и тот, и другой предприняли попытку установления точного количества батальонов, сформированных в Литве. В результате ими были установлены 25 батальонов. При этом А. Бубнис сосредоточил свое внимание на деятельности отдельных литовских полицейских батальонов. Например, 2-й и 252-й батальоны СС, которые прямо или косвенно использовались немцами в антиеврейских и антипартизанских операциях. В других случаях основной функцией подобных батальонов была охрана военных объектов. Так, 253-й батальон в основном участвовал в действиях против советских и польских партизан и в операциях по захвату рабочих для отправки в Германию на каторжные работы. 13-й и 10-й (позднее переименованный в 256-й) полицейские батальоны были предназначены для борьбы с партизанами на территории СССР [9]. В своих последних исследованиях Бубнис проанализировал участие, по крайней мере, 20 из 25 литовских полицейских батальонов в Холокосте. Наиболее «прославились» 1-й и 2-й, ставшие в этих «акциях смерти» настоящей «командой убийц». Участие других батальонов в убийствах населения были спорадическими или ограничивались охраной места казни заподозренных в нелояльности к оккупационному режиму граждан [10].

Краткий обзор деятельности литовских полицейских батальонов содержится в работе Кнута Станга, где основное внимание уделяет литовским и латышским вспомогательным полицейским формированиям в первые месяцы оккупации западной территории СССР. Станг также провел специальное исследование деятельности 2-го батальона полиции, выявив его карательную функцию против мирного и этнически «неправильного» населения [36].

Данные об эстонских батальонах полиции можно найти в книге о «борцах за свободу» Эстонии под редакцией Августа Юрса, а также в многотомном издании о ситуации в Эстонии в период Второй мировой войны. Эти работы в большей мере основаны исключительно на военных действиях и антипартизанских операциях батальонов СС. Комиссия постсоветских историков Эстонии в отчете за 2001 г. сделала вывод о том, что, по крайней мере, четыре эстонских полицейских батальона были причастны к преступлениям против человечности, а также к геноциду мирного населения: это 36-й, 286-й, 287-й и 288-й эстонские полицейские батальоны, прославившиеся своими карательными акциями [31].

Представляет определенный интерес постсоветский фундаментальный труд (особенно 2-й том из этой серии) о латвийских полицейских батальонах в годы Второй мировой войны. Основные данные, представленные в этой книге, впоследствии были использованы в монографии Игорса Варпы о «Латышском легионе» [40]. Общая тенденция этих исследований сводится к сосредоточению внимания читателей исключительно на действиях полицейских батальонов против коммунистов, т. е. большевиков, избегая при этом упоминаний о карательных действиях против мирного и этнически «низшего» населения, что не вписывалось в «патриотическую» схему новой истории постсоветской Латвии. Более объективно, хотя и очень кратко, роль латышских полицейских батальонов в уничтожении евреев была рассмотрена постсоветским латышским исследователем Андриевсом Эзергайлисом. Автор подробно рассматривает деятельность 20-го батальона, который, помимо прочих функций, нес охрану Рижского гетто, и роль 18-го полицейского батальона, члены которого после войны были осуждены за совершенные аналогичные преступления в Советской Латвии в 1961 г., в 1942 г. в операции по уничтожению еврейского населения в белорусском городе Слоним. При этом Эзергайлис, стараясь пересмотреть и оправдать деятельность карателей, сомневается в методах и результатах советского судебного следствия и суда. Он также упоминает в своем труде 22-го и 272-го латышские батальоны, которые охраняли еврейское гетто и участвовали в крупномасштабной «зачистке» в Варшаве (депортация еврейского населения в августе – октябре 1942 г. в немецкие лагеря смерти) [15].

В целом постсоветская литература о Холокосте и карательных действиях против партизан и сочувствующего им местного населения характеризуется весьма противоречивыми сведениями о действиях латышских полицейских батальонов в Белоруссии и Варшаве. Информация об этом стала доступна в обзоре белорусского историка Алексея Литвина: в соответствии с его изысканиями 26 латышских полицейских батальонов действовали в Белоруссии во время немецкой оккупации. Они «остались в исторической памяти белорусского народа как участники карательных экспедиций. При этом многие из полицейских хорошо говорили по-русски и выделялись своей безжалостностью по отношению к белорусам» [26]. Литвин основывается в своей работе на источниках из разных архивов, его подборка документов о карательных действиях и нумерация батальонов латышской полиции очень точна (№ 208, 231, 347, 432, 546 и 869). Особенно отмечена им антипартизанская карательная акция «Зимнее волшебство», в которой 8 латвийских полицейских батальонов участвовали наряду с латышскими полицейскими батальонами и полицией безопасности, совершая откровенно преступные действия против мирных жителей.

Современный латышский историк Харальдс Биезайс очень подробно описывает формирование латышских полицейских батальонов. При рассмотрении их деятельности он выделяет два аспекта:

- 1) активную роль латышских офицеров при формировании полицейских воинских частей;
- 2) обязательных характер исполнения немецкого приказа о создании полицейских подразделений от 9 февраля 1942 г. и связанная с ним «большая вер-

бовочная кампания в латвийские службы безопасности СС». Чтобы уменьшить ответственность за карательные действия латышских полицейских-эсэсовцев, он ссылается на «формальную принудительную мобилизацию» [2].

Однако с учетом реальных фактов насилия и массовых убийств мирного населения нельзя сказать, исходя из взглядов Биезайса, что в этом формально виновна только принудительная мобилизация. Несомненно, что в 1942 г. проходил набор в латышские полицейские батальоны, но делалось это немецким оккупационным режимом на основании добровольных заявлений о поступлении на службу в полицейские батальоны СС самих латышей. Хотя некоторые лица и получали повестки, но это были латыши, которые сами ранее добровольно подали заявления на службу в полицейские батальоны Гимmlера [2].

Оценив имеющиеся современные зарубежные публикации о полицейских батальонах СС, можно сделать десять выводов относительно исследования вопросов формирования и деятельности бывших латвийских полицейских батальонов в годы Великой Отечественной войны.

1. Латышские полицейские батальоны были подразделениями, набранными в основном из добровольцев (например, Хильберг, Биезайс). Однако следует учитывать и саму политику немцев, проявившуюся в «Большой вербовочной кампании» (февраль 1942 г.), направленную на формирование подобных карательных частей.

2. Формирование латышских полицейских батальонов, не соответствовавших принципам немецкой этничности, было продиктовано требованиями помощи немецкой оккупационной администрации в управлении отдаленными районами, а также увеличивающимися потребностями армии в ходе борьбы с партизанами и необходимостью сохранения боеспособных немецких частей на фронте. Кроме этого, Гимmlеру для массовых убийств мирного населения были необходимы особые ненемецкие отряды, которые, выполняя «грязную» работу, сохраняя психику немецких военнослужащих от подобных зверств.

3. Полицейские батальоны продолжали политику истребления евреев, начатую ранее. При этом местные полицейские (в данном случае латыши) занимались такой деятельностью по собственной инициативе и добровольно.

4. В своей политике онемечивания восточных территорий нацисты считали некоторые народы Восточной Европы, в частности латышей, подходящим инструментом для проведения массовых расстрелов. При этом старались меньше задействовать в этих «чистках» в качестве палачей немцев и близких к ним западноевропейцев.

5. Латыши-коллаборанты вносили активный вклад в формирование карательных полицейских отрядов. Это в определенной степени доказывает их стремление сформировать собственные воинские части и включить их в немецкую армию пусть и в виде частей СС.

6. Латышские полицейские батальоны играют особую роль в общей репрессивной системе оккупационного режима. Особенно ярко это проявилось в антипартизанских операциях и операциях по уничтожению евреев (включая охрану и ликвидацию гетто), когда уничтожалось и все сочувствующее местное население, а также в иных репрессивных мерах против гражданского насе-

ления (отправка рабочей силы на каторжные работы в Германию, различные охранные услуги немецкой оккупационной администрации, изъятие сельхозпродукции и пр.).

7. Особого значения латышские полицейские батальоны в действиях на фронте против Красной армии не имели, что подтверждает их активную «местную» деятельность.

8. Демографически и социально латышские полицейские батальоны состояли из добровольцев из числа коренных латышей, многие из которых были националистически и русофобски настроены, т. к. подверглись политике раскулачивания и были лишены административных должностей и политической власти при воссоединении Латвии с СССР.

9. Члены латвийских полицейских батальонов были «просто наемниками, которым немцы платили за их работу», дополнительно обещая в конце войны возможное самоуправление и административные должности.

10. Общими чертами в формировании полицейских батальонов в Латвии, Литве, Эстонии и в Украине была их изначальная карательная направленность, усиленная идеями национализма и русофобии добровольцев.

В постсоветской Латвии современные обществоведы и политики стараются не замечать очевидные факты о карательной деятельности и роли латвийской полиции во время немецкой оккупации. При этом весь имеющийся фактический материал не идентифицируется и сознательно остается неизученным. Следует отметить, что без достоверной фактологической базы, без выводов, обобщений и сравнений, сделанные сегодня оценки и выводы не имеют научного значения, т. к. в этих исследованиях отсутствует правовая оценка роли латвийской полицейских батальонов в репрессивных структурах СС периода немецкой оккупации, а особенно их участия в Холокосте и борьбе с партизанами и мирными жителями.

Периодизация формирования латвийских полицейских батальонов СС.

Согласно второму тому «Латвийского солдата во Второй мировой войне» первый латвийский батальон полиции в Генеральном округе Латвии был сформирован немцами 4 сентября 1941 г., последний – 23 июля 1944 г. [14]. Формирование латвийских полицейских подразделений следует разделить на три этапа:

1. Период с сентября 1941 г. по январь 1942 г., когда немецкая гражданская администрация распоряжениями Гимmlера была приведена в действие для организации полицейских структур в Генеральном округе Латвии. На базе созданных полицейских рот (сотен) стало возможным формирование более крупных подразделений, т. е. батальонов, что и было сделано немцами к концу 1941 г. В результате в Риге было сформировано 5 батальонов (по нумерации, установленной в январе 1942 г., это были 16-й, 17-й, 18-й, 19-й и 20-й батальоны). Практически все они состояли из местных добровольцев-коллаборантов.

2. Период так называемой «великой вербовочной кампании», проводимой немцами, начиная с объявления в газете «Tēvija» от 11 февраля 1942 г., подписанного Верховным главнокомандующим СС и полиции Остланда Фридрихом Йекельном. Эта кампания регламентировалась инструкциями, утвержденными начальником СС и полиции Латвии полковником Кнехтом [14]. В результате

под эгидой самоуправления был создан Главный комитет организации латвийских добровольцев во главе с Густавом Целминьшем. Появились региональные комитеты во всех городах и многих сельских приходах Латвии. Кампания получила массовую поддержку как в прессе, так и на радио. В Курземе и Латгалии она продолжалась до середины (а где-то и до конца) мая 1942 г., тогда как в других местах Латвии закончилась уже в конце марта или начале апреля.

Пропаганда была направлена на то, чтобы латыши добровольно служили в полицейских частях. К сентябрю 1942 г. всего было сформировано 16 батальонов (№ 21–28, 266Э, 267–273), в состав которых вошло 7967 человек.

3. Третий этап отмечен методами, отличающимися от прежнего набора добровольцев для полицейских батальонов. Так, весь необходимый состав переводился со службы в местной районной полиции группы «А» и «Б», из ополчения (айзарги, группа «С») или из контингента, призванного на военную службу в рамках общей мобилизационной операции. Остальные 27 латвийских полицейских батальонов (№ 271, 274–282, 284, 285, 311–313, 316–322), а также 7 так называемых латгальских батальонов (№ 283, 314, 315, 325–328) подвели дополнительный итог этой кампании [33].

Таким образом, в Генеральном округе Латвии период с 1941 по 1944 гг. было сформировано 48 латышских полицейских и 7 латгальских (этнических) батальонов. Точная цифра общего числа этнических латышей, проживавших в стране и служивших в полицейских батальонах СС в период с сентября 1941 г. до конца войны не установлена. В связи с этим в исследовании можно указать только численность эсесовцев на конкретную дату, например, на 24 апреля 1942 г. их было 7390 человек, на 18 августа 1943 г. – 9700 человек, на 1 января 1944 г. – 10 303 человека; на 1 июля 1944 г. – 14 884 человека [23].

Формирование латышских полицейских батальонов в Генеральном округе Латвии протекало довольно просто, хотя этот факт и ставится под сомнение постсоветскими обществоведами и политиками Латвии, стремящимися переписать историю Второй мировой войны. С первых дней оккупации латыши добровольно и в большом количестве подавали заявления на службу в немецкие репрессивные органы. Однако формирование полицейских батальонов в Генеральном округе Латвия значительно отличалось от аналогичных процессов в Эстонии и Литве. Например, в начале февраля 1942 г. латышским коллаборантам из проводимой оккупационным режимом политики стало ясно, что никаких специальных частей для немецкой армии (из латышей) не будет сформировано. В то же время в конце 1941 г., не дожидаясь определенного решения фюрера, Гиммлер предпринял организационные меры по подготовке к формированию батальонов СС.

В ходе анализа принятия решений на первый план выступают 5 основных фигурантов, повлиявших в той или иной степени на создание батальонов СС:

- 1) фюрер Третьего рейха Адольф Гитлер;
- 2) рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, начальник Оперативной группы «А» Вальтер Шталекер, верховный главнокомандующий из СС и полиции Фридрих Йекельн;
- 3) вермахт;

4) немецкая гражданская администрация: имперский министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг и Генеральный комиссар в Риге;

5) латышские националистические группировки.

В результате окончательный и решающий приказ о формировании полицейских частей исходил от Гитлера. Важным значением для вовлечения восточных европейцев именно в полицейские батальоны СС было заявление Гитлера от 16 июля 1941 г. о том, что «никаким иностранным армейским вооруженным силам не должно быть позволено существовать к западу от Урала, и что Германия возьмет на себя защиту этого района от любой возможной угрозы. Это должно быть и оставаться железным принципом: никогда нельзя допускать, чтобы человек, не являющийся немцем, носил оружие! Это неумолимо связано с тем, что в какой-то момент в будущем могут возникнуть неприятные последствия для Германии. Поэтому только немец может носить оружие, и ни славянин, ни чех, ни казах, ни украинец не могут это сделать» [1].

Во время своего визита в Ригу 30–31 июля 1941 г. Гиммлер впервые озвучил свои планы по формированию полицейских частей из литовцев, латышей, эстонцев, украинцев и пр. и решение использовать их за пределами территории, населенной соответствующей нацией [12]. По словам командира оперативной группы «А» Вальтера Шталекера, создание таких частей из балтийских народов необходимо при условии, что они должны быть оперативно развернуты в бывших русских районах, захваченных немецкой армией, в качестве полицейских формирований для наведения там порядка. Он просил принять принципиальное решение по этому вопросу в связи с тем, что и вермахт со своей стороны лоббировал скорейшее решение этой задачи [12]. Как видно из этой позиции Вальтера Шталекера, он не предусматривал создание каких-либо отдельных военных подразделений из балтийских народов (латышей) в составе вермахта, а только предполагал их использование в качестве полицейских карательных структур. Полицейские функции должны были выполняться на территории, населенной русскими жителями или белорусами. Это предложение соответствовало намерениям Гиммлера о привлечении местных жителей в подразделения полиции СС для последующей дислокации их за пределами родной местности.

В ходе создания полицейских батальонов, по словам Вальтера Шталекера, был продемонстрирован интерес германского вермахта к одной из главных движущих сил, подтолкнувшей к созданию латышских вооруженных формирований. Германскому оккупационному режиму просто не хватало достаточного количества этнических немцев, чтобы усмирять в тылу захваченные районы и управлять ими, а также заполнять все бреши на фронте. При этом в условиях наступления Красной армии Шталекер выступал за привлечение латышских частей (зондеркоманд и добровольческих батальонов) к действиям в районах группы армии «Север» для борьбы с партизанами. Осторожно сформулированный 16 августа 1942 г. запрос группы армии «Север» был обращен к Службе безопасности рейха. Штаб армии запретил формирование национальных частей и их развертывание на фронте, а также наложил вето на принятие балтийских добровольцев в немецкие армейские части [19], разрешалось использование

прибалтийцев только в качестве арьергарда, в так называемых охранных подразделениях, количество которых ограничивалось при этом только одной военной компанией. Все эти требования обусловлены стремлением строго соблюдать требования комплектации армии по гитлеровскому принципу (только немцам разрешалось носить оружие). Но инструкции – это одно, а практическая реальность – другое дело. В сентябре 1941 г. эстонские охранные части размером с батальон были созданы как армейские подразделения, а следующей зимой прибалтийские части уже вели свою карательную деятельность с партизанами отрядами и мирным населением. В свою очередь Гиммлер истолковал приказ Гитлера о том, что только немцам разрешено носить оружие, лишь в отношении частей вермахта. Основываясь на этом положении, ему удалось добиться того, что 25 ноября 1941 г. были созданы полицейские батальоны СС в составе армии. При этом в тылу они были освобождены от подчинения армии и отдавались в распоряжение Верховного главнокомандующего СС и полиции Прибалтики и северо-западных земель России. Именно это вдохновило Гиммлера на то, чтобы сосредоточить силы внутри своей Службы безопасности и в конечном итоге сформировать из них войска, подчиняющиеся лично ему [7].

Таким образом, постепенно установилась следующая практика: вермахт требовал подкрепления, а Гиммлер предоставлял батальоны, сформированные из резидентов оккупированных территорий. В итоге потребности армии и интересы Гиммлера (его личные амбиции) были полностью удовлетворены.

Немецкая гражданская администрация во главе с имперским министром по делам оккупированных восточных территорий Альфредом Розенбергом полностью поддержала идею о том, что местному населению должна быть предоставлена возможность принять участие в немецком «крестовом походе» против большевизма. Альфред Розенберг полагал, что достаточно использовать латышей в подразделениях, не превышающих своим количеством необходимые полицейские батальоны [3].

Однако за формирование латышской дивизии (легиона) выступил Генеральный комиссар Латвии Отто Генрих Дрекслер. Начальник его политического отдела Вернер Капп разработал по этому вопросу специальный меморандум «Добровольная латышская формация», в котором он предложил следующее: «Латышскому народу должна быть предоставлена возможность сформировать единое добровольческое подразделение, размер которого не должен превышать размер одной немецкой дивизии. Этот легион должен быть включен в состав вермахта и использован в борьбе против большевизма на фронте» [25].

С этой целью Капп также предложил создать комитет по организации добровольцев, который будет проводить различные вербовочные кампании. В результате действительно был создан Главный комитет организации латвийских добровольцев, но с совершенно другой функцией – вербовка латышей для службы только в подразделениях полиции СС.

Как уже отмечалось выше, А. Розенберг также выступал за вовлечение балтийских народов в действия Восточного фронта, если не в виде национальных дивизий, то хотя бы в виде подразделений численностью до батальона. Институт Генерального комиссара по делам Латвии также выступал за формирова-

ние национальной латышской дивизии, подчиненной вермахту. Следует отметить две вещи: все эти обсуждения касались не арьергардной службы за пределами родных территорий, а исключительно выполнения полицейских функций, а также именно латыши должны были отвечать за проведение массовых расстрелов на оккупированной территории.

Рейхсфюрер СС Гиммлер и его начальник штаба Готтлоб Бергер поддерживали подобные планы. Они настаивали на формировании националистических легионов в балтийском регионе и на Украине. В этих условиях следовало формировать только полицейские батальоны в количестве, в котором они только могут быть сформированы [4].

С самого начала оккупации некоторые группы латышей проявили интерес к борьбе против Советского Союза. 25 июля 1941 г. ведущий идеолог нацизма в Латвии и лидер латышской националистической организации «Угункрустс» Густавс Целминьш представил оккупационной администрации немцев конкретное предложение, где призывал к созданию двух латышских дивизий, которые войдут в состав вермахта и будут воевать на Восточном фронте [13]. Генеральный комиссар в Риге поддержал это предложение, хотя и в измененном виде, посчитав, что латыши нужны, чтобы служить в тылу, а не воевать на фронте. Заявление Гитлера от 16 июля 1941 г. о том, что оружие нельзя передавать негерманцам, что к западу от Урала не может существовать никаких «иностранных вооруженных сил», вполне противоречило этим стремлениям. Планы Гиммлера по созданию собственной империи СС и его собственной армии также не соответствовали чаяниям местного населения обрести самоуправление и свои, хоть и небольшие, но вооруженные силы. Эти стремления также не соответствовали общему мнению немецкого правительства, что когда-то местному населению были разрешены их собственные национальные воинские части, и что они вообще не состоянии выдвигать свои требования. В результате борьба между национал-социалистическими институтами за возможность использования латвийских «мужских резервов» разрешилась в пользу Гиммлера. К январю-февралю 1942 г., когда вопрос находился в стадии окончательного решения, Гиммлер уже подготовили почву для формирования латышских отрядов полиции СС. Его приказ от 6 ноября 1941 г. заложил основу системы и последующего формирования подобных подразделений. Через месяц, 4 декабря 1942 г., 50 номеров для формирования полицейских батальонов, выделенных для Остланда, были распределены по генеральным округам на захваченных территориях СССР. Латвия для своих формирующихся батальонов СС получила номера с 16 по 28.

Приказом Гиммлера было разработано положение о структуре, типе и составе батальонов. Одновременно с этим их фактическое формирование шло полным ходом. Положения о званиях полицейских от 30 мая 1942 г., правах командиров латышских батальонов от 26 июня 1942 г. и подчинении батальонов от 29 июля 1942 г. были приняты, когда их формирование уже было завершено, а некоторые из них уже развернуты в местах дальнейших действий. Первоначально в конце мая 1942 г. было неизвестно, где эсесовцы этих батальонов получат обмундирование и оружие [42].

Решающее значение для окончательного решения в пользу полицейских батальонов в Латвии (а также в Литве и Эстонии) имело принятие 25 января 1942 г. Берлином отчета Шталекера, представленного начальнику Главного управления имперской безопасности Рейнхарду Гейдриху, который, в свою очередь, передал его рейхсфюреру СС Гиммлеру. В тот же день последний принял на аудиенции верховного главнокомандующего СС и полиции Остланда Фридриха Йекельна, которого Шталекер ознакомил с основными аспектами своего доклада. На встрече с Гиммлером Йекельн должен был настаивать на том, чтобы формирование военных подразделений из негерманских народов было приемлемо только в рамках СС.

Рассмотрим внимательнее отчет Шталекера: в ходе своих встреч с верховным главнокомандующим группы армии «Север» и начальником штаба он аргументировал, что новые литовские, латвийские и эстонские части значительно разгрузили бы группу армий «Север» от защиты прифронтовой зоны. В связи с этим Шталекер отметил, что «участие в общей борьбе может в конечном итоге привести к различным политическим обязательствам, которые могут оказаться рискованными в отношении латышей и литовцев, и в меньшей степени в отношении эстонцев. По этой причине политически правильным вариантом было бы создание воинских формирований, подчиненных только рейхсфюреру СС» [35].

Формирование латышских частей размером с полк или бригаду считалось невозможным из-за опасений, касающихся их бесконтрольного поведения. Кроме того, предварительным условием было то, что «они не должны попасть в руки некоторых непроверенных офицеров вермахта и поэтому должны стать только частью Ваффен-СС». Формирование более крупных подразделений также могло служить для вермахта доказательством того, что они готовы и способны прийти на помощь в трудную минуту. То, что было верно для эстонцев, по мнению руководства СС, можно было отнести и к латышам, «которые также были готовы в любое время к активной борьбе с русскими». При этом Гиммлер считал, что «опыт также показывает, что латыши превосходят эстонцев в своих военных возможностях» [12]. В связи с этим крайне важно отметить, что Шталекер не ознакомил Йекельна с дискуссиями и соображениями о возможности формирования более крупных воинских частей. Задача Йекельна, видимо, состояла в том, чтобы проследить за формированием частей размером не больше, чем батальон.

Как показывают исследования, 25 января 1942 г. после разговора с Йекельном Гиммлер встречался с Гитлером, чтобы ознакомить его с отчетом Шталекера. После этих переговоров Гиммлер сообщил Йекельну о результатах: «Несмотря на общую нехватку оружия, что не позволяет нам в полном объеме вооружить соответствующие германские части для боев на фронте, фюрер в целом не возражал против создания таких национальных вооруженных формирований. Фюрер согласился на увеличение количества подразделений полиции СС» [18]. Чтобы раз и навсегда избавиться от неуверенности в том, могут ли латышские и эстонские подразделения формироваться в составе вермахта или только как полицейские подразделения, Гиммлер 8 февраля 1942 г. еще раз переговорил с

Йекельном и Верховным главнокомандующим вермахта Кейтелем. Исход этих переговоров был однозначен: Гитлер утвердил полицейские части исключительно в составе СС [18]. Через день Верховный главнокомандующий группой армии «Север» был должным образом проинформирован: Гитлер решил, что в дальнейшем практику формирования подобных прибалтийских частей следует прекратить, а развертывание немецких боеспособных подразделений на полях сражений следует приостановить. Это также кажется прямым или косвенным результатом обсуждения, происшедшего между Гиммлером и Гитлером 25 января 1942 г., на основании которого Верховное командование вермахта издало общее указание о том, что «интеграция жителей бывшей Прибалтики в вермахт, особенно в борьбе с большевизмом, должна быть исключена» [41]. Таким образом, в феврале 1942 г. только Гиммлер и СС имели все полномочия и права на формирование воинских частей полиции из местных жителей Латвии.

Письмо Шталекера Гейдриху ясно показывает стратегию Гиммлера, направленную на то, чтобы добиться формирования в Прибалтике отдельных полицейских батальонов в составе СС. Прежде всего, 6 ноября 1941 г. были разработаны и утверждены положения о формировании и организационно-штатной структуре батальонов. Расчет при этом делался на то, что Гитлер также одобрит эти подразделения в будущем. Оставалось только ждать момента, когда командование армии группы «Север» снова попросит о помощи, а затем можно будет создавать новые эстонские, латышские и литовские подразделения СС. Когда этот момент настал, Гиммлер в глазах Гитлера смог представить себя «спасителем» ситуации на фронте, сформировав полицейские подразделения из местных коллаборантов. Решение этой задачи в интересах усиления войск СС сорвало попытки интегрировать эстонские и латышские части в вермахт [39]. Здесь также вскрываются планы СС по созданию собственной армии, чтобы, с одной стороны, подчинить негерманских солдат своему влиянию и контролю, а с другой – продемонстрировать руководству вермахта, способность подразделений СС активно участвовать в боях [37]. В этом контексте Гиммлер теоретически допускал, что более крупные (даже размером с бригаду) латвийские и эстонские подразделения могли бы быть сформированы, но на практике, они выдавались бы за батальоны. Официальное формирование более крупных частей могло, с одной стороны, быть причиной недовольства Гитлера (и вермахта) относительно попыток обойти его указание не вооружать не немцев, но с другой – эти действия открыто раскрывают далеко идущие планы главы СС по формированию собственной армии.

Только в начале января 1942 г. руководство националистического движения «Латвийское самоуправление» было ознакомлено с планами по предстоящей организации батальонов, что для некоторых лиц (таких как бывший министр финансов Латвийской республики Альфред Валдманис) могло стать неожиданностью. Валдманис посчитал, что латыши ничего не знали об СС и системе охранной полиции, что они готовы были быть только солдатами. По этой причине самый высокопоставленный местный руководитель националистов считал необходимым проконсультироваться с руководством немецкой армии [43]. Другие, такие как Оскар Данкерс, Густав Целминыш, Волдемаре

Вейсс и Робертс Осис, открыто поддержали предложение Верховного командующего СС и полиции Остланда Йекельна, начавшего проведение кампании по вербовке добровольцев в полицейские батальоны. Как указывал латышский националист Харальд Бизайс, они вступали в эти подразделения по собственному желанию и добровольно в соответствии с требованиями времени [2]. Когда формирование отдельных частей латвийской армии было отвергнуто, руководители латышских националистов были готовы принять любой другой вариант, который привел бы к вовлечению латышей в какие-либо воинские формирования Третьего рейха.

Таким образом, по состоянию на 6 января 1942 г. руководители латышских националистов поддерживали любую форму участия латышей в борьбе с большевизмом, в том числе и с формированием из них полицейских батальонов СС. После переговоров между Йекельном и Осисом у латышских националистов было два варианта решения, какая стратегия будет для них более успешной: обещать высокую заработную плату и пособия добровольцам или превратить вербовочную кампанию в народное движение за самоопределение. По мнению националистов, латвийское самоуправление не должно было связывать формирование батальонов с преследованием каких-либо иных целей [28].

После того, как Гитлер одобрил (25 января 1942 г.) формирование новых батальонов полиции СС, в Латвии началось их оперативное комплектование. Уже 4 февраля 1942 г. состоялось собрание в канцелярии начальника полиции общественного порядка Кнехта по организационным вопросам. Представитель генерального комиссара по делам Латвии Дрекслер возражал против широкой призывной кампании, которая должна была призвать в батальоны около 20 000 человек, утверждая, что это ощутимо повлияет на экономику Латвии, необходимую для обеспечения частей вермахта. Участники встречи отметили эти возражения, но отклонили их на том основании, что приказ Гимmlера уже был отдан.

6 февраля 1942 года Йекельн сообщил директору «Латвийского самоуправления» генералу Данкерсу, что он ожидает приглашения на создание новых добровольческих отрядов службы общественного порядка, исходящего от Берлина. 9 февраля 1942 г. командующий полицией общественного порядка в Латвии Кнехт издал инструкцию для большой вербовочной кампании, в которой были назначены ответственные лица. Так, например, Данкерс был назначен ответственным за вербовочную пропаганду, а Осис – за техническую сторону этой кампании и формирование новых батальонов [28].

Чтобы реализовать практически кампанию по набору добровольцев в Латвии, 7 февраля генеральный директор по внутреннему управлению и персоналу «Латвийского самоуправления» Данкерс организовал встречу представителей латвийской общественности, где обсуждались вопросы, касающиеся организации латышских отрядов общественного порядка. Первоначально единодушная, на которое надеялись сторонники батальонов – немцы и члены радикальной латышской организации «Thundercross» – «Громовой крест», не возникло, поскольку генеральный директор по вопросам юстиции Валдманис и представитель латышских офицеров Эрик Парупс высказались против формирования батальонов, считая, что следует отложить этот процесс до тех пор, пока Рес-

публика Латвия не будет восстановлена как государство. Кроме того, ими указывалось, что цели борьбы остались не определены, поэтому латышей не следует призывать к вооружению и участию в батальонах. В результате Данкерс встретился с Верховным главнокомандующим СС и полиции Йекельном и начальником СС и полиции Латвии Вальтером Шредером, которые отвергли все латышские требования. В итоге всех этих обсуждений националистически ориентированным участникам встречи пришлось столкнуться с жесткой немецкой позицией. 11 февраля 1942 г. было опубликовано первое обращение, подписанное Йекельном и призывающее латышей подавать заявления в полицейские батальоны, в котором сообщалось, что набор начнется 12 февраля. С латвийской стороны это обращение подписал Оскарс Данкерс [38]. В итоге получилось так, как и хотели немцы: латвийские чиновники подписали обращение и начали проводить кампанию по набору добровольцев в батальоны СС. С одной стороны, это было вполне народное движение, т. к. вся нация была мобилизована для вербовочной кампании; но с другой – всё было не совсем так. Фактически «Латвийское самоуправление» было не в состоянии создать свою армию или связать эту кампанию по набору с любым другим требованием, например, предоставлением автономии, реституцией частной собственности и пр. Таким образом, в итоге вербовочная кампания превратилась в комбинацию вариантов, принятых Осисом и Йекельном. В результате было установлено добровольное участие в полицейских подразделениях СС тем или иным коллаборантом при подписании контракта, гарантирующего хорошую заработную плату. Кампанию по набору в полицию латышские националисты стали рассматривать как народное движение по набору добровольцев в карательные части СС, предназначенные для борьбы с большевистской Россией. Понимая карательную функцию этих отрядов полиции и отчасти отмежевываясь от их деятельности, 11 ноября 1942 г. «Латвийское самоуправление» сделало вывод, что члены латышских полицейских батальонов являются «просто наемниками, которым немцы платят за их работу» [24]. К такому выводу пришел полковник-лейтенант Роберт Осис, ответственный за формирование полицейских подразделений СС. В этих условиях подлинные интересы и цели латышского народа игнорировались.

Подводя итоги исследования участия представителей Латвии в годы Второй мировой войны в нацистских полицейских батальонах, следует отметить, что, несмотря на утверждения современных латышских ученых, что это участие было насильственным для латышей, и они никак себя не проявили в карательной деятельности на оккупированных территориях, что в действительности на основе примененного историко-правового подхода выясняется совсем другая реальность, ничего не имеющая общего с современной вымышленной историей об участниках этих батальонов и их службе в СС. Так, руководство латышских националистов, оставив за собой благородные идеалы и убеждения о самоопределении, вполне прагматично пошло на сделку с немецким оккупационным режимом, оказав неоценимую помощь германскому руководству Остланда в организации набора добровольцев в полицейские структуры СС, изначально определенные Гиммлером для борьбы с партизанами, с сочувствующим местным населением и для помощи в окончательном решении «ев-

рейского вопроса». В 1943 г. эти батальоны составили основу 15-й и 19-й дивизий СС, получивших название «Латышский легион СС», который продолжил свою карательную деятельность на оккупированных территориях Псковской, Новгородской, Ленинградской областей и Белоруссии.

Анализируя эти события с точки зрения историко-правовой действительности, следует отметить, что попытки современных постсоветских политиков и обществоведов Латвии оправдать деятельность подобных формирований СС и представить их в качестве идейных борцов с Советским Союзом и Красной армией теряют всякие основания на фоне реального уничтожения латышскими эсесовцами несогласного с немецким режимом местного населения и проведения этнических чисток. В работе установлено, что действовали подобные «патриоты» Латвии добровольно за хорошее денежное вознаграждение от немецкого командования и различные продовольственно-материальные преференции, что мало соотносится с провозглашаемой в современной Латвии чистотой идеи за независимость республики и демократические идеалы.

ГЛАВА 2. ЛАТЫШСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВАФФЕН-СС ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Целью второй главы на основе историко-правового подхода является исследование деятельности латышского националистического вооруженного формирования, официально именованного в период 1943–1945 гг. как 15-я и 19-я Ваффен гренадерские дивизии СС «Латышский легион». Задачами исследования стали рассмотрение вопросов формирования легиона, его движущей идеологии и целей, которые двигали легионерами СС. Теоретико-методологическим фундаментом работы послужили методы анализа и синтеза имеющегося материала и событий, связанных с деятельностью латышского легиона СС в 1943–1945 гг., политико-правовой подход к изучению этих событий периода Великой Отечественной войны. Актуальность исследования во многом продиктована неоднозначной оценкой деятельности этого националистического Легиона в годы Второй мировой войны, которая стала озвучиваться в Латвийской республике с 1991 г. В результате переосмысления истории политиками и обществоведами современной Латвии деятельность этих вооруженных формирований СС рассматривается как героическая, соответствующая национальным интересам латышского народа. Бывшие легионеры в военное и послевоенное время объявлены единственным щитом от большевистского Советского Союза.

В исследовании с хронологической точностью установлен «боевой путь» латышского легиона СС: рассмотрено участие легионеров в этнических чистках в Латвии мирного еврейского населения, их деятельность в борьбе с партизанскими формированиями и мирным населением села Заля-Гора, расположенного к западу от Новгорода. 18 декабря 1943 г. легионеры приняли участие в карательных действиях против партизан в Псковской области (районы городов Невель, Опочка и Псков), в ходе которых в 3 км от Пскова ими было расстреляно 560 человек. В начале января 1944 г. латышские легионеры участвовала в массовых расстрелах в городе Чудово (Ленинградская область). Также установлено, что

они проводили казни советских военнопленных 65-го гвардейского стрелкового полка 22-й гвардейской стрелковой дивизии (август 1944 г.). Именно латышские легионеры СС уничтожили в Витебской области Белоруссии 138 деревень, 17 тысяч человек, а 13 тысяч белорусских жителей отправили на рабские работы в Германию. Определено, что примененный историко-правовой подход полностью опровергает современные псевдоисторические и мифологические представления постперестроечных латвийских общественных деятелей и историков о деятельности легионеров СС как о лицах, служивших в интересах Латвии.

Ежегодные марши в Риге местных ветеранов и сторонников двух нацистских дивизий СС, составлявших латышский легион во время Второй мировой войны, вызывают неоднозначное, двойственное восприятие страны, которая является членом альянса НАТО и Европейского Союза, позиционируя себя сторонницей демократических прав и свобод для всех без исключения её граждан. При этом в настоящее время подобные ежегодные нацистские марши являются единственным публичным мероприятием в Европе и за ее пределами в честь сражавшихся под знаменами СС людей, которых некоторые называют «элитные силы безопасности нацистской Германии». Происходящие на фоне растущей напряженности отношений с Россией подобные мероприятия являются частью многочисленных выражений восхищения по всей Восточной Европе теми, кто активно сотрудничали с Германией против Советского Союза, включая преступников Холокоста. При этом правительство Латвия утверждает, что солдаты были призваны в легион насильственно, что нет никаких оснований утверждать, что они были участниками карательных акций и действовали против мирного населения и партизан. На фоне не прекращающейся со времен распада СССР политики реабилитации националистических формирований СС в годы войны это становится вопросом, который актуализирует тему исследования и требует своей историко-правовой оценки.

Вторая мировая война разразилась 1 сентября 1939 г. Первоначально по замыслу руководства вермахта это была европейская война «ограниченного масштаба». На первом этапе Германия добилась неожиданно больших успехов. Благодаря своей стратегии блицкрига, к началу 1942 г. немцы за короткое время подчинили себе Польшу, Норвегию, Данию, Люксембург, Голландию, Бельгию, Францию, Югославию и Грецию, которые были разгромлены, а большую часть западной территории СССР оккупировали. Германский национал-социализм, казалось, одержал верх в Европе. Немецкий фюрер Адольф Гитлер был на пике своего могущества. Казалось, что нацисты двигались к быстрой и близкой победе в войне. Вряд ли в поле зрения была какая-либо сила, способная остановить их победный марш. В этот период времени многие страны сотрудничали с нацистской Германией. На ранней стадии Второй мировой войны Советский Союз, заключив пакт, экономически был связан с Третьим рейхом. Италия и Япония стали главными союзниками Германии. Так, например, 27 сентября 1940 г. Германия заключила с этими странами Пакт трёх держав, к которому позднее присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария и Хорватия. Финляндия также пошла на сотрудничество с Германией, подписав «Антикоминтерновский пакт». У каждой из этих стран были свои собственные

цели (например, Венгрия хотела вернуть территории, которые она утратила, подписав мир в Трианоне). В свою очередь, Румыния исходя из результатов мирного договора 1920 г., нуждалась в Германии, чтобы обезопасить себя от дальнейших территориальных притязаний СССР и вернуть назад Бессарабию и Северную Буковину, которые она утратила летом 1940 г. После Зимней войны (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.) Финляндия также была движима интересом по возврату своих утраченных юго-восточных территорий.

Население оккупированных европейских стран было вовлечено в широкое и всестороннее сотрудничество с нацистской Германией [28], виды, формы и проявления которого были очень разнообразными. При этом современные европейские исследователи традиционно различают сотрудничество вообще и предательское сотрудничество (коллорабационизм) [14]. Все оккупированные страны имели свою специфику и особенности. Во многих случаях провести четкую границу между обычным коллаборационизмом и предательским довольно сложно. Особенно неоднозначно этот вопрос рассматривается в работах современных прибалтийских обществоведов и политиков, т. к. страны Балтии за короткое время пережили и присоединение к СССР, и немецкую оккупацию. По мнению латышских историков, в «немецкое время» большинство населения Латвии оставались верны упраздненному Латышскому государству [2]. При этом ими же утверждается, что бывшая Латвийская республика, несмотря на присоединение в 1940 г. к Советскому Союзу, продолжала существовать как субъект международного права [17].

Таким образом, деятельность населения Латвии в годы немецкой оккупации следует оценивать с точки зрения личностных, национальных интересов Латвийской Советской Республики и на основании действовавших тогда на её территории законов Германского рейха. При этом следует учитывать, что часть населения Латвии активно поддержала оккупацию страны нацистской Германией с самого начала Отечественной войны. Широко распространенной формой сотрудничества была вербовка латышей в немецкие вооруженные силы. В их состав входили воинские подразделения Ваффен-СС, из которых в 1943 г. оккупационной администрацией и был сформирован «Латвийский добровольческий легион СС» [1].

После периода перестройки и распада Советского Союза с нарастающей решительностью латышские историки старались рассмотреть и оценить формирование и деятельность латышского легиона в контексте существования и функционирования воинских формирований всех оккупированных и управляемых нацистами стран, нивелируя его карательную деятельность [25]. Такой подход исторически может быть отчасти оправдан, т. к. открывает широкие возможности для сравнения. На его основе установлено, что латышский легион не был чем-то исключительным в годы войны, т. к. около 57 % из 910 000 человек, бывших на службе в войсках СС в 1944 г. не относились к коренным немцам, родившимся в Германии [18]. В рядах Ваффен-СС во время войны были представлены почти все европейские нации. Ни одна из 38 дивизий СС к концу войны не состояла исключительно из немцев, а в 19 из них подавляющее большинство личного состава вообще были иностранцы из оккупирован-

ных стран Европы и республик Советского Союза [32]. Примененный в исследовании сравнительный метод также позволил подчеркнуть специфику состава вооруженных формирований Ваффен-СС.

Латышские легионеры активно на оккупированных территориях Псковской, Новгородской, Ленинградской областей, а также Белоруссии участвовали в «острых» акциях исключительно против советских партизан и подпольщиков, воспринимая их как часть советского общества, т. е. против граждан государства, ликвидировавшего, по их мнению, независимость Латвии. Они организовывали и проводили репрессии против сочувствующего партизанам мирного советского населения, а также истребляли еврейских граждан в самой Латвии.

Союзниками СССР во время войны были Великобритания и США. Как и прозападно настроенная латвийская общественность, националистически настроенные латышские легионеры питали «теплые» чувства к западным союзникам и надеялись, что они будут настаивать на восстановлении независимости Латвии после окончания войны. Однако в той конкретной исторической ситуации это была иллюзия. Западные союзники уступали давлению СССР и не возражали, чтобы Латвия и другие прибалтийские государства оставались в составе Союза, куда они добровольно вошли перед войной. Поэтому борьбу латвийского легиона СС вполне можно рассматривать как направленную военно-полицейскую деятельность против всей антигитлеровской коалиции.

В постперестроечной Латвии, исходя из новых политических интересов, перед латышскими историками встала очень важная задача – опровергнуть достаточно распространенную и подкрепленную фактологическим материалом информацию об активном участии латышей в составе немецких воинских частей во время нацистской оккупации. В постсоветские годы в научном и политическом бомонде независимой Латвии сформировалось мнение, что нет причин связывать Латышский легион, организованный в начале 1943 г., непосредственно с военными преступлениями, совершенными ранее коллаборантами или военизированными формированиями, служившими Третьему рейху. Хотя эти отряды самообороны, эволюционировавшие в полицейские батальоны, в 1943 г. трансформировались в Легион СС. По мнению латышских историков и политиков, эта связь «устанавливает вину и противоречит действительности» [2]. Латышские политические и научные неонационалисты утверждали, что, латышские солдаты не принимали участия в репрессивных операциях, аргументируя это тем, что ни один легионер не привлекался к суду за военные преступления за рубежом, и создан он был «официально» через год после последней массовой резни евреев в Латвии [1]. «Даже если в конце войны лица, совершившие военные преступления, просочились в латышский легион из структур, ранее подчинявшихся СД, то это не делает весь легион криминальной структурой» [15]. При этом современные латышские национал-исследователи и общественные деятели ссылаются на вердикт Нюрнбергского военного трибунала 1946 г., который достаточно точно зафиксировал диапазон лиц, квалифицируемых в качестве участников преступной организации СС, сделав исключение для мобилизованных против их воли при условии, что они не совершали военных преступлений [32]. Но, ссылаясь на этот пункт вердикта, латышские историки и

политики сознательно опускают факты участия легионеров в карательных действиях против мирного населения и партизан Псковщины, Новгородчины, Ленинградской области, а также Ушачско-Лепельской зоны Белоруссии (операция «Весенний праздник» в апреле – мае 1944 г., где погибло более 7 тысяч человек, а 11 тысяч были угнаны в рабство в Германию) в годы Великой Отечественной войны, искусственно делая их борцами за независимость Латвии.

Негерманские подразделения Ваффен-СС. В начале Второй мировой войны в ряды Ваффен-СС входили исключительно добровольцы, призванные в Германии и Австрии [32], отобранные на основе особых критериев. Это должны были быть не только «комбатанты», но и «политические солдаты» и «фанатические носители национал-социалистического мировоззрения». Верховный главнокомандующий германскими вооруженными силами устанавливал годовые квоты для добровольцев, желавших служить в СС, но они, изначально будучи очень скромными по штату, не могли удовлетворить амбициям руководства [36]. Начиная с конца 1941 г., в условиях потерь на Восточном фронте принцип добровольного вступления в войска СС все чаще стал нарушаться. В результате формирования СС стали принимать в свои ряды всех мобилизованных на военную службу, а к 1943 г. такая практика стала стандартной [15].

Руководство СС искало и другие возможности увеличения численности своих войск. Особое внимание немецкого командования было приковано к этническим немцам, проживавшим за границами Третьего рейха, которых постепенно массово вербовали в части Ваффен-СС. Это стало возможно благодаря тому, что руководству СС удалось легализовать первоначально неофициальные кампании по вербовке добровольцев из стран центральной и юго-восточной Европы (Венгрия, Румыния, Хорватия и Сербия). По мнению британского историка Робина Ламсдена, на заключительном этапе войны в рядах Ваффен-СС насчитывалось до 185 000 иностранных «этнических немцев» [18], они составляли более 20 % от общего количества военнослужащих. Для многих из них зачисление в ряды Ваффен-СС было добровольным только в формальном смысле. Немцы, проживавшие за границей, легко поддавались влиянию лидеров своих этнических групп, которые, как правило, работали в интересах СС и, если возникала необходимость, прибегали к психологическому давлению на нежелающих служить в этих подразделениях [7].

Весной 1940 г. руководство СС развернуло кампанию по набору добровольцев на территории Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. Это вполне соответствовало основным постулатам нацистской идеологии, поскольку «германские народы» были признаны «расово превосходящими». Поначалу успех был скромным. Ситуация изменилась после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г., когда кампания по набору «германских» добровольцев была направлена на новый, более эффективный путь, усиленный мощным и целенаправленным идеологическим воздействием. Антисоциалистические постулаты и идеи нового мирового порядка, рекламируемые в государствах, входивших в германские земли эпохи еще Священной Римской империи, оказали сильное влияние на население этих стран. На первый план вышел «крестовый поход» объединенной Европы против большевизма.

Однако в каждой конкретной стране вербовочная кампания имела различный акцент. В Норвегии, например, нацистская пропаганда апеллировала к чувству единства скандинавских народов, подчеркивая, что агрессивная политика Советского Союза, ярко выразившаяся в ходе войны с Финляндией в ноябре 1939 г., «угрожала скандинавским странам и их самобытной культуре» [20]. В результате численность «германских», а в последние годы войны и «негерманских» добровольцев из стран Западной и Северной Европы неуклонно росла. Так, по данным Министерства иностранных дел Германии в 1941 г. было более 12 000 добровольцев из этих стран, служивших в рядах частей Ваффен-СС, из них 2399 датчан, 1180 финнов, 5721 фламандец, 4814 голландцев, 1883 норвежца, 39 шведов, 135 швейцарцев и лихтенштейнцев [26]. В следующие несколько лет этот рост стал особенно быстрым. Несмотря на определенный кризис в наборе «германских» добровольцев в середине 1943 г. [7], к концу 1944 г. в Ваффен-СС уже насчитывалось более 137 000 западноевропейцев [18]: 50 000 голландцев, 23 000 фламандцев, 20 000 итальянцев, 15 000 валлонцев, 11 000 датчан, 8 000 французов, 6 000 норвежцев, испанцев, шведов, швейцарцев, британцев и люксембуржцев [18].

Если не принимать во внимание немецкую пропаганду и психологическое давление местных профашистских или пронацистских партий или групп, которым подвергались потенциальные добровольцы, большинство новобранцев из Западной Европы в значительной степени были идейными лицами, добровольно вступившими в СС. Но с 200 000 выходцев из Восточной Европы, служивших в рядах Ваффен-СС, особенно в последние годы Великой Отечественной войны ситуация была иной [18]. Начиная с 1942–1943 гг., когда военное положение Германии ухудшилось, в составе Ваффен-СС постепенно были созданы дивизии, бригады или полки из этнических украинцев, белорусов, русских (РОА), латышей, эстонцев, венгров, казахов, хорватов, румын, болгар и представителей других национальностей. Мусульманские отряды были особым феноменом Ваффен-СС: например, подразделения, набранные из восточных турок, бригада татар из горных районов Крыма или полки и дивизии балканских мусульман. Таким образом, из первоначальной «гвардии фюрера» Ваффен-СС превратились в «многонациональную армию», которая к тому же была расово неполноценной с точки зрения действующей нацистской идеологии. В результате подразделения СС полностью утратили свой первоначально «элитарный» германский характер и расово-идеологическую «чистоту». Часть новобранцев из Восточной Европы были мобилизованы и были вынуждены служить в подразделениях Ваффен-СС. Но в основном в этих частях были настоящие идейные добровольцы. При этом остальные (меньшинство) могут считаться таковыми лишь формально или условно. Во всех случаях Ваффен-СС нацисты применяли термин «добровольцы», чтобы скрыть реальную суть происходящего и тот факт, что в процессе формирования негерманских частей было нарушено международное право и Гаагские положения о законах и обычаях сухопутной войны, в которой территориально должны действовать части, созданные на регулярной основе, без использования новобранцев из покоренных стран. Пропагандистский аспект для нацистов был также важен в этом отношении. Таким образом, делая вид, что негерманские

воинские части в Восточной Европе формировались законно (в рамках международного права) и, бесспорно, на добровольной основе (что было в подавляющем большинстве случаев), нацисты могли создавать и поддерживать миф о том, что войска Ваффен-СС сражаются как европейская армия, в рядах которой половина иностранцев, но все из них добровольцы, защищающие западную культуру от нападения «азиатского большевизма».

Латышский легион в составе Ваффен-СС. Из всех восточноевропейских государств Латвия и Эстония оказались в особых условиях. Именно в этих странах немецкие оккупационные власти почти полностью игнорировали провозглашаемый ими доктринально принцип чистоты германской расы при формировании легионов СС в составе своих вооруженных сил. При этом только очень небольшая доля латышей и эстонцев (точной цифры не установлено) могла рассчитывать на институт «фольксдойче», доказав документально свои немецкие родовые корни, и на этой основе законно на добровольных началах поступить на службу в Ваффен-СС. Этот факт изложен наркомом госбезопасности СССР Всеволодом Меркуловым в письме от 24 июля 1943 г. секретарю Латвийской коммунистической партии Янису Калнберзиньшу [33]. После Второй мировой войны Комиссия США по перемещенным лицам пришла к аналогичному выводу.

Координатор Комиссии по Европе Роберт Дж. Коркрен отмечает в своем Меморандуме 1950 г.: «В случае балтийских частей Ваффен-СС Комиссия получила доказательства членства легионеров в этих подразделениях, которое было связано с призывом на военную службу на оккупированных территориях. Члены подразделений Балтийских СС были впечатлены, по большей части, шедшими боевыми действиями на Восточном фронте, поэтому больше действовали в тылу против партизан» [1]. О том, что до вступления в Легион СС многие служили в полиции, участвовали в этнических чистках против еврейского населения Латвии, в документе Роберта Дж. Коркерена не упоминается.

В Эстонии, которую нацисты считали наиболее дружественной Германии прибалтийской страной, формирование легиона СС началось в августе 1942 г., а в Латвии полгода спустя. Адольф Гитлер 23 января 1943 г. «разрешил и приказал» рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру создать «добровольческий латышский легион СС» [11].

В ходе первой кампании по набору в Ваффен-СС, которая длилась с марта по август 1943 г. был сформирован легион численностью 17 971 человек [9]. Вторая (октябрь – ноябрь 1943 г.) и третья кампании (декабрь 1943 г. – январь 1944 г.) привлекли в него еще около 12 000 «расово неполноценных» с точки зрения гитлеровской идеологии местных бойцов-коллаборантов [1]. Согласно мнению латышского историка Карлиса Кангериса, в феврале 1944 г. генеральные провинции были переданы в распоряжение Гиммлера как «резерв снабжения и пополнения легионов СС». На основании этого распоряжения Гитлера у рейхсфюрера СС появилось исключительное право проводить проверки населения и призывать в свои карательные вооруженные формирования. Однако ни сводок, ни исчерпывающих отчетов об этом периоде не сохранилось [1].

Формирование легиона в Латвии происходило в то время, когда немцы уже не считались для местных националистов «освободителями». Об этом сообща-

ет латышский писатель Зигмунд Скуиньш, который, будучи очевидцем, поэтично, но очень точно описывает этот период: «Время, проведенное в когтях Орла рейха, превратило мед ожиданий в муку». Доклады начальника полиции безопасности и СД в Латвии оберштурмфюрера Рудольфа Ланге также упоминают рост антинемецких и националистических настроений среди населения [5]. Несмотря на это, многие националистически убежденные латыши сочли мобилизацию в легион приемлемой в конкретных исторических условиях. Учитывая, что Латвию освобождала Красная армия, наступление советской власти грозило потерями материального и социально-политического характера для финансово-хозяйственной и политической элиты республики. Другие вступили в легион, совершив своеобразный акт примирения с судьбой, поддавшись гипнотическому воздействию оккупационного режима, которым обладает любая военная сила [1]. С психологической точки зрения это вполне понятно, ибо для латышей сопротивление такой силе грозило немедленной потерей всякой надежды на национальное будущее, в то время как подчинение, казалось бы, все еще оставляло шанс на выживание, давало новый общественный статус и материальный доход [5].

В ходе Второй мировой войны в составе Ваффен-СС были созданы две латышские дивизии – 15-я и 19-я, общее количество бойцов-добровольцев превысило 52 000 [1]. Приказ о формировании 15-ой дивизии был издан 15 февраля 1943 г., а уже в конце года она вступила в бой на фронте против частей Красной армии (район Новосокольники в Псковской области) как уже полностью сформированная часть [34]. 19-я дивизия была создана в январе 1944 г. Обе они входили в состав самых выдающихся негерманских подразделений Ваффен-СС [35]. Особенно верен этот тезис в отношении 19-й дивизии, что признавалось в сводках штаба Вермахта целых четырнадцать раз. Впервые ее заслуги были отмечены 29 февраля 1944 г., в последний раз – 1 января 1945 г. [23]. Десять бойцов дивизии (больше всех среди негерманских подразделений Ваффен-СС) стали кавалерами Железного Креста за проведение «острых» (антипартизанских, карательных) акций, за верность и доблесть рейху [27].

В конце войны эта дивизия занималась вместе с немецкими войсками обороной Курземе в Западной Латвии. Подразделения Красной армии вели там бои до капитуляции нацистской Германии. Далее остатки дивизии, уйдя в леса, стали образовывать национал-сепаратистские партизанские отряды «лесных братьев», вступившие в борьбу против органов власти Латвийской Советской Республики, а также против местного населения, сочувствующего новой власти.

В целом, сражаясь за интересы Германии, латышские legionеры использовались оккупационным командованием на очень невыгодных условиях. Так, Земельное самоуправление, созданное в марте 1942 г., не смогло добиться даже автономии для республики. Все их усилия в этом отношении потерпели неудачу. Например, в декабре 1942 г. это националистическое латвийское самоуправление полностью подчинялось генеральному комиссару Отто Дрекслеру, который оставил без ответа просьбу о восстановлении национальной независимости Латвии. Это самоуправление полностью готово было сотрудничать с Германией, надеясь, что рано или поздно их просьба Берлином будет удовлетворена. Поэто-

му они шли навстречу требованию немцев о проведении генеральной мобилизации латышей, родившихся между 1907 и 1925 гг., для участия в борьбе с партизанами и войсками Красной армии [19]. Однако события следовали совсем по другому сценарию. С учетом изменений положения на фронте нацисты в 1943 г. вообще полностью отвергли правила игры, предложенные латышами: автономия в обмен на формирование Легиона [16]. В результате оккупационное немецкое командование начало проводить мобилизацию жителей Латвии без выполнения каких-либо обязательств и встречных требований. При этом руководство Земельного самоуправления само принимало активное участие в формировании латышского Легиона [21]. Это было, без сомнения, серьезное политическое преступление, которое сегодня стараются не вспоминать латышские историки и политики. В качестве оправдания подобной политики коллаборационизма ученые и общественные деятели уже постсоветской республики нехотя заявляют, что шансы на успех сопротивления были явно минимальным, т. к. вся фактическая власть принадлежала немцам, которые были хозяевами положения. Соответственно, немцы, а не латыши, принимали ключевые решения, имея в своем распоряжении достаточные средства для их выполнения. Латышам была выделена роль просто помощников [16], которую они охотно выполняли, судя по их активной борьбе с войсками Красной армии, мирными жителями и партизанами.

Нацистская политика в Латвии была полностью продиктована интересами рейха. Независимая и суверенная Латвия не входила в их предварительные планы. Они предусматривали подчинение и германизацию Латвии в соответствии с доктриной фюрера. Однако к 1943 г. наступила определенная амбивалентность и двусмысленность в достижении этих планов. В результате сменились акценты, обозначились противоречивые тенденции. По мере ухудшения военного положения Германии отдельные высокопоставленные чиновники, такие как Гиммлер, в сентябре 1943 г. стали говорить о необходимости предоставления Латвии и Эстонии национальной независимости [22]. Эта идея встретила горячую поддержку начальника штаба СС Готлоба Бергера, который отмечал, что латыши и эстонцы заслужили самоуправление своей преданностью рейху [30]. В Министерстве по делам оккупированных немцами восточных провинций и в рейхскомиссариате «Остланд» начались дебаты о том, как наиболее эффективно использовать военную силу и потенциал латышей и эстонцев, как мобилизовать их силы против Красной армии. При этом, выполняя волю Гитлера, рейхскомиссар Хинрих Лозе по-прежнему возражал против автономии Латвии и Эстонии. Учитывая ситуацию на фронте, генеральный комиссар Отто Дрекслер отступил от своего прежнего негативного отношения, которое он сохранял ещё в конце 1942 г., когда получил меморандум от «Земельного самоуправления» о самоопределении. Исходя из ситуации на фронте, он также стал сторонником идеи автономии Латвии, не исключая компромиссное решение смешанной немецко-латышской администрации. Для этого он составил проект указа фюрера, согласно которому Латвия и Эстония должны были получить национальную независимость, а министр Розенберг разработал процедуру отмены рейхскомиссариата «Остланд», тем самым вступив в открытый конфликт с рейхскомиссаром Лозе [22]. Все эти инициативы не были реализованы, поскольку Гитлер в конечном

итоге отверг их, посчитав, что Латвия является частью рейха и задача латышей подчиняться без каких-либо требований и просьб к немецкой стороне.

Представители негерманских этносов в формированиях Ваффен-СС: мотивация и цели. По состоянию на 1941 г. важным мотивом сотрудничества с нацистской Германией, который разделяли почти все представители европейских народов, был «крестовый поход против большевизма». Антисоветизм мог считаться самой важной движущей силой добровольческого движения Ваффен-СС. Убедительным исследованием в этом отношении является опрос общественного мнения, проведенный в 1960-х гг. немецким историком Гансом Вернером Нойленом среди ветеранов Ваффен-СС, представленных различными национальностями. Так, 67 % опрошенных фламандских и норвежских ветеранов, 70 % финнов, 83 % валлонцев, 92 % испанцев и 100 % латышей признали антисоветские настроения основной причиной своего участия в боевых действиях на стороне Германии [22]. Прибалтийские националисты, например, не забыли о вмешательстве Советского Союза в дела Латвии, Эстонии и Литвы и их присоединении в конце 1930-х гг. и считали его своим личным врагом. Антисоветским настроениям среди норвежцев и финнов способствовал военный конфликт в ноябре 1939 г. между СССР и Финляндией. У националистически ориентированных латышей и эстонцев было недовольство первого года вхождения в Советский Союз, когда многие из них были лишены финансово-хозяйственного и политического могущества в своих республиках. В результате прибалтийские легионеры выбрали борьбу против Советского Союза, чтобы предотвратить повторное послевоенное вхождение своих республик в состав СССР, начав терроризировать и убивать всех сочувствующих этому процессу местных жителей. Для латышей и эстонцев Германия стала естественным союзником, несмотря на территориальные претензии Третьего рейха к Прибалтике, продиктованные возникшими интересами. По мнению ряда немецких исследователей во Вторую мировую войну ни одна великая держава «не могла себе позволить выбирать союзников на основе только идеологических соображений» [6]. Вся деятельность напрямую зависела от непосредственных интересов и потребностей.

Многие «негерманские» добровольцы поначалу сочли приемлемой пропагандируемую нацистами идею «новой Европы». Они сражались в рядах Ваффен-СС, чтобы победить и достичь прежнего политико-финансового статуса, который у их республик был до вхождения в состав СССР. Кроме того, они хотели получить возможность активно участвовать на более или менее равноправной основе в контролируемой и управляемой Германией Европе после войны. Однако в ходе войны постепенно становилось все более очевидным, что в случае победы нацистов все негерманские народы будут иметь очень слабые перспективы полного политического суверенитета и национальной независимости. Планы преобразования послевоенной Европы, которые разработало нацистское руководство, по большей части представлялись лишь идеями и были последовательно ориентированы на абсолютное немецкое господство на всем европейском континенте. В результате развивались противоречия между политическими устремлениями «негерманских» добровольцев (реставрация национального суверенитета, единая и равноправная Европа) и целями нацистской войны, определенны-

ми в общих и расплывчатых терминах – завоевание «жизненного пространства» на Востоке, построение немецкой Восточной империи и создание единой «Великой германской» империи [23]. Причины определенного кризиса доверия среди «негерманских» добровольцев, которые приобрели четкие очертания в середине 1943 г., не были полностью преодолены до самого конца войны. Каждый пятый «негерманский» доброволец покинул ряды Ваффен-СС в начале 1945 г., понимая, что война проиграна и нужно или сдаваться англо-американским войскам на Западе, или начинать вооруженную национал-сепаратистскую борьбу у себя в республике, надеясь, что Запад скоро начнет новую войну с СССР [12].

Среди общего состава солдат-добровольцев СС, завербованных в странах Западной Европы, господствовала крайне правая идеология и соответствующая ориентация на существовавшие политические движения. Они открыто демонстрировали свою преданность идеям фашизма и нацизма. По имеющимся сведениям историков примерно 60 % норвежских добровольцев были членами фашистской организации «Насьонал Самлинг» [24]. Аналогичная ситуация постепенно сложилась и в Голландии. Поначалу этому мешал Адриан Мюссер, глава местного национал-социалистического движения, не поощрявший откровенную вербовку добровольцев в ряды СС, имевший собственные планы на будущее Голландии. Однако под давлением Берлина в феврале 1941 г. он изменил свою позицию и разрешил членам своей организации стать солдатами СС, что вызвало приток голландских добровольцев в подразделения Ваффен-СС [23].

В Восточной и Юго-Восточной Европе интерес к нацистским идеям был гораздо скромнее. В этих регионах сотрудничество с Германией диктовалось иными мотивами. Например, балканские мусульмане пошли служить в дивизии СС главным образом из-за желания отомстить своим коренным врагам, сербам, что привело к многочисленным зверствам [3]. Украинцы, в свою очередь, боролись за создание моноэтнократического государства, сохранение чистоты крови и изгнание всех «не украинцев»: поляков, евреев, русских [29].

Эстонские и латышские легионеры ориентировались в своей борьбе против СССР главным образом на стремлении восстановить национальную независимость, утраченную в результате предвоенного вхождения в Советский Союз и статусное финансово-политическое положение. Ни идеологические, ни военные цели Германии их особо не интересовали, они не боролись за «новую Европу».

Трудно себе представить, как происходило формирование латышского легиона, если бы СССР не присоединил в 1940–1941 гг. прибалтийские республики, что вызвало социально-психологический шок и глубокое недовольство в политическом бомонде предвоенной Латвии и Эстонии. Настроение латвийских легионеров в контексте этих событий становится очевидным из доклада немецкого командира 15-й дивизии СС Адольфа Акса. Так, 27 января 1945 г. он написал: «Они, прежде всего, латыши! Они хотят добиться суверенного латвийского национального государства. Вынужденные выбирать между Германией и Россией, они выбрали Германию, потому что они стремятся к сотрудничеству с западной цивилизацией. Они считают немецкое господство наименьшим злом. Их ненависть к России была усилена присоединением Латвии и потерей своего социального статуса и благополучия. Они считают борьбу против России своим национальным долгом» [23].

Стремление латышских легионеров воевать против СССР, стимулируемое также различными другими мотивами, поощрялось. Например, многие латыши, особенно офицеры, воспитанные в патриотической атмосфере независимой Латвии, чувствовали себя опозоренными и униженными недалководной политикой премьер-министра Латвии Карлиса Улманиса, позволившего Советскому Союзу присоединить республику без всякого сопротивления. Психологически их мотивацию на вступление в борьбу с СССР можно сформулировать так: враг моего врага – мой друг, который поможет вернуть утраченное.

Многие латышские эсесовцы видели в легионе ядро будущей национальной армии Латвии и тесно связывали свое участие в войне против СССР с борьбой за восстановление независимости республики. Подобные взгляды и настроения легионеров ярко проявляются в их письмах домой. По данным цензуры, в письмах бойцов 15-й дивизии Ваффен-СС очень часто содержались слова о том, что для борьбы «кроме отрицательной цели» – защиты от большевизма, им нужна была «положительная цель», в частности, автономия Латвии и возвращение имевшихся ранее материальных благ [34]. Летом 1944 г. по мере приближения линии фронта к латвийской границе, эта «положительная» цель – получение независимости, приобрела второстепенное значение, главными заботами стали сохранение своего имущественно-политического положения на родине и ответственность по законам военного времени за свое участие в СС [34].

Ряд документов свидетельствует о явных антинемецких настроениях в частях латышских легионеров, прошедших обучение в Латвии. Понимая, что немцы, отступая, могут уничтожить всю инфраструктуру республики, включая собственность и производственные мощности самих легионеров из числа наиболее состоятельных лиц, среди офицерского состава началось активное обсуждение необходимости защиты Латвии и от немцев. Такую информацию, например, можно найти в отчете начальника полиции безопасности и СД в Латвии Рудольфа Ланге, отправленном 26 октября руководителю политического отдела рейхскомиссариата «Остланд» Фридриху Трампедеху, который, в свою очередь, представил выдержки из этого доклада министру оккупированных восточных провинций Альфреду Розенбергу и поднял вопрос, было ли существование Латышского легиона достаточной причиной, чтобы принять решение о «форме правления» в Латвии (имеется в виду предоставление автономии) [10].

Многие латышские легионеры были связаны с националистической организацией сопротивления «Латвийская гвардия». Сохранились свидетельства того, что осенью 1944 г., когда советские войска подошли к Риге, руководство этой организации планировало защищать город с помощью частей латышского легиона при условии их отступления к столице [13]. В интервью 2 мая 1997 г. один из бывших членов «Латвийской гвардии», говоря об этих намерениях, сказал: «Как только части (латышского легиона) войдут в город, они откажутся от своей преданности немцам. Тогда будет провозглашена независимая Латвийская республика, и Рига будет защищена как от русских, так и от немцев» [13]. Таким образом, руководство «Латвийской гвардии» считало, что советские войска, войдя в Ригу, встретят независимое государство, а не освобожденную ими советскую Латвию.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что создание латышских и эстонских воинских формирований Ваффен-СС было не просто формальностью, как это пытаются объяснить постсоветские латышские общественные и научные деятели, ищущие доказательства того, что эти дивизии существенно отличались от немецких подразделений СС, т. к., по их мнению, это были просто «политические солдаты», стоявшие на одной ступени с обычными армейскими частями Германии [22]. В реальности латышские добровольные формирования СС использовались немецким оккупационным режимом наравне с немецкими подразделениями СС против еврейского населения республики, войск Красной армии и особенно в борьбе с партизанами и мирным населением Псковской, Новгородской, Ленинградской областей и Белоруссии.

В ходе исследования установлено, что легионеры по указанию немецкого оккупационного режима активно участвовали в Латвии в этнических чистках против местного еврейского населения, в борьбе с партизанами и мирными жителями деревни Заля-Гора (западнее Новгорода). 18 декабря 1943 г. латышские ээсовцы проявили себя в карательных действиях против партизан в районах городских центров Невель, Опочка и Псков. Об их деятельности говорит тот факт, что в карательной кампании в районе Пскова ими было уничтожено 560 мирных граждан. В начале января 1944 г. подразделения легиона по указанию немецкого командования провели массовое убийство граждан в населенном пункте Чудово, расположенном в Ленинградской области. Деятельность легионеров отмечена также массовыми расстрелами военнопленных Красной армии (например, солдат и офицеров 65-го гвардейского полка, действовавшего в составе 22-й гвардейской стрелковой дивизии) в начале августа 1944 г. В ходе карательных действий против партизан и мирных граждан латышские ээсовцы сожгли 138 деревень (Витебская область, Белоруссия). При этом было расстреляно 17 тысяч человек, а 13 тысяч белорусов ими было отправлено на каторгу в Германию [4].

В постсоветский период латышские политики и историки через семьдесят лет после войны пытаются доказать, что национал-социализм не был идеологией будущего, что это легионерам было совершенно чуждо, забывая при этом клятвы легионеров на верность Адольфу Гитлеру и идеям немецкого национал-социализма при вступлении в ряды СС, а также националистические идеи построения моноэтнического государства без евреев, русских и граждан иных национальностей, в том числе силовым путем решения вопроса чистоты латышской расы и государственного устройства. Эта политика оправдания особенно ярко проявила себя в постперестроечный период, когда русскоязычное население Латвии, составлявшее 34 % от всего населения страны, стало подвергаться откровенной дискриминации и этническому «выдавливанию» из всех регионов республики. Современные политики и обществоведы Латвии стараются аргументировать свои умозаключения о ненацистском характере латышских легионов СС, ссылаясь при этом на решение Комиссии США по перемещенным лицам, которая, находясь под прямым воздействием политики маккартизма в период Холодной войны, заявила в 1950 г., что балтийские части Ваффен-СС должны рассматриваться как отдельные, что они отличаются по цели, идеологии, деятельности и требованиям к добровольцам от немецких

частей СС. Именно поэтому Комиссия считает их невраждебным движением правительству США в соответствии со ст. 13 указанного решения [1].

Сегодня в Латвии, чтобы легитимизировать бывших национальных эсэсовцев, принято ссылаться на участие латышских легионеров в трибунале 1946–1949 гг., когда они под американским контролем обеспечивали безопасность уголовных процессов над нацистскими военными преступниками (так называемые «Нюрнбергские последующие процессы»). При этом подразделения этой латышской гвардии, многие из которой вышли из бывшей 15-й дивизии латышского легиона СС и других подобных воинских формирований в годы войны, несли ответственность не только за охрану «внешнего периметра» Дворца правосудия в Нюрнберге, но и за охрану тюрьмы, где содержались нацистские военные преступники. Особенно латышскими учеными (Бонифаций Даукштс) подчеркивается, что некоторые из них также принимали участие в еще более «ответственных мероприятиях, таких как сопровождение обвиняемого из помещения для допросов в зал суда и охрана объектов особой важности во время трибунала» [8]. При этом в расчет не берется тот факт, что шла Холодная война и американцам нужны были проверенные годами кадры карательных подразделений, стоявших в противостоянии с СССР в годы Великой Отечественной войны. Об их службе в СС просто замалчивалось, исходя из более прагматичных целей использования вчерашних эсэсовцев в борьбе против Советского Союза при формировании национал-сепаратистских отрядов «лесных братьев», действовавших на территории Советской Латвии, а также в ходе организации шпионско-диверсионной деятельности на территории Латвии и Эстонии. Поэтому и было принято принципиальное решение о признании ненацистского характера латышских и эстонских дивизий СС в годы Второй мировой войны на уровне администраций президентов США, а их карательные «подвиги» были просто забыты как ненужные в большой политической игре и геополитическом противостоянии с Советским Союзом. Но это не снимает с легионеров СС всей тяжести ответственности за преступления, совершенные ими в годы Великой Отечественной войны на территории России и Белоруссии, которые не имеют срока давности.

ГЛАВА 3. ЛИКВИДАЦИЯ ОРГАНАМИ НКВД–МВД В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛАТВИИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ «ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ» (1944–1956 ГГ.)

Объектом исследования третьей главы стала деятельность националистической организации «лесные братья», активно действовавшей в Латвийской Советской Республике в 1944–1956 гг. Предметом исследования становится комплекс мер, направленных на ликвидацию незаконных вооруженных формирований националистов из числа бывших легионеров СС, полицейев, дезертиров и лиц, сочувствовавших немецкому режиму в годы Великой Отечественной войны на территории Латвии. Целью стало изучение практики борьбы органов НКВД–МВД с националистической организацией «лесные братья» в послевоенные годы. Задача работы заключается в выявлении разнообразных опера-

тивных мероприятий, способствовавших пресечению незаконной деятельности латышских националистов в 1944–1956 гг. Теоретико-методологическим фундаментом исследования стал анализ и синтез материалов о событиях, происходивших в то время, а также историко-правовой подход к изучению и оценке послевоенных событий. Новизна обусловлена необходимостью теоретического и практического изучения противодействия деятельности националистического подполья в условиях непростых отношений России со странами Прибалтики, возникших после обретения ими независимости в 1991 г.

В течение последних тридцати лет национал-политиками этих республик создаются нетерпимые условия проживания и работы для граждан, не относящихся к коренному населению. Искусственно запущен процесс выдавливания русскоговорящих граждан с территории прибалтийских республик. Активизируются бывшие legionеры латышского легиона СС, бывшие «лесные братья», запятнавшие себя службой Третьему рейху, и карательными акциями против мирного населения Новгородской, Псковской, Ленинградской областей в годы войны и произволом в послевоенной Латвии. Актуальность данного научного исследования заключается также в том, что опыт деятельности националистического подполья, вооруженных формирований «лесных братьев» ложится в основу современной тактики борьбы вооруженных сил прибалтийских республик, рассматривающих постсоветскую Россию как своего главного врага. Изучена тактика борьбы территориальных органов и 5-й дивизии НКВД–МВД, направленной на подавление вооруженного сопротивления «лесных братьев» в послевоенной Латвии. Определено, что применяемые против вооружённых формирований оперативные мероприятия заключались в следующем: организация истребительных отрядов местной самообороны из граждан; проведение чекистско-войсковых операций, предусматривающих прочесывание территории республики для подавления всех центров сопротивления; активная вербовка националистов и членов их семей; политика амнистии и легализации бывших национал-партизан; депортация всех лиц, содействовавших националистам в их деятельности. Автором установлены наиболее крупные формирования националистов и их руководство, численность и районы незаконной деятельности национал-партизан. В рамках критического, научного осмысления анализируется идеология латышского национализма, возникшая на основе псевдофилософских воззрений вождей Третьего рейха.

История латышских националистов, получивших название «лесные братья», и борьба с ними в послевоенный период не получила должного отражения в отечественной науке. Существуют воспоминания очевидцев и документальные свидетельства 1944–1956 гг. о том, что националисты совершали изуверские поступки в отношении местного населения и представителей советской власти в Латвии. Начиная с 1990–1991 гг., пришедшими к власти пронационалистически настроенными политиками началось активное, сознательное переписывание истории Латвии. Именно с краха Советского Союза в республике были реанимированы бывшие латышские legionеры СС, «лесные братья», которые вели ожесточенную борьбу против органов власти и мирного населения в послевоенной советской Латвии. Накал вооруженной борьбы продолжался вплоть

до 1946 г., когда основные очаги открытого сопротивления были подавлены. При этом следует отметить, что отдельные малочисленные отряды латышских националистов (численностью до 10 человек), размещавшиеся в подземных убежищах – бункерах, действовали в отдаленных районах Латвии вплоть до 1956 г. Историко-правовой подход к изучению этого вопроса позволит объективно рассмотреть историю России, а также бывшей советской республики советского времени, которая сейчас занимает одностороннюю антироссийскую позицию. Это становится особенно актуальным в условиях принятой руководством Латвии политики героизации бывших латышских эсесовцев, служивших во время войны в 15-й и 19-й ваффен-гренадерских дивизиях СС, сформированных немецкими оккупантами летом 1943 г. для карательных действий против мирного населения Псковской, Новгородской и Ленинградской областей.

Окончание Второй мировой войны стало началом новой подпольно-диверсионной войны в Латвии, которая была организована «лесными братьями» – латвийскими антисоветскими национал-партизанами.

В период наиболее активной фазы противостояния (1944–1946 гг.) на латышской земле действовало около 500 националистических вооруженных подпольных формирований, насчитывавших около 20 тысяч боевиков и столько же сочувствующих их национал-сепаратистской деятельности лиц латышской национальности [7].

Для активного противостояния органами советской власти националистами было сформировано несколько крупных военизированных, подпольных бандформирований. Несмотря на единство взглядов и практических действий в виде внезапных нападений и засад, эти вооруженные подпольные отряды не слились в единое боевое соединение или армию, не имели общего штаба для координации всех партизанских действий. Изначально на первом, наиболее активном этапе своей деятельности, крупные и не очень отряды националистов проводили свои операции самостоятельно, опираясь на собственные локальные задачи и установки, в том числе полученные из-за рубежа по линии английской и американской разведок. В ходе анализа деятельности националистического подполья было установлено, что наиболее крупными и опасными националистическими формированиями Латвии в 1944–1946 гг., против которых активно действовали территориальные подразделения НКВД – МВД республики, были:

1. Объединение латышских национальных партизан, которое возглавил Петерис Супе. Он со своим наиболее многочисленным (из прочих националистических формирований Латвии) отрядом националистов контролировал районы Видземе и Латгалии, проводя в них идеологическую работу с населением и террористическую деятельность против представителей органов власти и сочувствующих им лиц из числа местного населения.

2. Партизанский отряд северного Курземе, во главе которого стоял Миервалдис Зиедайнис.

3. Латвийское национальное партизанское формирование, контролировавшее территории района Курземе, которым руководил Янис Гулбис.

4. Латышская организация «Защитники отечества», дислоцированная в районах Латгалии. Ее возглавляли сначала священник Антон Юхневич, а потом Янис Зелчанс и Янис Вилчанс.

5. Полувоенный националистический отряд «Ястребы отечества» под руководством Аугуста Тилибса, распространявший свою противоправную националистическую деятельность на юге области Курземе [7].

Характеризуя действия незаконных вооруженных националистических формирований, следует указать, что они постоянно проводили акты прямого военного террора в республике, совершали атаки на государственные учреждения Латвийской Советской Республики, разрушали и поджигали их, уничтожали представителей советской администрации, партийно-комсомольских деятелей различного ранга, сотрудников НКВД – МВД, военнослужащих и лиц, сочувствовавших новой власти. Под их ударами оказались территориальные избирательные участки, склады, магазины, центры по сбору молочной продукции у населения, магазины, организованные новой властью сельские администрации, опорные пункты милиции, небольшие гарнизоны в удаленных местностях, дома лояльных к новой власти жителей и пр.

За все годы национал-партизанской борьбы (её активная фаза пришлась на 1944–1946 гг., после чего произошёл постепенный спад националистического движения сепаратистов, прекративших свою деятельность к 1956 г.) произошел ряд крупных столкновений подразделений войск НКВД – МВД СССР, а также территориальных органов НКВД – МВД, истребительных отрядов из числа сочувствующего советской власти местного населения, отдельных частей и гарнизонов Красной армии с националистами.

В рамках изучения историографии вопроса необходимо отметить, что основной акцент в исследовании национал-партизанского движения в послевоенной Латвии был смещен в сторону деятельности литовских националистов, террористическая борьба которых носила наиболее масштабный характер в регионах Прибалтики. При этом Латвия и Эстония выпали из академического внимания, за исключением бывших сотрудников МВД и безопасности, посвятивших этой теме свои воспоминания [5]. Решение этого вопроса требует уточнений. Так, среди зарубежных авторов следует проанализировать работу британского исследователя Стивена Доррилла [17], который на страницах своей книги достаточно откровенно говорит об использовании фактора латышского национализма в геополитической борьбе против СССР. При этом он считает вполне оправданным использование в этом противостоянии бывших эсэсовцев латышского легиона, запятнавших себя в том числе и карательной деятельностью против мирных жителей. Современные балтийские исследователи, например, Ромуальд Мисюнас, также считают вполне допустимым и не противоречащим законодательству Латвийской ССР послевоенную деятельность латышских «лесных братьев» из числа военнослужащих СС, дезертиров, бывших полицейев и лиц из административного аппарата немецкого оккупационного режима [19]. Поддерживает подобную точку зрения и другой латышский мемуарист, бывший дезертир из Красной армии, Янас Пинупс, предоставивший латвийской общественности свои воспоминания о суровом времени в послево-

енной республике [22]. Более объективно действия националистов в послевоенное время в Прибалтике рассмотрел литовский ученый Повилас Масюленис [18], который в своей работе объективно и беспристрастно рассмотрел вооруженную борьбу националистов против представителей новой власти и лояльного к ней мирного населения, приведшей к многочисленным жертвам. Также критично в своей работе к вооруженному сопротивлению «лесных братьев» подошел бывший военный контрразведчик генерал-майор А. М. Гуськов, который на примере событий, произошедших в послевоенной Прибалтике, показывает неприглядное лицо местного национализма, устроившего террор в послевоенных республиках [3]. Подобные полярные взгляды на происшедшие послевоенные события также актуализируют представленное исследование.

Исходя из анализа информации латышского учёного Х. Стродса, было определено, что к октябрю 1953 г. в ходе нападений и боевых столкновений с латышскими национал-сепаратистами погибло 2208 и было ранены 1035 военнослужащих внутренних войск, сотрудников НКВД – МВД и сочувствующих советской власти граждан Латвии. Общее количество убитых составило 3243. Анализируя категории погибших, было выявлено, что из них 48,5 % составляли советские и партийно-комсомольские активисты, почти 26 % – погибшие сотрудники МВД и безопасности, около 17 % – военнослужащие из территориальных управлений и спецчастей 5-ой дивизии НКВД – МВД, дислоцированной в Латвии, 9 % – бойцы истребительных отрядов, набранные из местного лояльного населения и демобилизованных по ранению из Красной армии [23].

Общие потери повстанческого движения национал-сепаратистов Латвии с 1944 г. по 1956 г. составили примерно 2500 ликвидированных боевиков. Подвергнуто аресту было 7342 националиста, амнистировано и легализовано среди обычного, в основном сельского населения, более 10 тысяч бывших национал-партизан (примерно 10 268 человек) [7].

Для ликвидации основных незаконных, законспирированных баз националистов в Латвии органы МВД республики в марте 1949 г. провели депортацию около 90 тысяч граждан Латвии, Литвы и Эстонии в отдаленные районы Сибири. Эта операция получила кодовое название «Операция Прибой». В результате ликвидации поддержки националистов со стороны местного населения в начале 1950-х гг., незаконная партизанская деятельность латышских «лесных братьев» практически полностью была подавлена. На свободе оставались проводившие отдельные засады на сельских активистов, участковых милиционеров и оперативников МВД мелкие формирования националистов, численностью до 10 человек, которые укрывались в подземных бункерах, расположенных на болотах, удаленных хуторах и в чаще лесных массивов. На закате национал-партизанского движения их интересовали больше уже материальные интересы обогащения, что провоцировало, как правило, криминальные нападения под традиционное прикрытие своих уголовных действий словами «войны за независимость Латвии и ее народа» [7].

Следует отметить, что в подобных националистических формированиях служили и женщины, которые постоянно проживали в лесу, прятались в подземных убежищах (бункерах), скрываясь вместе со своими родственниками от

высылки в районы Сибири за пособничество национал-сепаратистам или ведя противоправную вооруженную деятельность по идейным соображениям наравне с остальными боевиками. При этом следует отметить, что количество их было небольшим, это объясняется суровыми условиями жизни в подполье, предоставленной возможностью быть амнистированными и последующей легализацией на территории советской республики Латвия.

Важным фактом национал-повстанческой деятельности «лесных братьев» в послевоенное время является то, что они активно поддерживались представителями лютеранской и особенно католической церкви, обличавших с амвонов храмов (особенно в сельской местности) новую, безбожную власть. Кроме того, священнослужители прекрасно понимали, что атеистическая работа в массах со стороны новой власти значительно сократит прежние материальные поступления, понизит авторитет самой церкви и ее власть среди местного населения. Несмотря на божью заповедь «не убий», отдельные священники с оружием в руках активно боролись против органов власти Латвийской Советской Республики. В ряде случаев они добивались карьерного роста в руководстве националистического сопротивления. Так, например, сепаратистское национал-партизанское формирование «Защитники отечества» в 1945–1946 гг. возглавил католический ксендз Антон Юхневич. В условиях жесткой контртеррористической борьбы органов НКВД – МВД республики, чтобы спасти жизнь себе и остаткам своего отряда, находясь в полном окружении, в январе 1946 г. Юхневич сдался представителям власти, легализовался, но продолжал вести подрывную националистическую деятельность, активно агитируя местное население, призывая идти в лес и продолжать «священную» борьбу за свободу Латвии. В результате за свои преступления по решению суда через год он был расстрелян [7]. О крайней жесточенности националистической борьбы говорит тот факт, что последний «лесной брат» Янис Пинупс вышел из леса и сложил оружие только в 1995 г., когда из Латвии были выведены российские военные подразделения [22].

Говоря о латышском национализме, необходимо коснуться идейной стороны, раскрывающей ментальные ценности боевиков в отношении национального и государственного устройства республики. Так, основные идеи латышских национал-партизан своими корнями полностью уходили в философию Третьего рейха. Они считали доминирующей идею «крови и почвы» – «одна страна, один народ» и «Латвия для латышей». Свою республику националисты видели исключительно страной, населенной этническими латышами, которые должны заключать только этнические браки, чтобы не испортить «священную» кровь этноса. Для представителей остальных национальностей (русских, поляков, евреев), исторически проживавших на этих землях, места в Латвии не было, они подлежали насильственному выселению с территории республики. Не желавших добровольно покидать ее пределы следовало ликвидировать как «окупантов» и представителей низших «расово неполноценных» народностей. Этим во многом обуславливается особая жестокость латышских легионеров СС по отношению к некоренным народам в годы войны в Псковской, Новгородской, Ленинградской областях.

Противоправная деятельность «лесных братьев» в Латвийской Советской Республике использовала в своей борьбе методы партизанской войны и террора против представителей органов власти и тех, кого националисты причислили к изменникам латышского народа.

Для уменьшения накала вооруженной подпольной борьбы в 1946 г. в республиках Прибалтики советским правительством была проведена частичная амнистия и кампания по легализации бывших «братьев». Но это касалось только тех, кто добровольно сдался представителям Советской власти и сложил свое оружие. Им всем предоставлялось прощение. В результате такой возможностью воспользовались тысячи националистов. Установлено, что число амнистированных и легализованных бывших боевиков-националистов в 1946 г. составило в Литовской республике 656 человек, в Латвии – 2632 человек, в Эстонии – 1623 человек [14]. Благодаря этому массовое по характеру вооруженное подпольное движение «лесных братьев» в Латвии и Эстонии в основном было подавлено. При этом следует отметить, что наибольшее сопротивление националистов органы НКВД – МВД встретили в Литовской республике. Этот вывод доказывает и наименьшее по сравнению с Латвией и Эстонией число амнистированных и легализовавшихся местных боевиков-националистов. Например, на 1 января 1947 г. в Эстонской Советской Республике и в Латвии общая численность дислоцированных подразделений войск МВД, задействованных также в борьбе с бандитизмом и вооруженным национал-сепаратизмом в Литве (район Шауляй), составила 1725 сотрудников [4] (для сравнения, в Литовской Советской Республике в тот же период времени действовало 12571 военнослужащий [5]). Кроме того, о резком снижении и прекращении прежнего массового националистического вооруженного сопротивления в Латвии и Эстонии говорит количество жертв, пострадавших от террора «лесных братьев». Так, в 1946 г. в результате засад и вооруженных нападений националистов число погибших со стороны представителей советской власти и сочувствовавших ей местных жителей было:

- в Латвийской республике 77 человек;
- в Эстонской республике 214 человек;
- в Литовской Советской Республике 2731 человек [4].

На основании этих статистических данных можно утверждать, что в период 1945–1946 гг. организованные вооруженные националистические подразделения сепаратистов в республиках Латвии и Эстонии оказались в основном разгромленными территориальными подразделениями органов МВД, безопасности, войск МВД и приданными для проведения операций по зачистке территорий воинскими подразделениями из числа местных гарнизонов. В ходе борьбы с национал-сепаратистами органами НКВД – МВД республики в 1947 г. была раскрыта и ликвидирована штаб-квартира «лесных братьев» на улице Матиса в Риге, которая активно издавала газету националистического толка «Серебряное солнце» [23].

Понимая всю опасность вооруженного национал-сепаратизма, практически сразу после освобождения Латвийской ССР, 22 марта 1945 г., совместным решением руководителей НКВД и НКГБ СССР Л. П. Берией и В. Н. Меркуловым

(приказ № 00224/00156 «О мероприятиях по усилению борьбы с антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных банд на территории Латвии») было дано указание наркомку НКВД Латвийской ССР Эглицу Августу Петровичу и наркомку НКГБ Латвийской ССР Альфонсу Андреевичу Новиксу в ускоренные сроки приступить к организации всего комплекса агентурных и оперативно-войсковых мероприятий по скорейшей ликвидации националистического подполья в республике. Ранее (20 июля 1944 г.) для ликвидации боевых подразделений националистов и наведения конституционного порядка в республику были передислоцированы полки № 36, 138, 143, 260, 261, 288 5-ой дивизии внутренних войск НКВД – МВД, которой руководил генерал-майор П. А. Леонтьев (в 1949–1951 гг. дивизию возглавил полковник НКВД – МВД Кофанов Михаил Николаевич) [9]. Оперативной задачей, которая была поставлена руководством НКВД СССР перед П. А. Леонтьевым и его подчиненными, стала полная ликвидация национал-партизанских формирований на всей территории Латвии и Эстонии.

Для контроля над всеми районами республики уже к 1 ноября 1944 г. подразделения 5-я дивизии НКВД (численность ее составляла около 10 тысяч военнослужащих) разместились в центре и прилегающих к ним районах: так, штаб дивизии, а также весь 36-ой мотострелковый полк дислоцировались в Риге; 138-ой полк контролировал город Тарту и прилегающий к нему район; 143-ий полк взял под плотный контроль город Валмиеру; 260-ый полк был размещен в Талине; 261-ый полк контролировал литовское местечко Шауляй [9].

Оперативность и профессионализм военнослужащих 5-ой дивизии НКВД характеризуют представленные ниже факты. В течение первой половины января 1945 г. оперативно-розыскные подразделения 260-ого полка на территории Эстонии сумели обезвредить 31 сотрудника Абвера. 14 февраля 1945 г. 3-ий батальон 143-его полка возле села Дзорны Лудзенского района Латвии ликвидировал вооружённое националистическое формирование «лесных братьев» численностью около 20 боевиков. В середине февраля 1945 г. батальон 36-ого полка в лесном массиве к северу от городка Акнист Илукстского района Латвии разгромил подпольное бандформирование из 40 националистов. В начале марта 1945 г. в уезде Абрене (восточная Латвия) 143-ий полк разгромил крупное подразделение национал-сепаратистов численностью около 300 боевиков, которые базировались в 20 подземных убежищах (бункерах), созданных ими на многочисленных островках, расположенных в болотистой местности, именуемой «Стампаки», около города Виляка. Потери оперативно-розыскных групп из полков дивизии НКВД – МВД составили порядка 20 погибших и раненых военнослужащих [1].

Позднее, 1 февраля 1948 г., оперативные сотрудники 260-ого полка возле литовского местечка Гульбенишки в ходе проведения спецоперации ликвидировали верховного главнокомандующего Литовской освободительной армии и руководителя националистического подполья республики, носившего псевдоним «Жвейс» [11]. В 1949 г. 5-ая дивизия МВД приняла участие в операции «Прибой». С 10 по 19 марта, чтобы сокрыть подлинную цель этого мероприятия, оперативно-розыскные подразделения дивизии усилили борьбу с латыш-

скими националистами, проведя полную зачистку всей территории республики от скрывавшихся боевиков [10].

Таким образом, в ходе первого и второго периодов проявления национал-сепаратистского движения благодаря самоотверженной, оперативной деятельности военнослужащих 5-й дивизии НКВД – МВД СССР и проведению активных чекистско-войсковых операций против «лесных братьев» наиболее крупные подразделения националистов на территории республики были ликвидированы. В ходе боевых действий было уничтожено порядка 10 тысяч боевиков.

При столкновениях, прочесывании и зачистке местности, а также при проведении облав, обысков в домах, вызывавших подозрение, арестов был задействован не весь личный состав полков 5-ой дивизии НКВД – МВД, дислоцировавшихся в Латвии. Средняя численность каждого полка, состоявшего из трех батальонов, достигавших около 1,5 тысяч военнослужащих рядового, сержантского и офицерского состава. Из них только 700–800 человек непосредственно участвовали в оперативно-розыскных действиях и чекистско-войсковых операциях. Остальной состав был занят охраной штаба полка, осуществлял связь, занимался транспортом, медициной, снабжением воинской части и пр. [10].

Установлено, что основной тактикой подразделений и оперативно-розыскных групп 5-ой дивизии НКВД – МВД стало:

- привлечение наиболее активного местного населения в военизированные истребительные батальоны, выполнявшие функции по защите территорий;

- проведение чекистско-войсковых операций по зачистке местности и всех подозрительных мест на территории республики;

- ведение активной вербовки националистов и членов их семей, а также агентов иностранных разведок с целью сотрудничества и раскрытия сети баз, имен командиров, численного состава, вооружения и лиц, поддерживающих национал-сепаратистов на территории республики;

- использование ложных националистических групп, которые состояли из замаскированных сотрудников НКВД – МВД, скрытно действовавших на территории сельских просторов Латвии;

- активное уничтожение руководства подразделений националистов с целью развала банд и мелких групп;

- проведение оперативных игр по дезинформации руководства националистического сопротивления и иностранных (британских и американских) спецслужб;

- демонстрация трупов убитых национал-сепаратистов местным сельским жителям с целью создания психологического воздействия на сознание колеблющихся и желающих уйти к «лесным братьям».

Следует отметить, что практически сразу после освобождения территории Латвии от немецко-фашистских войск обеспечением норм конституции и законов занялись оперативно сформированные территориальные структуры Наркомата внутренних дел Латвии. Так, в результате понимания существующей опасности роста национализма в республике в руководство НКВД – МВД края для усиления его состава были дополнительно введены сотрудники штаба Прибалтийского фронта.

Второй период деятельности националистического подполья 1947–1950 гг. в Латвии знаменуется тем, что национал-сепаратисты значительно снизили свою боевую активность, по сравнению с их деятельностью в 1944–1946 гг. В это время они действовали, как правило, в составе небольших мобильных террористических групп. Так, обычный отряд латышских национал-партизан состоял из 6–10 человек, контролировавших район. При этом большинство нападений совершалось мелкими группами, состоящими из 2–3 человек. В ходе второго этапа партизанской деятельности латышские националисты отказались от прежней тактики нападений на подразделения частей войск НКВД – МВД, города и военные объекты. При этом значительно усилилась их активность по ликвидации граждан Латвии, которые сочувствовали и помогали органам советской власти. Фактически экстремистская деятельность в этот период времени была направлена на всех, кому могли нанести ущерб национал-партизаны. Так, в «расстрельные ведомости» вносили сотрудников милиции, членов партийно-комсомольского актива, работников народного хозяйства, сочувствующих граждан.

Установлено, что тактика действий национал-партизан представляла активное передвижение мелких групп среди разветвлённой на территории района сети подземных убежищ (бункеров), что чрезвычайно затрудняло борьбу органов НКВД с латышскими националистами. В ходе прямых боевых столкновений у десятка (или меньшего количества) боевиков шансов на успех практически не было, при этом обнаружить мелкие формирования национал-партизан на местности было очень сложно. По окончании скоротечного нападения или диверсии они до подхода оперативных групп НКВД – МВД отходили к месту своего замаскированного расположения (убежища). Даже в случае неудачного нападения ликвидация десятка или меньшего числа боевиков мало отражалась на общей напряженности ситуации в определенном районе Латвии.

Значительный удар по незаконной деятельности «лесных братьев» в Латвии был нанесен органами МВД республики в марте 1949 г., когда в результате массовой высылки из районов проживания наиболее состоятельных сельских жителей («кулаков») у националистического движения была практически полностью выбита социальная и материальная опора. Это стало переломной точкой в борьбе с националистическим подпольем. После 1949 г. проявления национал-сепаратизма латышских «лесных братьев» пошли на спад.

Третий этап национал-повстанческой деятельности, длившийся с 1950 г. по 1956 г., характеризуется угасанием подпольной борьбы, когда органами МВД и безопасности республики были ликвидированы последние мелкие очаги сопротивления и отдельные боевики-националисты, которые уже больше занимались криминальным промыслом, отбирая ценности и продовольствие у сельских жителей [12]. Часть повстанцев добровольно сдалась представителям органов советской власти и занялась мирным трудом.

Начало подпольному вооруженному сопротивлению националистов органам власти Латвийской Советской Республики на всей территории страны, положили первые стычки националистически настроенных отрядов, сформированных из числа лиц, активно сотрудничавших в годы оккупации с немцами, летом 1944 г. в Латгалии (юго-восток республики), когда Красная армия пере-

секла латышскую границу. Первоначально это были небольшие не согласованные в своей радикальной террористической деятельности группы сопротивления, т. к. у латышского вооруженного подполья никогда не было единого руководства, объединявшего все отряды «лесных братьев», координировавшего и направлявшего их деятельность в масштабах всей страны.

Следует отметить в рамках проводимого исследования, что административный район Абрене имел наиболее крупную в Латвии хорошо организованную и хорошо вооруженную отступающими немецкими оккупантами подпольную сеть. Представители этой законспирированной разветвленной организации называли себя «Латвийским национальным партизанским союзом». Руководители Абвера и СС при отступлении сознательно пошли на создание вооруженных националистических формирований, рассчитывая, что они начнут вести активную террористическую деятельность против подразделений Красной армии, деморализуют органы местной власти, будут контролировать местное население, активно шпионить и совершать диверсии на всех значимых транспортных магистралях республики, оттягивая на себя нужные фронту боеспособные части. Этим, по мнению руководства немецкой разведки и безопасности, будет достигнут хаос в тылу Красной армии, что ослабит удар против группировки немецко-фашистских войск в Курляндии и в Восточной Пруссии.

Основу деятельности этого «союза» положила объединенная группа латышских коллаборантов, активно сотрудничавших с немцами в годы оккупации. В первую очередь необходимо отметить латышских легионеров СС, бывших полицейских и лиц, сочувствовавших германскому оккупационному режиму в годы Великой Отечественной войны из числа представителей финансово-промышленного капитала, католической и лютеранской церкви, интеллигенции. Кроме этого, ряды бандформирований пополнялись за счет большого количества дезертиров из числа принявших присягу призывников, которых активно идеологически обрабатывали сельские священники из числа католического и лютеранского клира, отговаривая от несения воинской службы в рядах Красной армии. Число участников националистических отрядов возросло также из-за попыток новой власти ввести воинскую повинность в республике для юношей призывного возраста сразу по окончании Великой Отечественной войны. Уголовное преследование уклонистов от военной службы и членов их семей сокрытие заставляло их прятаться и вступать в отряды «лесных братьев». Кроме этого, имели случаи прямого дезертирства из воинских частей Красной армии: латышские военнослужащие бежали в леса к боевикам с оружием в руках, не желая больше служить и подвергать свою жизнь опасности на фронте. Всё это накладывалось на широко распространенные известия о том, что германские войска вновь скоро вернутся в республику, что Красная армия будет разгромлена благодаря немецкому техническому превосходству и силе немецкой армии.

В результате уже в мае 1945 г. около 400 тысяч военнослужащих бывшего Латышского легиона СС, отдельных отставших солдат и офицеров Вермахта нашли свое укрытие в лесах Латвии [5]. В итоге, избежав плена или ареста, они продолжили вести боевые действия с представителями органов советской власти, называя себя «лесными братьями», что продолжалось в отдельных случаях

до середины 50-х годов XX века. Некоторые из них, например, как Альфонс Ребане и Альфредс Риекстиньш, нелегально пересекли государственную границу СССР и нашли укрытие в Великобритании и Швеции, продолжив свое участие в разведывательных операциях спецслужб этих стран, тем самым оказывая содействие общей противоправной деятельности латышских националистов.

Об активности английской разведки на территории послевоенной Латвии говорит тот факт, что в ходе оперативных игр в период с 1949 г. по 1956 г. сотрудниками НКВД – МВД и НКГБ было захвачено 15 шпионов и диверсантов, имевших при себе 32 портативных передающих устройства, 17 управляемых радиомаяков, 6 видов тайнописи, свыше 3 миллионов рублей и пр. [13].

В качестве примера подпольной вооруженной деятельности латышских националистов следует рассмотреть хронологию действий наиболее крупного объединения «лесных братьев» в районах послевоенной Латгалии. Так, первоначально для организации своей подпольно-диверсионной террористической деятельности 1 октября 1944 г. с немецкого самолета-разведчика, который доставил ее с территории военного аэродрома в Восточной Пруссии, на территорию освобожденной Советской Латвии была десантирована небольшая группа националистов. Как показывают допросы бывших членов этой группировки, немецкий самолет пролетел через всю территорию Латвии и сбросил три группы десантников в тыл Красной армии [20]. Одну из них сотрудники НКВД практически сразу же уничтожили на месте, задействовав подразделение «СМЕРШ». Судьба второй осталась не выясненной, по мнению оперативников НКВД, члены этой группы после десантирования рассеялись и скрылись на территории Латвии, не желая рисковать жизнью в проигранной гитлеровцами войне [20]. Наиболее опасная, третья группа «лесных братьев» нашла укрытие возле Балтинавы – муниципального объединения, расположенного территориально на нынешней границе Латвии и России. По плану немецкого Абвера эти группы, состоявшие только из латышей, согласно поставленной задаче не планировали собирать разведанные для немецких войск. Им было поручено организовать массовое националистическое движение сопротивления в тылу Красной армии и постараться добиться независимости Латвийской Советской Республики от СССР или, как программа минимум, оттянуть на себя часть наступавших советских войск, что было крайне важным для оборонявшихся частей Вермахта в ходе восточно-прусской операции и штурме Кенигсберга.

Руководителем третьей группы был 24-летний националист Петерис Супе, имевший агрономическое образование, являвшийся ранее членом молодежной военизированной организации «Малые полки», созданной в 1929 г. для защиты Латвии. На сотрудничество с Абвером и подпольно-диверсионную деятельность его вдохновил меморандум Латвийского центрального совета, принятый в марте 1944 г. и призывавший всё население республики к борьбе за её независимость.

Следует отметить, что уже через несколько месяцев после ночной высадки, в декабре 1944 г., П. Супе удалось сформировать 7 националистических военизированных подразделений «лесных братьев», состоящих из 123 человек, которые и стали основой незаконного сопротивления государственным органам Латвийской Советской Республики. Как показывает анализ, эта вооруженная

группировка действовала на территориях Видземского и Латгальского районов. В ходе агитации местных жителей, подпадавших под приказ о мобилизации в Красную армию, а также скрывавшихся от суда бывших карателей-легионеров, полицейских и националистически настроенных граждан республики, число членов этого объединенного вооруженного формирования быстро достигло 1000 человек. Для ведения подпольной борьбы они активно использовали трофейное оружие, оставленное на местах боев, а также оружие, боеприпасы и военное снаряжение, предоставленное им отступавшими гитлеровцами. Националисты планировали оказать активное сопротивление органам власти зимой, используя фактор внезапности и то, что боеспособные части Красной армии были передислоцированы на северо-запад, где вели тяжелые бои в Курляндии и Восточной Пруссии. Кроме этого, в случае успешного для националистов развития событий и поддержки местного населения планировалось расширение территории ведения террористических действий по всей Латвии, захват населенных центров, организация всеобщего восстания недовольного советской властью населения, объявление о создании нового правительства.

В январе 1945 г. «лесные братья» из отряда П. Супе начали строить грандиозную укрепленную резиденцию для сопротивления органам внутренних дел в болотистой местности Стомпаки, расположенную у реки Виляка. Этот укрепленный подпольный националистический центр стал крупнейшим штабом ведения национал-сепаратистской деятельности в послевоенной Латвии. О его значении говорит созданная система укреплений, которая больше не была повторена в других местах дислокации латышских националистов. В результате по всему периметру резиденции были расположены укрепленные пулеметами вооруженные сторожевые посты национал-боевиков, внутри были 24 землянки, конюшни, зернохранилище, даже пекарня и церковь. Все здания были построены на небольших островках посреди болот, поэтому это место у боевиков-сепаратистов называлось резиденцией Салиню («Маленький остров» или, в шутку, «маленький Берлин»). Кроме националистов в нем проживало около 350 человек их родственников, в том числе женщины и дети [20].

Основной ударный костяк этого националистического формирования составляли «братья» из числа радикально настроенной латышской молодежи. Установлено, что некоторые из них ранее активно служили в латышском легионе СС или были уклонистами от призыва в Красную армию [20]. Для них сопротивление органам власти было скорее не политическим делом, а страхом преследования со стороны органов НКВД – МВД республики. У некоторых националистов из числа тех, кто противостоял этим силовым структурам под Абрене, была и другая мотивация: они полагали, что сражаются за свои дома и хозяйство, т. к. часть территории решением советского правительства была присоединена к Псковской области.

В результате территориальным подразделениям НКВД – МВД республики пришлось воевать на два фронта: против не сдавшихся групп немецких солдат Вермахта, которые не успели отступить вместе с основными силами немецкой армии и против местных националистов. Учитывая то, что руководитель националистов П. Супе был убежденным противником Латвийской Советской Рес-

публики, 2 марта 1945 г. около 500 военнослужащих 5-й дивизии НКВД – МВД начали наступление на болотный центр и укрепрайон националистов Салиню. Как показывают архивные материалы, с опорного болотного пункта националисты, используя выгодный рельеф местности, отбивали атаки в течение суток, после чего большинство из них рассеялись по близлежащим лесным массивам. Сам П. Супе вместе со штабом смог перейти в резервный подземный бункер. Выявлено, что в ходе боя погибло и умерло позднее от ран 20 военнослужащих (из них два офицера – командир 8-ой стрелковой роты старший лейтенант И. М. Ахлестин и командир взвода лейтенант С. А. Кутуев) [2]. Бой при Стомпаки можно считать самой крупной битвой латышских националистов за все годы подпольного сопротивления в Латвии, завершившейся их полным разгромом в 1956 г. [16]. Понимая, что, не имея особых людских сил для пополнения вооруженных отрядов, военного обеспечения и массовой поддержки со стороны местного населения, националисты после столкновения у Стомпаки выбрали новую тактику – создание небольших мобильных групп, рассчитанных на проведение мелких диверсий (засад) против представителей органов власти, сотрудников МВД республики (особенно участковых уполномоченных и оперативников), сочувствовавших органам власти лиц из числа местного населения, и небольших нападений на отдаленные от районных центров села и хутора.

Чтобы придать политический вес своим диверсиям и нападениям, националисты предпочитали проводить террористические акции в знаменательные годовщины, планируя тем самым разжечь тотальную войну в регионах Латвии. Например, 15 мая 1945 г. (годовщина государственного переворота в Латвии в 1934 г.) П. Супе и «лесные братья» из местечка Алуksне внезапно на рассвете напали на исполнительный комитет и деревню Малупе, заняв большую часть ее территории. В ходе нападения они собрали местных жителей, водрузили красно-бело-красный флаг на кровле администрации, заминировав ее гранатой, и спели гимн буржуазной Латвии.

Существуют сведения, что руководитель наиболее крупного в Латвии националистического формирования П. Супе предупреждал любых местных административных служащих о работе на советскую власть и жестоко наказывал тех, кто сопротивлялся ему.

Следует отметить, что националистические идеи «лесных братьев» активно поддерживали и представители местной лютеранской церкви. Как показывает анализ архивных материалов, 18 ноября 1945 г. во время службы весь лютеранский приход местечка Пальсмани под руководством проповедника Паулиса Бирзулиса, являвшегося активным информатором боевиков-националистов, исполнил бывший латышский гимн, который был запрещен новой властью [16].

В рамках действующего законодательства тех лет советская власть называла этих партизан бандитами. С точки зрения закона это было правдой, поскольку партизаны в мирное время по определению считаются вне закона, следовательно, их следует относить к категории преступников. При этом определено, что строгого поведенческого кодекса среди националистов не было. Так, например, в местечке Шкильбени националистами для демонстрации своей силы была убита семья (взрослые и четверо детей), о чем родственники со-

общили в НКВД – МВД района. В местечке Дуре беременная учительница была убита на глазах у своих учеников, а её мужа забили до смерти [16].

Несмотря на то, что это была не война как таковая, национал-партизаны действовали в условиях военного положения, понимая суровость воздаяния за их противоправные действия, стремясь жестокостью и страхом заставить местное население поддерживать их политику полного неприятия советской власти и ее действий.

Как показывает анализ оперативно-розыскной деятельности, боевые подразделения и оперативные группы 5-й дивизии НКВД – МВД СССР активно проводили антиповстанческие операции по всей территории Латвии, планомерно осуществляя зачистку всей сельской территории республики. Например, подобных чекистских операций только в районе Илуксте было 13. Это вызвано тем, что летом 1945 г. повсеместно в этой области были парализованы советские учреждения, разрушены дома, магазины и административные здания.

В августе-сентябре 1946 г. в Латвии было проведено 1570 чекистско-войсковых операций (примерно 25 каждый день) [10], которые в основном проходили в форме «прочесывания», т. е. военнослужащие НКВД – МВД ходили по лесу цепью как охотники. Лошади, принадлежавшие движению националистов, использовались для поиска партизан, потому что они всегда возвращаются назад по дороге, которую знают. Однако больше всего сотрудникам МВД помогали перевербованные бывшие боевики из числа «лесных братьев» и члены семей скрывающихся националистов, стремящиеся заслужить прощение у советской власти своим сотрудничеством. Они приводили оперативные группы к знакомым укрытиям националистов или помогали ликвидировать их, минировав и взрывая подземные бункеры. Например, Петерис Супе (псевдоним «Цинитис», т. е. «Кочка»), командующий «лесными братьями» в Абрене, был убит в ходе спецоперации завербованными органами НКВД – МВД бывшим националистом, что привело к развалу всего соединения национал-партизан в районах Латгалии (юго-восточная Латвия). Это знаковое событие произошло в доме Яунземи в приходе Яунгульбенес 1 апреля 1946 г., где проживал Ото Ключис, бывший подполковник латвийской армии. П. Супе и его заместитель Х. Аусеклис приехали туда, чтобы предложить Ключису присоединиться к боевикам. Во всех передвижениях командира националистов обычно сопровождали три личных телохранителя, но на этот раз присутствовал только один из них – Янис Климканс. Пока Супе и Ключис разговаривали, завербованный органами НКВД – МВД Климканс (бывший местный крестьянин, выпускник Рижской английской гимназии, дезертир из немецкой и из Красной армий) внезапно расстрелял их из автоматической винтовки [21].

Для создания психологического эффекта среди местных колеблющихся жителей, заставляющего их задуматься о возможных последствиях участия в движении «лесных братьев», труп Супе был публично выставлен на центральной площади Виляки. На табличке, висевшей на его груди, было написано: «Предводитель латгальских бандитов». Ранее на этом же месте были выставлены четверо погибших родственников П. Супе – его мать, отец, сестра и брат, ликвидированные по законам военного времени за пособничество и национализм.

В результате продуманных и спланированных оперативных действий органы НКВД – МВД обратили свое внимание на точечную ликвидацию командиров националистов. Без своих лидеров «лесные братья» лучше поддавались агитации и пропаганде, охотнее соглашались на сдачу оружия. Кроме этого, на психологическое состояние национал-боевиков удручающе повлиял тот факт, что ни англичане, ни американцы не собирались начинать войну с СССР и на их помощь не приходилось рассчитывать. В результате боевые действия начали утихать. Необъявленная война пошла на убыль, хотя каждый националист психологически держался, сколько мог. Все больше и больше «лесных братьев» принимали предложение НКВД – МВД сдаться при условии амнистии и легализации их среди мирного населения.

Так называемое Алсвикское перемирие также включало предложение о легализации бывших «братьев». Это был уникальный случай (единственный во время всего прибалтийского сопротивления), когда официально НКВД – МВД и национал-партизаны согласились на прекращение огня [6]. Это произошло в сентябре 1945 г. в Страутинийском исполкоме Алсвикской волости. Сотрудники НКВД – МВД пропускали даже вооруженные национал-партизанские отряды. Перемирие длилось 12 дней, как и было условлено, но после этого вновь возобновились боевые действия. Несколько «братьев» согласилось сдаться, но основная их часть продолжила сопротивление, т. к. НКВД – МВД не удовлетворило их требование о проведении свободных выборов в Латвии, о возвращении депортированных латышей из Сибири и пр.

Наивность националистического сопротивления в послевоенной Латвии иллюстрируется двумя манифестами, распространенными на территории республики национал-партизанскими группами в 1945 и 1946 гг. В них высказывались требования, касающиеся свободы Латвии и её выхода из СССР. Документы были написаны довольно примитивным языком, свидетельствующим о том, что его обладатели не понимали новых политических преобразований и социально-экономических перспектив развития Латвии, соотнося вхождение республики в СССР со временами владычества на правах вассала Польши и Швеции XVII в. Это во многом объясняет тот факт, что их не поддержало основное население, значит, они идейно проиграли свою битву новому общественному устройству.

Как и бывшее правительство Латвии, оказавшееся в эмиграции, «лесные братья» были обречены на провал еще до того, как начали свою национал-сепаратистскую деятельность, надеясь, что западные союзники будут вести войну против СССР. Запад никогда всерьез не рассматривал этот вариант, поскольку он был заинтересован в ослаблении СССР руками самих местных националистов и не питал к населению Прибалтики особого интереса. Депортация сочувствующих националистам и их идеям в 1949 г. также сыграла свою роль в сокращении возможностей национал-партизан, утративших в связи с этим материальную и социальную базу для восстановления своих рядов и продовольственных возможностей.

Подводя итоги, следует отметить, что к 1956 г., за 13 лет национал-сепаратизма, было убито 2500 «лесных братьев», 5500 арестовано и около 1/10

из них по решению суда было приговорено к высшей мере наказания. Это был итог националистической борьбы радикально настроенной части населения Латвии [10].

Некоторое сопротивление продолжалось вплоть до хрущевской оттепели, когда последние одинокие волки покинули лес. Последняя группа латгальского сопротивления «легализовалась» в 1957 г. Это была семья Мичули, пять человек, составлявших боевую группу последних националистов [20]. Дальнейшее ведение войны оказалось для них бессмысленным.

Исследуя деятельность национал-партизан, необходимо сказать, что особых политических целей националистическое сопротивление «лесных братьев» в Латвии перед собой не имело. Центральное политическое руководство у них полностью отсутствовало. Идеология «Латвия для латышей» и превосходство расы во многом была заимствована у Третьего рейха, что в 50-е годы XX столетия не находило особой поддержки у местного населения. Противопоставить что-то свое, уникальное политике советского правительства они просто не могли. Основная часть населения в годы советской власти стала жить намного лучше, чем в прежние времена. Соответственно, можно сказать, что их борьба изначально была обречена на провал. Кроме того, проводимые ими репрессии в отношении все более увеличивавшегося сельского населения, перешедшего на сторону новой власти, в итоге оттолкнули от них даже изначально самых преданных. Всё это сделало их в итоге изгоями общества.

За организацию и проведение антитеррористических операций в западных областях СССР были отмечены правительственными наградами наиболее отличившиеся сотрудники НКВД – МВД и безопасности. В результате было награждено 3142 военнослужащих, среди них ордена Красного Знамени было удостоено 75 сотрудников, орден Отечественной войны I степени был вручен 183 военнослужащим, орден Отечественной войны II степени получили 424 человека, к ордену Красной Звезды было представлено 1182 сотрудников, медалью «За отвагу» наградили 814 бойцов, медаль «За боевые заслуги» стала наградой для 646 военных [8].

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА ОРГАНОВ НКВД – МВД С КУЛАЧЕСТВОМ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛАТВИИ

Целью четвертой главы является проведение на основе историко-правового подхода исследования политики коллективизации и борьбы с кулачеством в Латвийской Советской Республике в 1946–1953 гг. Задачами стал анализ побудительных причин экономико-политической трансформации латышского послевоенного общества, что было вызвано необходимостью коллективизации села, проведением раскулачивания. Теоретико-методологическим фундаментом работы стал анализ, синтез источников, историко-хронологический принцип исследования происходивших событий. Актуальность в значительной степени определена необходимостью проведения анализа политики раскулачивания и коллективизации латышского села, которая в постсоветской Латвии национально ориентированными историками и политиками объявлено геноцидом.

Исследование определило, что в послевоенной Латвии деятельность органов НКВД – МВД была направлена на ликвидацию банд националистов, получивших название «лесные братья», которые в своей противоправной антиконституционной деятельности опирались на многогранную помощь со стороны состоятельного и националистически ориентированного сельского населения – кулаков и в меньшей степени так называемых середняков. Именно продовольственная помощь со стороны националистически настроенного населения позволила вооруженным незаконным формированиям «лесных братьев» продержаться в лесах и болотах Латвии до 1956 г.

Установлено, что решение остро стоящей проблемы наведения конституционного порядка в республике подтолкнуло правительство Латвии и органы НКВД – МВД к проведению коллективизации села и депортации в марте 1949 г. лиц, сотрудничавших с националистами. Именно эти категории латышского общества своей, в первую очередь, продовольственной поддержкой усиливали и продолжали подпольную вооруженную деятельность «лесных братьев» против органов официальной власти в 1944–1956 гг. Именно с этим национал-сепаратистским явлением, основу которого составили бывшие латышские легионеры СС, а также местные коллаборанты, сотрудничавшие с оккупационными немецкими властями, пришлось бороться органам НКВД – МВД в послевоенной Латвии. Раскулачивание было вынужденной мерой, помогавшей сбить накал вооруженной борьбы «лесных братьев», оказавшихся лишенными продовольствия, а также мест отдыха, лечения и восстановления сил на удаленных хуторах, принадлежавших националистически настроенным фермерам.

Сегодня в ученых и политических кругах Латвии этой политике вынужденных мер раскулачивания дается резко негативная оценка, а бывшие легионеры СС объявлены национальными героями. Применяя историко-правовой подход в исследовании вопроса борьбы органов НКВД – МВД с «лесными братьями», становится необходимым изучить процесс раскулачивания состоятельных фермеров, ставших опорой националистов в сельской местности.

Образ партизана, неожиданно наносящего удар по врагу, является мощной метафорой национального сопротивления, решимости, мужества и патриотизма. Три прибалтийских государства – Эстония, Латвия и Литва – существовали в состоянии постоянной нестабильности. Советское наследие, неповиновение и независимость сформировали стратегическую культуру современной Прибалтики, идеализирующую такие формы военизированной войны, как подпольная национал-сепаратистская деятельность «лесных братьев». Красная армия при поддержке большинства местного населения освободила Прибалтийские республики от немецкой оккупации в 1944–1945 гг. Сегодня национал-партизанское сопротивление этому освобождению от власти Третьего рейха, известное как «лесные братья», вспоминается латышскими историками и политиками как мощный символ сопротивления и национального единства против превосходящих сил. Эта легенда до сих пор продолжает оказывать определенное влияние на умы балтийского населения. Акцент на неповиновении от послевоенных лет до наших дней отвлекает население от реалий современной жизни, падения жизненного уровня в постсоветский период и депопуляции страны.

Летом 1944 г. с момента освобождения от немецких войск новая власть провела основательную советизацию всех сфер жизни Латвии и других прибалтийских республик. В условиях новой внутренней политики правительству Латвийской ССР пришлось столкнуться с многоплановой поддержкой (продукты, одежда, лекарства, людские ресурсы, возможность постоя и отдыха на удаленных хуторах) сельского населения вооруженных национал-сепаратистских отрядов «лесных братьев», активизировавших с осени 1944 г. свою противоправную повстанческую деятельность против представителей советской власти и сельских активистов, сочувствовавших ей. Чтобы ослабить враждебную деятельность по поддержанию незаконных вооруженных формирований деструктивно настроенной частью сельского населения Латвии, руководство республики приняло решение о проведении масштабной коллективизации села и раскулачивании противников советской власти, являвшихся политико-экономической опорой подпольных националистических формирований. Кроме того, коллективизация стала неотъемлемой частью советизации и интеграции республики в политико-экономическое пространство Советского Союза. С этой целью в Латвии прибегли к проверенному опыту объединения крестьянских хозяйств, применявшемуся в СССР в конце 1920-х и начале 1930-х гг. Эти меры предполагали следующие действия:

1. Разделение фермерского населения путем выделения бедных крестьян и лиц среднего достатка в противовес так называемых зажиточных кулаков.

2. Отмена существовавшей социально-экономической дискредитации либо ослабление сложившихся социальных институтов, преобразование их в соответствии с образом советского села, в результате чего все сельское население должно было быть уравнено во всех политико-экономических правах.

3. Политические и экономические репрессии органов НКВД – МВД в отношении враждебно настроенных сельских жителей, поддерживавших своими действиями вооруженные националистические формирования «лесных братьев».

Применение этих мер позволило стабилизировать ситуацию в сельской местности. Враждебно настроенная часть сельского населения (кулаки) была лишена единства, поэтому оказалась не способна организовать защиту своих интересов, а также утратила возможность продолжать тайную помощь незаконным вооруженным формированиям «лесных братьев».

Опубликованные в Латвии научные статьи, документы и мемуары дают достаточно полную картину экономических и политических рычагов, которые были задействованы для упразднения единоличного хозяйства и полной национализации сельской экономики республики. В условиях масштабной политической борьбы органов НКВД – МВД с враждебно настроенным классом кулаков, большая часть которого заняла позицию откровенного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, решалось несколько государственных задач: проведение аграрной реформы в 1944–1945 гг., развитие совхозов и различных артелей в сельской местности.

Искоренение кулачества как класса и коллективизация. Традиционно искоренение кулачества как класса в СССР рассматривалось как инструмент достижения всеобщей коллективизации. Однако анализ событий в Латвии

приводит к выводу, что экономическое и социальное подавление кулачества имели политическое значение, которое нельзя свести исключительно к стремлению добиться быстрой и полной коллективизации сельского хозяйства. Необходимость экономического и социального искоренения кулачества вытекала из тезиса И. В. Сталина о классовой борьбе, которая обострялась с прогрессом социализма, а также из-за постоянной поддержки кулаками отрядов воюющих националистов, усиливающей рост криминогенной обстановки в республике. Кроме того, представители кулачества повсеместно старались различного рода акциями оказать сопротивление проведению новой политики коллективизации в сельской местности. Среди подобных враждебных действий следует отметить проводимые ими повсеместно мероприятия по запугиванию населения, поджоги и порчу имущества колхозов и совхозов, участие в нападениях на представителей сельского актива Латвии и органов власти. Таким образом, кулаки, действовавшие в целях устрашения населения совместно с боевиками из отрядов «лесных братьев», пытались подменить собой на селе официальные властные структуры.

Основа политики искоренения кулачества как класса была заложена еще в период вхождения Латвии в состав СССР в 1940–1941 гг. путем национализации земли и проведения аграрной реформы. Размер каждой фермы был ограничен 30 га, а земля, превышающая установленный лимит, была экспроприирована в пользу государства. Первые репрессии зажиточных крестьян были связаны с саботажем и оказанием вооруженного сопротивления представителям сельской администрации и органам НКВД, они были направлены на предотвращение диверсий в ходе создания машинно-тракторных станций (далее – МТС) и конных станций, которые стали действовать на территории республики в начале 1941 г. Для этой цели органами власти республики при поддержке представителей НКВД было конфисковано около 500 самых крупных и хорошо организованных ферм, а их владельцы по большей части 14 июня 1941 г. были арестованы или депортированы за оказание сопротивления органам власти, ведение антисоветской агитации, попытки организации террора и диверсий в сельской местности, сотрудничество с германским Абвером.

После освобождения территории Латвии советскими войсками 7 сентября 1944 г. в Даугавпилсе Президиум Верховного Совета Латвийской ССР издал указ «О внесении изменений в Закон о земле», который восстанавливал право пользования землей, предоставленное ранее законом от 29 июля 1940 г. Новый размер для крестьянских ферм составлял 10–15 га, в то время как в 1940–1941 гг. он был только 10 га. Указ предусматривал гораздо больший объем конфискации земель в пользу государственного земельного резерва, чем это было в 1940 г. Это стало жизненно необходимым условием для подрыва экономической и социальной поддержки кулаков незаконных вооруженных националистических формирований «лесных братьев», активизировавших свою террористическую деятельность в республике, начиная с осени 1944 г. В ходе этих мероприятий земельные комиссии были уполномочены установить потолок размера земли на одно хозяйство в пределах 20–30 га «в зависимости от местных условий». Лица, «оказывавшие активную помощь немецким захватчикам

во время периода оккупации», получали по 5–8 га земли. Все «земли, удерживаемые врагами народа и спекулянтами земель, подлежали передаче в государственный земельный резерв в полном объеме» [9]. Все подобные хозяйства относились к кулацким и облагались высокими налогами в пользу государства. В результате на кулацкие хозяйства легла основная тяжесть налогов и сборов продуктами натурального хозяйства, что способствовало снижению помощи, поступавшей от них в отряды националистов.

Официальные критерии определения кулацких хозяйств были закреплены в Постановлении Совета Министров ЛССР от 27 августа 1947 г. № 761 «О критериях оценки кулацких хозяйств и порядке их налогообложения», принятом по инициативе Минфина СССР. В связи продолжающейся неофициальной поддержкой вооруженного националистического подполья в 1947 г. началась политика изоляции и изгнания кулаков. К кулацким было отнесено 10 924 хозяйства, что составило 4,1 % от всех хозяйств республики [14]. Сельскохозяйственный налог исчислялся исходя из общего дохода с фермы, который теоретически мог быть получен с соответствующего участка земли, при этом не учитывался фактический доход. Сельскохозяйственные сборы в натуральной форме (сельскохозяйственные продукты, которые должны были быть проданы государству по низкой цене) применялись ко всему кулацкому хозяйству, а не к той его части, которая фактически производила ту или иную продукцию. В результате проводимой государственной политики кулацким хозяйствам приходилось сдавать больше сельхозпродукции с гектара пашни, чем другим хозяйствам, а самый высокий показатель налога иногда мог в шесть раз превышать самый низкий, получаемый с обычного фермера. Ожесточенная борьба органов НКВД – МВД в Латвии с «лесными братьями» в послевоенные годы усиливалась, поэтому правительство республики старалось экономически подавить кулака, чтобы пресечь всякую помощь, оказываемую националистам.

Ставка налогообложения зависела также от размера крестьянской фермы. Средний сельскохозяйственный налог с одного хозяйства в 1947 г. вырос по сравнению с предыдущим годом в 1,7 раза, при этом для кулацкого хозяйства он увеличился в 5 раз [9]. В 1947 г. средний налог с 1 га земли и с одного трудоспособного человека в кулацком хозяйстве в 12–17 раз превышал налог по сравнению с бедняцким хозяйством и в 4–5 раз – налог для средних фермеров. В свою очередь сельскохозяйственный налог на владельца среднего по размерам хозяйства в 3–4 раза превышал ставку, применяемую к бедным фермерским хозяйствам. В 1948 г. с экономическим ростом республики ставка сельскохозяйственного налога была увеличена еще на 33 % для всех категорий фермерских хозяйств. Одновременно с этим были отменены существующие налоговые льготы для новых фермеров и пожилых людей, а кулацкие хозяйства получили дополнительную надбавку в 2–2,5 раза с учетом денежной реформы 1947 г. и снижения цен на сельскохозяйственную продукцию. В результате, чтобы максимально ослабить потоки тайной материальной помощи «лесным братьям», сельскохозяйственный налог на кулацкие хозяйства в 1948 г. вырос в 5 раз по сравнению с предыдущим годом. В этом же году ставка обязательного страхования для них увеличилась вдвое, т. е. выше, чем в других фермерских хозяйствах [6].

Уже в 1947–1948 гг. большинство кулацких хозяйств экономически значительно ослабло и было на грани разорения. Кроме того, поскольку были введены серьезные ограничения на использование наемного труда, многие крупные фермеры были не в состоянии обрабатывать свою землю, а, значит, и платить повышенный налог. В своем отчете от 29 августа 1947 г. Янису Калнберзиньшу, первому секретарю Центрального Комитета Латвийской коммунистической партии (ЦК КПЛ), и Вилису Лацису, председателю Совета Министров, заместитель Председателя Совета Министров ЛССР Евгений Ронис писал, что в течение 1,5 лет 11 400 крупных фермеров-кулаков подали заявления в местные волостные приходы (волости) или районным властям о полном или частичном отказе от своей земли. По словам Рониса, местные власти, как правило, отклоняли такие заявки, и «отклоняли апелляции и заявления многих кулацких фермерских хозяйств, которые фактически самоликвидировались» [21]. Составление списков кулацких хозяйств и повышение налоговой ставки на них ускорили процесс спада вооруженной повстанческой борьбы «лесных братьев» в Латвии, которые оказались практически полностью лишены продовольственной и иной материальной помощи для продолжения своей внеправовой деятельности. Теперь, в новых условиях экономического спада, «лесным братьям» приходилось прибегать к прямому разбою и грабежу мирных сельских жителей, чтобы раздобыть продовольствие и одежду. Это вызывало широкое недовольство населения и поддержку действий органов НКВД – МВД и безопасности по пресечению уголовной деятельности националистических банд. Чтобы полностью экономически пресечь уголовно-националистические выступления боевиков и окончательно ликвидировать их материальную базу, власти совместно с органами НКВД – МВД расценивали отказ кулаков от земли как саботаж, что влекло за собой систему наказаний.

Многие из лиц, занесенных в кулацкие списки, считали колхоз или совхоз возможностью выхода из своего политически и экономически разрушительного положения и повышения уровня своей жизни, а также продолжения своего тайного сотрудничества с «лесными братьями». Однако такие попытки демонстрации искусственной лояльности к новой власти вызвали обратную реакцию. Прием кулаков в колхозы был запрещен, тем более не допускалось их назначение на руководящие должности. Так, в 1948 г. из колхозов было исключено 200 кулаков, 50 председателей были уволены со своих должностей за связь с националистами [7]. Однако следует отметить, что на местном уровне политика недопущения кулаков в колхозы не всегда последовательно исполнялась, т. к. многое зависело от приходского парторга и представителей районной администрации, которых часто пытались подкупить или запугать «лесными братьями». Кроме того, представители кулачества старались спровоцировать случаи активного протеста колхозников против антикулацкой политики, распространяя направленные на создание панических умонастроений среди селян слухи и домыслы о возможных конфискациях, изъятии имущества и росте немотивированного налогообложения.

Очевидно, что проводимая органами НКВД – МВД политика, направленная на подавление вооруженного подполья, нанесла удар по их тайным сторонникам

из числа сельских кулаков. Теоретически их коллективизация считалась невозможной из-за систематического тайного пособничества боевикам-националистам и идейной антисоветской направленности их взглядов с надеждой и ожиданием вторжения в Прибалтику войск западных стран в ходе новой мировой войны. В ходе проведения земельной реформы и налоговой политики, направленных на подавление вооруженного подполья и его материальной базы на селе в лице кулаков, уже к 1949 г. наиболее крупная и экономически сильная часть фермерского населения на практике была полностью разрушена, потеряв в итоге свое политическое влияние и способность оказывать помощь отрядам националистов. Кроме того, 25 марта 1949 г. было депортировано более 13 000 семей, что логически продолжило общую политику изоляции и изгнания кулаков из сельской местности. Депортация, осуществленная органами НКВД – МВД, нелояльной части сельского населения республики в марте 1949 г. и первые годы существования колхозов и совхозов, где велся строгий учет всех материальных запасов, завершили процесс неофициальной поддержки «лесных братьев», оставшихся в результате без прежней масштабной продовольственной поддержки.

Политическое значение процесса искоренения кулачества как класса было столь велико, что отдельные моменты экономической невыгодности такой политики игнорировались представителями новой власти, хотя и были очевидными многим в Латвии. При этом последствия этих процессов в отношении кулаков выходили за пределы этой конкретной группы крестьянского населения и носили исключительно политико-экономический характер. Искоренение кулачества подорвало также нравственную репутацию этого слоя общества и его влияние на все сельское население республики.

Изначально в 1940–1941 гг., когда Латвия только вошла в состав СССР, намерение коллективизировать сельское хозяйство официально отрицалось советской властью. Правительство республики говорило только о добровольном вступлении в сельскохозяйственные кооперативы и ассоциации совместного возделывания земли. Так, например, Компартия Латвии (далее – КПЛ) заявила в требованиях к новому правительству республики 21 июня 1940 г., что «коллективизация не должна навязываться крестьянам против их воли» [13]. В ходе проводимых реформ по национализации земли, аграрной реформы, а также ряда мер, предпринятых весной 1941 г., таких как создание упомянутых выше МТС, сельскохозяйственных и рыболовецких артелей, наметился курс на коллективизацию села. Когда войска Красной армии освободили территорию Латвии от немецкой оккупации, цель всеобщей коллективизации представителями власти и органов НКВД – МВД не скрывалась, т. к. начавшаяся масштабная борьба с «лесными братьями» требовала подрыва их продовольственной и социальной базы. В 1949 г. официальные средства массовой информации продолжали заявлять, что создание колхозов следовало проводить на сугубо добровольной основе. Это способствовало бы формированию общественного мнения о том, что система создания колхозов в Латвии является прерогативой самих селян, которые при их образовании получают от этого прямые экономические выгоды.

Изначально пропаганда взглядов КПЛ подчеркивала, что земельная реформа предоставила землю мелким фермерам и безземельному сельскому населению, и обращала внимание на то, что коллективизация является только перспективой отдаленного будущего. Однако события с осени 1944 г. по 1946 г. стали значительным переломом в пропагандистских тенденциях, потому что центральному аппарату НКВД в Москве пришлось организовывать и проводить широкомасштабную операцию по искоренению вооруженного националистического подполья и его сторонников в республике в условиях возможного начала новой войны с Западом. Советское руководство было вынуждено выразить недовольство местной тактикой постепенного решения вопроса, связанного с проводимой республиканскими властями политики коллективизации. В результате секретарь ЦК КПЛ по вопросам сельского хозяйства Янис Юргенс был уволен. Министра сельского хозяйства Яниса Ванэгса и некоторых других высокопоставленных чиновников упрекали в том, что они уклонялись от непосредственного решения вопросов борьбы с отрядами вооруженных националистов и преобразования сельской местности, тем самым тормозя процесс подавления национал-сепаратизма в республике. Имеющиеся источники не позволяют установить, была ли подобная тактика неспешного решения вопроса по коллективизации инициативой руководства местной КПЛ во избежание возможного недовольства со стороны всех фермеров и желания обеспечить минимальную лояльность с их стороны. Скорее всего, вмешательство Москвы и претензии центра к руководству Латвийской ССР фактически спровоцировали серьезные изменения в отношении острой внутривнутриполитической ситуации в Латвии, а также ускорили процесс советизации прибалтийских республик в условиях возможного начала новой войны с Западом. В результате 21 мая 1947 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О колхозном строительстве в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» [18]. При этом было заявлено, что создание колхозов и совхозов должно было происходить без лишней спешки и на строго добровольных началах. А для мелких и средних фермеров создавались максимально выгодные условия вхождения коллективные хозяйства. С другой стороны, государственная система налогообложения крупных хозяйств кулаков вела к полному их разорению и переселению в города или к высылке в районы Сибири за пособничество националистическим бандформированиям.

Для стимулирования интереса фермеров правительством республики планировалось в 1947 г. создать 25–30 «пилотных» колхозов [3]. В каждом приходе Латвии должны были быть организованы инициативные группы из беднейших фермеров – колхозы, которые планировалось обеспечить самой современной сельскохозяйственной техникой, но не тракторами, (их выделяли только МТС). Коллектив, образованный из фермеров, имел право на электричество и телефон. Колхозы и колхозники облагались льготной нормой поставок продовольствия государству [1]. На практике эта политика преимуществ обобщественного хозяйства дала ожидаемые результаты. Число колхозов росло, хотя и медленнее, чем предполагалось. Многие фермеры были запуганы националистами из отрядов «лесных братьев», угрожавших расправой за попытки вступления в колхозы и совхозы. Средние фермеры старались в таких условиях не

торопиться со вступлением, заняв выжидательную политику: кто кого победит – советская власть «лесных братьев» или националисты новую власть. Кроме этого, такой выжидательной тактике сопутствовало ожидание возможной новой войны с Западом. При этом средние по доходам фермеры, имевшие землю, полученную в ходе аграрной реформы 1944–1945 гг., в целом были более лояльны к советской власти, чем представители крупных хозяйств, но лишь до тех пор, пока вопрос о вступлении их в коллективные организации не требовал принятия решения. Они боялись своим вступлением спровоцировать репрессии по отношению к себе и своим близким со стороны боевиков из «лесного братства». В результате на 1 января 1949 г. в республике насчитывалось всего 890 мелких колхозов, включавших 23 900 дворов, что составляло 10,2 % от их общего количества в сельской Латвии [13]. Понимая всю важность подавления вооруженных националистических формирований и уничтожения их «сельской опоры» – кулачества, 24–27 января 1949 г. прошел съезд КПЛ, на котором было принято решение о всеобщей коллективизации. Для её реализации 25 марта 1949 г. органами НКВД – МВД была проведена массовая депортация всех сочувствующих идеям национализма и сепаратизма, что должно было подорвать регулярное снабжение боевиков и уничтожить их опору на селе.

Одновременно органы НКВД – МВД и внутренние войска усилили борьбу с вооруженными националистическими группами «лесных братьев», полностью подавив их сопротивление в сельской местности в ходе проводимой спецоперации по депортации. Эта чрезвычайные меры дали ожидаемые результаты. Накануне спецоперации 24 марта 1949 г. в Латвии коллективных хозяйств было 1443 и около 500 инициативных групп по созданию новых колхозов, а в период, начавшийся сразу после депортации враждебного элемента, с 27 марта по 6 апреля 1949 г. было создано 1740 новых колхозов и совхозов. К 1 мая этого же года в колхозы было включено уже 71,6 % всех фермерских хозяйств республики, бывших до этого единоличными [13]. Для оставшихся после проведения всеобщей коллективизации в удаленных районах отдельных крупных хозяйств прежние налоговые платежи сохранялись в полном объеме.

В результате продуманной налоговой политики, действовавшей в отношении хозяйств кулаков, снизившей их производительность, и установления для них мизерных цен на госзакупки большинство подобных частных фермерских хозяйств находились в очень тяжелом финансовом положении. Особенно это почувствовалось в 1950 г., когда плохие погодные условия дополнительно привели к невысоким сборам урожая, поэтому многие кулаки были не в состоянии рассчитывать с государством. Их доходы продолжали снижаться и в дальнейшем. На июньской сессии ЦК КПЛ в 1953 г. Калнберзиньш признал, что по сравнению с 1949 г. денежное вознаграждение оставшихся в республике кулаков уменьшилось на 57 %, а уплата налогов государству натурой – на 35 % [4].

В сущности, вся политика советской власти по отношению к отдельным владельцам производящих хуторских хозяйств, тайно помогавших националистам, была избирательной по своей природе. Репрессии применялись широко и свободно для достижения стратегической цели – установление полного контроля над частным сельским хозяйством, и для достижения конкретных поли-

тико-экономических результатов – полная ликвидация продовольственного обеспечения «лесных братьев». Арсенал репрессивных методов у органов НКВД – МВД в отношении сочувствовавших и помогавших националистическим формированиям был разнообразен.

Способы и правовая основа репрессий против националистов и их сторонников. Прямые уголовно-политические репрессии по отношению к националистам и лицам их поддерживающим со стороны государства принимали форму судимости за бандитизм и контрреволюционные преступления в соответствии со ст. 58 УК Российской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а также форму специального административного наказания в виде депортации в Сибирь. Так, в период с 1946 г. по 1950 г. было осуждено по решению суда порядка 3967 человек, еще 2987 человек было арестовано за уголовно-политические преступления и дожидались решения суда [12], некоторые ожидали проведения военных трибуналов или Особого совещания НКВД–МГБ. Так, латышский историк Хейнрих Строче указывает, что во втором и третьем кварталах 1950 г. трибуналом пограничных войск МВД СССР, дислоцировавшимся в Литве, но также действовавшим и на территории Латвии, было осуждено 245 крестьян, сочувствовавших идеям национализма, а также 68 кулаков и 70 одиночников из различных категорий сельского населения, понесших наказания за бандитизм и контрреволюционные преступления [19].

Опубликованы относительно подробные данные о социальном составе населения, осужденного Верховным Судом ЛССР, который рассматривал преступления, подпадающие под ст. 58–10 (пропаганда и агитация), 58–11 (подготовка контрреволюционных преступлений) и 58–14 (контрреволюционная диверсия) уголовного кодекса. Общее количество рассмотренных им дел было невелико: в июле – декабре 1946 г. осуждено 90 человек, в том числе 51 фермер-кулак, в 1947 г. – 71 человек, из которых 22 колхозника, в 1948 г. – 109 человек, в том числе 23 колхозника, в 1949 г. – 89 человек, из них фермеров было всего 3, а из 67 осужденных в 1950 г. было только 8 одиночников [21]. Из этих цифр видно, что основной репрессивный удар органами НКВД – МВД наносился по кулакам, являвшимся основными поставщиками продовольствия, одежды, медикаментов и людских ресурсов для националистов из отрядов «лесных братьев» в сельской местности республики, которые проводили широкую политику запугивания сельских жителей, желавших вступить в колхозы и совхозы. Они опирались в своей противоправной деятельности на национал-партизанское движение, причем большинство боевиков-националистов сами были выходцами из кулацких семей. Например, в северной части провинции Видземе в период с 1945 г. по 1953 г. 85,3 % национал-партизан были бывшими фермерами-кулаками, владевшими 20–30 га земли. Более крупные землевладельцы, имевшие свыше 40 га земли, составляли 3,5 % боевиков [21]. Хотя общая картина могла несколько отличаться в зависимости от региона, архивные материалы позволяют сделать вывод, что численный состав боевиков-националистов, являвшихся выходцами из кулацких семей, был примерно одинаковый по всей Латвии. Остальные члены отрядов и сторонники националистов относились к разряду середняков. Это было не только потому, что средние земледельцы со-

ставляли самую многочисленную группу земледельческого населения Латвии, но и потому что именно этот слой населения почувствовал некоторое улучшение своего жизненного уровня в Латвии особенно в конце 1930-х гг. в результате аграрной политики президента Улманиса. В первые послевоенные годы особое внимание «лесных братьев» было направлено на учащихся сельскохозяйственных вузов, которые были выходцами из крупных и средних фермерских хозяйств и не желали подчиняться законам новой власти.

Административное переселение в районы Сибири, именуемое также депортацией, было вторым и самым распространенным видом наказания в Латвии за поддержку отрядов националистов. Административное выселение не ограничивалось только конкретными социальными группами, это была постоянная практика, а не просто единовременная массовая операция. Сразу после освобождения территории Латвии и особенно после капитуляции немецкой группировки 8 мая 1945 г. в Курземе значительное количество латышей за сотрудничество с оккупантами и с целью проверки были помещены в фильтрационные лагеря, из которых в 1946 г. часть была освобождена с учетом признания за ними небольшой вины, но большая часть в качестве искупления своей вины за коллаборационизм была направлена для отбытия наказания в сибирские лагеря. Это тоже можно расценивать как определенную форму уголовно-политической депортации и заслуженного наказания, которое органы НКВД – МВД применяли к врагам советской власти и немецким пособникам из числа местного населения. Однако массовые операции по выселению в районы Сибири, проведенные 14 июня 1941 г. и 25 марта 1949 г., были экстраординарными по своему масштабу и оказали огромное деморализующее воздействие на сторонников национализма и сепаратизма. Так, в 1941 г. такая операция была нацелена именно не столько на фермеров, сколько на различные группы общества, которые считались потенциальными врагами советской власти. При этом около трети от всех лиц, высланных 14 июня 1941 г., были кулаками. В марте 1949 г. подобная операция была полностью направлена против кулаков, хотя не все депортированные относились к этой категории. В эту волну вынужденного переселения вошла также часть городского и сельского населения, помогавшего «лесным братьям» или сочувствовавшего им. Депортация, проводимая органами НКВД – МВД в 1949 г., преследовала две цели:

- 1) сломить сопротивление коллективизации со стороны кулаков;
- 2) подавить вооруженное сопротивление «лесных братьев», лишив его материальной базы.

Закрытым Постановлением Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. № 390–138 были установлены категории лиц, подлежащих депортации из Латвии, Литвы и Эстонии:

- 1) кулаки и их семьи;
- 2) семьи бандитов и националистов, имевших нелегальный статус, а также семьи осужденных и расстрелянных бандитов;
- 3) легализованные бывшие бандиты, продолжавшие свою антисоветскую деятельность, и их семьи;
- 4) семьи сторонников бандитов-националистов.

Несовершеннолетние и нетрудоспособные члены семей не должны были подвергнуться депортации, однако они могли добровольно следовать за своими семьями (на практике все члены семей, находившиеся дома в момент ареста, были депортированы) [11].

17 марта 1949 г. Совет Министров Латвийской ССР принял совершенно секретное Постановление № 282 «О депортации кулацких семей за пределы Латвийской ССР», в котором было решено депортировать 10 000 «кулацких» семей. Списки формировались районными исполнительными комитетами и передавались в территориальные управления НКВД – МВД республики. Ответственность за проведение депортации была возложена на НКВД – МВД Латвийской ССР. Следует отметить, что в этой резолюции упоминались только кулацкие семьи. Причины несоответствия между двумя документами не установлены. Власти, вероятно, не особо различали на тот момент времени тайных помощников «лесных братьев» – кулаков, и действовавших с оружием в руках националистов. Депортация была направлена на ликвидацию как вооруженного сопротивления, так и местной оппозиции колхозам и совхозам. В списках депортированных, которые были утверждены председателями райисполкомов 13–15 марта, указывались обе категории высылаемых: и кулаки, и националисты. В них вошли 11 тысяч семей (38 тысячами человек). Однако факты говорят, что списки были подготовлены уже в феврале и в начале марта по материалам территориальных управлений НКВД – МВД [21]. Соответственно, в первую очередь рассматривались уже существующие списки кулаков, советы местных районных властей по депортации тех или иных лиц принимались лишь частично. Основывались эти решения на имевшейся в органах оперативной информации о боевиках и их тайных помощниках из числа местных жителей. В то же время существовали квоты депортируемых из районов и городов республики. Так, низкая доля кулаков, высылаемых из Латгальских районов, компенсировалась более высокой долей действовавших там националистов и их сторонников, которые также подлежали высылке в Сибирь.

Всего за период с 25 по 29 марта 1949 г. было депортировано 9147 кулацких семей (29 252 человека, в том числе 28 107 латышей, 482 русских и 663 лица иных национальностей), а также 3841 семья националистов (12 881 человек, в том числе 12 158 латышей, 293 русских и 430 лиц иного этнического происхождения). Позже к депортированным присоединились члены их семей, которые добровольно или принудительно последовали за ними или были сосланы, чтобы после освобождения из мест лишения свободы осужденные могли присоединиться к ним. При этом в рамках закона социалистического государства с 1949 г. по 1954 г. 405 человек были освобождены из ссылки, т. к. оказались незаслуженно депортированы по критериям, действовавшим на тот момент времени. В ходе депортации 25 марта 1949 г. 44 191 человек находились в административной высылке на более длительный или более короткий срок, в том числе и дети, родившиеся в ссылке [22]. Всего депортированные в 1949 г. составили 2,28 % населения Латвии [17]. Есть сведения о том, что в мае 1948 г. в Латвии депортированные семьи националистов составляли около 6,7 %, кулацкие – 4,7 % от всех существовавших на то время фермерских семей (194 259 ферм).

Ни до, ни во время операции по депортации общественность не знала о её действительных целях и масштабах, а также о критериях, по которым отбирались депортированные. Связано это с секретностью и важностью проведения спецоперации по уничтожению «лесных братьев». Кроме того, многие люди верили, что далее последуют и последующие депортации, в результате чего эффект от спецоперации вышел далеко за рамки влияния только на сельское население и оказал деморализующее воздействие на все националистическое движение в республике.

Экономические репрессии в отношении националистов и лиц им сочувствующих. Наиболее массовые наказания в отношении лиц, поддерживающих «лесных братьев», были связаны с неуплатой налогов в денежном выражении, неуплатой натуральных налогов и неисполнением трудовых повинностей. После общей политики коллективизации репрессии применялись также за нарушение колхозных уставов, воровство колхозной собственности и другие правонарушения, например, запугивание лиц, желавших вступить в колхозы или совхозы. Степень наказания зависела от социального статуса обвиняемого: кулаки, националисты, сочувствующие им считались политически нелояльными, что наказывалось строго, почти во всех случаях обвиняемые приговаривались к фактическому лишению свободы. Наказание использовалось не только для достижения экономических целей, но и для политической перестройки общества и полной ликвидации вооруженного национал-сепаратизма на территории республики. Нежелание кулаков платить возложенные на них налоги и сборы толковалось представителями власти как политическое сопротивление. Во многих случаях оно принимало характер показательного и использовалось в качестве воздействия на лиц, враждебно относящихся к советской власти и колхозному строю.

Например, на заседании ЦК КПЛ в июне 1946 г. представитель Валкского района описал отработанную тактику наказания лиц, поддерживающих националистов, следующим образом: «Мы поехали в <...> деревню, там определили по имевшейся оперативной информации НКВД – МВД скрытого националиста, выбрали подходящее лицо и осудили его на месте. На суде присутствовало много людей. На следующий день значительное количество фермеров из числа кулаков и середняков начало привозить молоко и сдавать его государству в качестве налога». Другой участник этого совещания подчеркивал, что предпочтение на практике следует уделять только отдельным лицам, которых можно приговорить к 5 годам лишения свободы с конфискацией их имущества, и что такие судебные процессы должны обязательно освещаться в прессе [13]. Однако эти предложения не всегда учитывались, в некоторых районах количество уголовных обвинений и приговоров оставалось достаточно высоким, что обуславливалось местными условиями и борьбой с национализмом.

Советская правовая система использовала для наказания инакомыслящих широкий спектр статей уголовного кодекса и официальных указов, но в большинстве случаев процедура была единой. Первые меры к кулакам или тайным сторонникам «лесных братьев» из числа середняков применялись в случае неуплаты ими налогов, невыполнения поставок в натуральной форме или отказа от выполнения трудовых повинностей. В результате дело должно было рассматри-

ваться в суде, который решал конфисковать или нет имущество для покрытия суммы долга перед государством. В случае повторных неуплат налогов, взимаемых поставок в натуральной форме либо неисполнения трудовых обязанностей перед государством обвинение предъявлялось в суде, как правило, по ст. 60 (неуплата налогов), ст. 61 (отказ от исполнения трудовых обязанностей) или ст. 62 (умышленные неуплата сборов и сокрытие имущества, подлежащего конфискации) УК РСФСР. В соответствии со ст. 60 фермеры из числа кулаков и середняков, подозреваемых в сотрудничестве с «лесными братьями», за первое правонарушение штрафовались на сумму причитающегося платежа, при повторном правонарушении они приговаривались к исправительным работам на срок до 6 месяцев либо штрафу в двойном размере. Кроме того, наиболее скомпрометированные своим сотрудничеством с «лесными братьями» кулаки подлежали аресту или исправительным работам на срок до 1 года или штрафу в размере до десятикратной суммы причитающегося государству платежа (ч. 3 ст. 60) [5].

Статья 61, применявшаяся за неисполнение лесохозяйственных обязанностей, также различала середняков и кулаков. За первое правонарушение середняки штрафовались на «сумму, равную пятикратному размеру причитающихся с них работ» (ч. 1 ст. 61) [21]. За повторное нарушение они могли быть лишены свободы или приговорены к исправительным работам на срок до 1 года (ч. 2 ст. 61). Кулаки, напротив, должны были быть сразу приговорены к двум годам лишения свободы с полной или частичной конфискацией имущества или к депортации в районы Сибири (ч. 3 ст. 61). Суд действительно приговаривал правонарушителей к депортации (эта ситуация продолжалась до масштабной спецоперации в марте 1949 г.), однако таких случаев было всего несколько, и они кажутся незначительными, т. к. особого урона материальному снабжению «лесных братьев» не принесли.

В период с октября 1948 г. по 15 января 1949 г. Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР рассмотрела 44 дела, поступивших из народных судов о неисполнении лесохозяйственных обязанностей, квалифицируемых по ст. 61 УК РФ. В соответствии с ч. 1 данной статьи правонарушители были оштрафованы в 4 случаях, с соблюдением ч. 2 – 1 преступник был лишен свободы и в соответствии с ч. 3 – 9 человек были осуждены на срок до 1 года лишения свободы, а 29 человек – на срок до 2 лет. Кроме того, у 34 правонарушителей было конфисковано имущество, права 7 лиц были ограничены, еще 7 было запрещено проживать на территории Латвии после отбытия срок наказания. И только 1 дело было прекращено. Если обвиняемый был отнесен к категории кулаков, то даже преклонный возраст и иные смягчающие вину обстоятельства не могли служить основанием для прекращения дела.

Статья 61 УК была применена в 1945 г. к 9 кулакам, в 1946 г. к 308 кулакам и середнякам, в 1947 г. к 70 фермерам-кулакам, в 1948 г. к 245 частным фермерам, в 1949 г. к 150 кулакам и середнякам. Причем в 1946, 1948 и 1949 гг. более половины обвиняемых были осуждены от одного до двух лет к заключению в тюрьме, у большинства было конфисковано имущество.

Только в первом квартале 1949 г. в республике насчитывалось 1749 кулаков и 2703 фермеров-середняков, которые были обвинены в неуплате сельско-

хозяйственного налога за предыдущий год [16]. Однако в большинстве случаев обвинения снимались (если обвиняемый уплачивал налог до суда) либо обвиняемые были оправданы, поскольку финансовые ведомства часто предъявляли необоснованные претензии. Многие приговоры оспаривались в апелляционном порядке, но в целом количество приговоров было значительным. Из всех рассмотренных дел за июль – октябрь 1948 г. 208 кулаков и середняков были осуждены по ч. 3 ст. 60, из них 182 за отказ от уплаты сельскохозяйственного налога, 26 за неуплату подоходного налога, 1 человек был оправдан решением суда. 167 кулаков и середняков (92 %) за неуплату сельхозналога были осуждены на срок до 1 года с нахождением в тюрьме, 7 человек (4 %) были лишены свободы до 1 года, 5 человек (3 %) были приговорены к исправительным работам, 1 оштрафован, а 2 получили условный срок [15]. При этом большинство бедных крестьян-фермеров, вступавших в колхозы, вообще освобождались от каких-либо наказаний за неуплату налогов, а также за неисполнение обязательных норм поставок и трудовых обязанностей, а долг перед государством за прошлые годы часто им вообще прощался.

Наказания в отношении колхозников-расхитителей было введено только с января 1950 г. в соответствии с постановлением № 7/6/У, принятым Верховным Судом СССР еще на сессии от 3 апреля 1940 г., квалифицировавшим такие действия, как воровство колхозного имущества, и Декретом от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который предусматривал более суровые наказания, чем соответствующие статьи уголовного закона. Попытки скрыть имущество, подлежащее аресту, также иногда квалифицировались в соответствии с этим указом.

После коллективизации количество уголовных дел о кражах коллективной сельскохозяйственной собственности быстро увеличивалось. Министерство юстиции и другие учреждения требовали квалификации таких дел в соответствии с обозначенным указом. В 1951 г. всего было передано в суд 608 дел о хищениях колхозного имущества, на основании чего осуждено 677 человек. Из 235 дел, рассмотренных Министерством юстиции Латвии в отношении 350 человек, в 69 делах с участием 70 человек стоимость похищенного имущества не превышала 100 рублей. Приговоры судов в отношении большинства расхитителей колхозной собственности были, как правило, условными (5–7 лет) [10].

Подводя итоги, необходимо отметить, что проводимые органами власти и НКВД – МВД репрессивные действия против кулачества и отдельных националистически настроенных середняков в Латвии в период с 1944 г. по 1950 г. были вызваны острой необходимостью подавления незаконного вооруженного сепаратистского движения «лесные братья», для которого состоятельные фермеры являлись основой материальной базы и человеческих ресурсов. С их помощью отрядам националистов удалось продержаться в республике до 1956 г., вести вооруженную борьбу с органами власти и противодействовать интеграции республики и ее населения в политико-культурное и экономическое пространство Советского Союза. В результате проведенных реформ, связанных с коллективизацией, в образе жизни и в социальном устройстве фермерского населения стали преобладать институты гражданского общества, а не архаичные по своей сути институты традиционного крестьянства.

ГЛАВА 5. СОПРОТИВЛЕНИЕ ЛАТЫШСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ ОРГАНАМ ВЛАСТИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР В 1944–1970 ГГ.

Целью пятой главы является проведение историко-правового анализа вооруженной борьбы латышских националистов из отрядов «лесных братьев», а также диссидентского невоенного противостояния, возникшего в Латвии в послевоенные годы среди отдельных представителей молодежи и интеллигенции республики. Задачами работы стал анализ фактологического материала органов НКВД – МВД и безопасности Латвии, зарубежных эмигрантских кругов в отношении различных форм противодействия конституционному строю республики в 1944–1970-х гг. и политико-правовая оценка этой деятельности. Актуальность работы обусловлена пересмотром событий послевоенного устройства Латвийской Советской Республики её постсоветскими учеными и общественными деятелями с целью героизации национал-сепаратистской борьбы «лесных братьев» и лиц, проводивших диссидентскую антиконституционную деятельность среди населения. Теоретико-методологическую основу исследования составили анализ и синтез полученной информации, хронологический подход к рассмотрению национал-сепаратизма в Латвии в 1944–1970 гг. В процессе исследования установлено, что в республике велась ярко выраженная антиконституционная борьба латышских националистов из числа бывших легионеров СС, полицаев, различных коллаборантов, объединившихся в вооруженные повстанческие отряды «лесных братьев» с целью свержения законной власти. Определено, что с этой же целью, но уже невоенным путем подобную подрывную идеологическую работу среди населения вели отдельные представители молодежи, интеллигенции, лица, вернувшиеся из заключения, осужденные за национализм и бандитизм, а также бывшие кулаки. Выявлено, что вооруженную форму борьбы, как и невоенную, по ликвидации законного конституционного строя и захвата власти латышские националисты вели при прямой поддержке разведслужб Запада (Великобритания и США), а также эмигрантских слоев, выехавших из республики в июле 1944 г. с отступавшими войсками вермахта и подразделениями СС.

Актуальность работы определена сложившейся в зарубежной науке в постсоветское время двойственной оценкой вооруженного и невоенного противостояния, возникшего в Латвии после окончания Великой Отечественной войны. Современные латышские историки и политики утверждают, что оно представляло собой широкомасштабное неприятие органов власти Латвийской Советской Республики практически всеми слоями населения, которое с оружием в руках и вело подпольную идеологическую борьбу против существовавшего конституционного строя. Необходимость историко-правовой оценки событий 1944–1970 гг., связанных с вооруженной повстанческой деятельностью «лесных братьев», диссидентским движением отдельных представителей молодежи, интеллигенции и оппозиционно настроенных граждан республики в этот период времени, требует проведения исторического, правового и хронологического анализа тех событий в условиях развернувшегося геополитического противостояния СССР во времена Холодной войны с Западом.

В послевоенный период в Латвии сложились две основные формы сопротивления советской власти: вооруженная борьба националистов из подпольных отрядов «лесных братьев» и ненасильственное внутреннее сопротивление отдельных граждан и их квазиобъединений, игнорировавших приказы и распоряжения новых властей Латвийской ССР. Политически наиболее активная часть латышей из числа националистов и лиц, утративших в ходе национализации заводы, фабрики и крупные земельные владения, была с 1940 г. вовлечена в активную борьбу против органов советской власти. Поэтому вооруженное сопротивление второму установлению власти в Латвийской Советской Республике началось в июле 1944 г. сразу после отступления частей вермахта. Основу этой антиконституционной, повстанческой борьбы составляли в первую очередь местные национал-партизанские отряды, надеявшиеся, что с помощью западных стран – США и Великобритании, «лесные братья» одержат быструю победу над представителями союза. Периодизация истории послевоенной необъявленной войны латышских националистов началась с момента освобождения республики войсками Красной армии (вторая половина июня 1944 г. – сентябрь 1945 г.).

По своему профессиональному опыту большинство лидеров вооруженного националистического сопротивления, как и в 1940–1941 гг., были лицами с военной подготовкой (бывшие латышские военнослужащие, немецкие полицейские, легионеры СС). Члены их семей оказывали различную помощь своим повстанцам. Согласно архивным материалам МВД СССР все национал-партизаны были либо ветеранами, сражавшимися на стороне нацистов во Второй мировой войне, или послевоенными уголовными преступниками [11].

Так, на январь 1947 г. среди прибалтийского населения, участвовавшего в незаконной повстанческой деятельности, насчитывалось 83 234 уклониста от службы и 7133 дезертиров из подразделений Красной армии. В результате общая численность уклонистов равнялась 8 пехотным дивизиям, а дезертиры из Красной армии могли численно сформировать 1 стрелковую дивизию. Из них 80 % мужчин по национальности были литовцами, примерно 10 % – латышами (9961 человек) и 5,6 % – лица, которые были наполовину латышами и этническими эстонцами [15].

По данным МВД СССР, в период с 1944 г. по январь 1947 г. всего в прибалтийских республиках было конфисковано 4 416 183 единицы вооружения, военной техники и боеприпасов: из них 65,7 % изъято в Литве, 22 % – в Латвии и 12,3 % – в Эстонии. Среди изъятого оружия было 4 пушки, 2 гранатомета, 56 минометов, 35 противотанковых орудий, 3295 пулеметов, 7326 автоматов, 6768 пистолетов, 80 141 граната, 6460 мин и 2033 кг взрывчатки.

По мнению ряда постсоветских историков Латвии, что тоже следует расценивать как пересмотр и трансформацию истории, все националисты были лицами глубоко идейными, не имевшими к уголовной деятельности никакого отношения [16]. В реальности секретная информация, тщательно собранная МВД СССР в январе 1947 г. свидетельствует, что более 8 % «лесных братьев» на тот момент проявляли бандитские наклонности (грабежи мирных жителей, насилие, пьянство, причинение телесных повреждений и пр.) [21]. Хотя руководством националистов при этом широко декларировалось, что цель сепара-

тистского движения была исключительно идеалистической. В 1945 г. объединения латышских национал-партизан на востоке, западе и в северной части Латвии опубликовали свои уставы и декларации. Они (как и литовские националисты) отстаивали свое решение бороться за власть «против существующей официально советской республики во имя народа и за восстановление национальной независимости Латвии» [16].

Хотя в Латвии движение «лесные братья» охватило различные этнические и социальные группы, все его участники руководствовались желанием упразднить вооруженным путем советскую власть и не были готовы идти на политические компромиссы и диалоги. Кроме того, костяк «лесных братьев» составляли бывшие legionеры СС и полиция, которые понимали, что прощения за их зверства во время Великой Отечественной войны им не будет.

В своих документах, опубликованных в подпольной печати, в своих воззваниях и на допросах в органах НКВД – МВД наиболее радикальные национал-партизаны единодушно требовали восстановления прежней Латвийской республики на основе диктатуры Улманиса, установленной им 15 мая 1934 г. В результате подпольные антиконституционные действия националистов в 1944–1945 гг. приобрели характер вооруженного националистического мятежа, охватившего примерно 95 % приходов республики [16].

Правительство Латвии и Советского Союза серьезно относились к национал-партизанскому движению «лесных братьев». Для борьбы с ним были задействованы 5-ая дивизия особого назначения Наркомата внутренних дел СССР (с 1946 г. Министерство), 18-ая конвойная дивизия, 152-ой железнодорожный гвардейский полк, 18 000 сотрудников НКВД и 36 активистских групп «кстребителей» из числа местных жителей.

Успех в партизанской войне с «лесными братьями» в итоге был достигнут путём размещения воинских частей во всех населенных пунктах, а также внедрения специальных агентов в отряды сепаратистов. Так, по данным органов НКВД – МВД и безопасности в борьбе против национал-партизан в январе 1947 г., подавлению вооруженного сопротивления больше всего способствовало то, что националисты из числа колеблющихся и особо не запятнавших себя преступлениями и их сторонники серьезно отнеслись к обещанной амнистии, провозглашенной органами Советской власти [14]. Во-вторых, подавление сепаратизма облегчала и нехватка у них оружия, боеприпасов, а также его несовместимость с полученным от западных держав (Великобритания, США). В-третьих, неудачи и отсутствие разведывательных и контрразведывательных усилий националистов позволили советской агентуре внедряться в среду сторонников «лесных братьев», их связанных и нередко самих национал-партизан. В-четвертых, националисты были в значительном меньшинстве после депортации их сторонников в 1949 г.

По данным НКВД – МВД Латвии, националистическая подпольная война, длившаяся в течение 12 лет, насчитывала около 20 000 бойцов, которых поддерживали в той или иной степени активности около 40 000 человек, в основном это сельские жители из числа фермеров-кулаков и некоторых представителей среднего класса. Примерно 3000 националистов и столько же советских

представителей органов власти и сотрудников НКВД – МВД и безопасности были убиты в вооруженных столкновениях. Эти цифры подтверждают, что подпольная националистическая война против конституционного строя в республике, охватившая фронтом всю её территорию в 1944–1956 гг., была крупнейшей по своим масштабам национал-партизанской войной в истории Латвии. Около 5000 национал-партизан и несколько десятков тысяч их сторонников и активных пособников за вооруженный национализм и бандитизм были отправлены по решению суда в исправительные лагеря Сибири [6].

Перелом в национал-партизанской войне в Латвии наступил в 1949 г., когда 25 марта в ходе секретной операции «Прибой» органами НКВД – МВД и безопасности было депортировано в Сибирь 42 149 человек. Это были пособники и родственники членов националистического подполья. Фактически эта спецоперация уничтожила инфраструктуру националистов и привела к закату повстанческой военной деятельности в сельской местности, тем самым позволив органам власти Латвийской Советской Республики подавить сепаратистское сопротивление, но не полностью, т. к. эпизодически при поддержке Великобритании и США оно проявлялось еще до 1956 г. О проведении спецоперации вскоре стало известно в странах западной демократии. Так, о закате повстанческих действий посол Франции в Швейцарии Роберу Шуману сообщил министру иностранных дел Франции: «органы НКВД – МВД и безопасности СССР осуществили депортацию пронационалистически настроенной части населения Латвии в целях ликвидации организованного вооруженного сопротивления "лесных братьев"» [18]. В свою очередь министр иностранных дел Франции в меморандуме от 30 ноября 1949 г. отметил, что депортация населения из трех Прибалтийских республик была направлена против членов вооруженной сепаратистки настроенной оппозиции [13]. В отчете от 6 июля 1953 г. посол Франции сообщил в свое Министерство иностранных дел, что в Прибалтике СССР нарушены все права человека, однако там же упоминается о продолжающемся вооруженном подпольном националистическом сопротивлении, состоящем из примерно 8000 вооруженных боевиков, действующих в сельских районах Латвии [13].

При подавлении различных форм сепаратистского сопротивления «лесных братьев» органам НКВД – МВД и безопасности приходилось минимизировать деятельность «социального ресурса» националистов, т. е. политические ограничения коснулись всей политической, экономической и интеллектуальной элиты, сохранившейся в республике со времен диктатуры Улманиса, не признававшей Советскую власть и оказывающей идейную, материальную и иную (людские ресурсы) помощь вооруженным сепаратистам в их антиконституционной деятельности. При этом около 170 000 человек были ограничены в послевоенное время в карьерных и образовательных возможностях как «общественно опасные элементы» [4].

Подавление национал-сепаратизма, интеграция республики в экономическое и политическое пространство Советского Союза, развитие в Латвии современной инфраструктуры позволили к 1970 г. увеличить долю этнических русских с 8,8 % до 26,6 % [4]. Приехавшие в республику русскоговорящие специалисты составляли около 70 % от вновь прибывших на строительство научных институ-

тов, заводов, фабрик и судоверфей. В результате они стали этническим большинством в таких крупных городах, как Рига, Даугавпилс и Лиепая.

В середине 1950-х гг., через семь лет после депортации пронационалистических элементов, организованное вооруженное сопротивление было окончательно подавлено. Таким образом, средствами, с помощью которых советская власть ликвидировала вооруженное национал-сепаратистское сопротивление и его поддержку со стороны части националистически настроенной интеллигенции, бывшей финансово-политической элиты, сельского населения из числа кулаков и отдельных середняцких фермеров, были депортация националистически настроенных элементов, оперативная работа, войсковые операции, опора на приехавших русскоговорящих специалистов и демобилизованных военнослужащих, оставшихся на постоянное жительство в республике.

Конец подполья отмечен тем, что к середине 1950-х гг. надежды на вмешательство Запада в дела СССР окончательно угасли даже у самых радикально настроенных боевиков из числа «лесных братьев». Отсутствие перспективы продолжения националистической вооруженной войны заставило их сложить оружие и признать свое поражение перед лицом советской власти в Латвии.

Ненасильственное сопротивление пронационалистически настроенных лиц в Латвии в послевоенные годы. Ненасильственное сопротивление в Латвии началось с момента освобождения республики от немецких войск осенью 1944 г. Следует выделить три его основные формы:

1. Сопротивление квазиассоциаций и кружков единомышленников среди интеллигенции.
2. Оппозиционная деятельность молодежи в 1944–1959 гг.
3. Сопротивление представителей католической и протестантской церквей.

Молодежь и оппозиционно настроенная интеллигенция в ненасильственном политическом сопротивлении 1944–1957 гг. играли ведущую роль. Так, в 1944–1948 гг. национал-партизаны из числа «лесных братьев» и представители духовной оппозиции подпольного движения ненасильственного сопротивления выпустили около 15 % всех националистических газет в Латвии, которые вызывали недоверие к действиям законных органов власти и подрывали ее конституционную легитимность в глазах населения. Особое значение в неофициальной подпольной националистической деятельности играла различная информация, поступающая с радиостанции «Голос Америки» и других западных радиостанций Германии и Великобритании, вещавших на регионы Прибалтики, а также нелегальная антисоветская литература, ввозимая контрабандной из-за рубежа. Все это должно было внести идейный раскол в сознание населения, усилить его сепаратистские и националистические начала с целью продолжения вооруженной борьбы с Советским Союзом.

Ненасильственное сопротивление органам власти иногда принимало довольно интересные формы. Так, например, Рижский фарфоровый завод подпольно изготовил гротескную игрушку-статуэтку «Отец», издевательски копирующую черты руководителя государства И. В. Сталина. Только в конце 1946 г. добросовестная работница завода Ф. Григорьева сообщила в НКВД, что фигурка изготавливается на этом предприятии, там же были найдены 200 статуэток. В ре-

зультате, начальник производственного отдела В. Сапогс (1904 г.р.) был арестован [10]. В 1957 г. Лиепайский окружной суд приговорил кузнеца колхоза К. Межальскиса к 10 годам лишения свободы и 5 годам лишения гражданских прав за широкую националистическую пропаганду среди населения [10]. В 1951 г. Эльфрида Яксоне (1921 г.р.), оператор телефонной станции Вайноде, была приговорена к 8 годам за то, что вела националистическую пропаганду среди населения и подпольно настроила для тайного прослушивания приходское общественное радио на волну «Голос Америки» вместо «Радио Москвы» [2].

В период с 1944 г. по 1953 г. доминирующими формами молодежного и студенческого националистического сопротивления было уклонение от вступления в пионерскую организацию и комсомол, а также уклонение от другой политической советской деятельности. Кроме того, в Латвии действовали подпольные группы сопротивления из числа националистически ориентированных студентов, с которыми приходилось бороться органам НКВД – МВД и безопасности республики. Эти группы обычно имели свои собственные уставы, присяги и правила конспирации. Их численность составляла около 10–20 студентов, занимавшихся планированием вооруженного восстания против органов власти Латвии в случае войны с Западом.

Вторым этапом сопротивления националистически настроенной молодежи был период с 1947 г. по 1957 г., когда студенты организовали около 100 небольших подпольных антисоветских пропагандистских групп [16].

Третьим этапом было активное ненасильственное (невооруженное) сопротивление, заключавшееся, например, в срыве флагов Латвийской ССР и СССР, распространение западной враждебной литературы и листовок, антисоветские граффити и письма.

Для подавления ненасильственного сопротивления органы НКВД – МВД и безопасности обычно прибегали к введению спецагентов в группы националистов и к анализу подпольных антисоветских публикаций, граффити и информации, которую поставляли оперативникам информаторы. Однако подавить ненасильственное националистическое сопротивление части интеллигенции и отдельных молодежных националистов было сложной задачей, которая в ряде случаев превращалась в психологическое сопротивление. Этому фактору значительно способствовала «хрущевская оттепель», критика предыдущего правления и возврат в Латвию по амнистии всех ранее осужденных за участие в деятельности сепаратистских подразделений «лесных братьев», совершивших различные преступления против органов власти и мирных жителей, а также всех депортированных за национализм и лиц, их поддерживавших, которые, по сути, в большинстве своем оставались идейными врагами советской власти.

Важной формой внутреннего националистического сопротивления в Латвии было сопротивление традиционных религиозных конфессий: лютеранской, католической, православно-староверческой и баптистской церковью. В этой оппозиционной деятельности наиболее агрессивно проявили себя представители лютеранской и католической церковью, которые в послевоенные годы активно (духовно и материально) поддерживали национал-сепаратистские отряды сопротивления «лесных братьев», при этом некоторые священнослужи-

тели сами участвовали в повстанческом подпольном движении в виде капелланов, действовавших в отрядах националистов. Они также вели вербовку «именем Христовым» среди местного населения, склоняя граждан к участию в вооруженных отрядах «лесных братьев».

Издание религиозной оппозиционной литературы было также одной из форм сопротивления церковью конституционной власти. Хотя многоконфессиональные традиции в Латвии затрудняли публикацию крупных религиозных периодических изданий, например, таких как «Литовская хроника католической церкви». Все религиозные деноминации выпускали различную подпольную духовную литературу, в том числе с тайной критикой власти, и издания с националистическим окрасом для ведения агитации среди своей паствы. Так, например, кардинал Янис Пуятс организовал написание и нелегальное печатание религиозной литературы для сторонников Римско-католической церкви. Баптистская подпольная литература была составлена баптистским епископом Янисом Тервитсом: 600 машинописных и рукописных публикаций, напечатанных и переписанных 200 верующими с целью размножения [11].

Ещё одна форма сопротивления деятелей религиозных конфессий – организация приходов без их официальной регистрации в органах власти и проведение в них тайных служб, недоступных для контроля органов НКВД – МВД и безопасности. Так, например, в 1951 г. Стефан Самоненко (1872 г.р.) вместе с семью другими ведущими деятелями «Истинно православной церкви» Латвии (иосифлянство) был арестован в селе Георгиевка (округ Балви). Несмотря на свои 79 лет, он был приговорен судом к 25 годам лишения свободы за антигосударственные проповеди и националистические выступления среди верующих [11].

Оппозиционно-националистическая деятельность религиозных служителей различных конфессий прослеживается с момента вхождения республики в состав СССР, примерно с 1940 г. В результате антиконституционной деятельности в Латвии с 1940 г. по 1956 г. органами НКВД – МВД были арестованы 190 католических и 70 лютеранских священников (36,8 %), некоторые из них были депортированы из республики. Шести священникам было запрещено преподавать религию в семинариях и проповедовать в церквях. Несколько священнослужителей были арестованы за то, что их проповеди были откровенно «нелояльны к советской власти» и носили националистический подтекст [12].

Как упоминалось выше, большая часть подпольного сопротивления в Латвии во всех ее проявлениях была националистической и сепаратистской. При этом показания руководителей групп сопротивления, публикации в подпольной прессе, сотни протоколов допросов боевиков из отрядов «лесных братьев», а также их послевоенные зарубежные связи с иностранными разведками США и Великобританией свидетельствуют о том, что подпольное национал-сепаратистское движение ожидало помощи от Запада. Именно от западных спецслужб и соотечественников в эмиграции латышские участники подпольного сопротивления получали практически всю идеологическую и организационную помощь, т. к. большинство руководителей этого сопротивления, его лидеры и представители интеллектуальной элиты жили после войны в эмиграции. Во-вторых, участники вооруженного националистического сопротивления ожидали и получали раз-

личную военно-материальную помощь со стороны западных держав. В-третьих, националистическое движение ожидало поддержку со стороны правительств западных стран, которые на международном уровне должны были им помочь в восстановлении независимости Латвии. Они готовы были вести активную пропаганду националистического сопротивления посредством антисоветской внешней политики, требуя защиты прав человека в прибалтийских республиках.

Таким образом, следует отметить, что после освобождения войсками Красной армии Латвии в июле 1944 г. у населения было несколько теоретических вариантов дальнейшего поведения в отношении представителей новой власти: сотрудничество, адаптация или противостояние.

Часть населения, лишенная прежних экономических и властных преимуществ периода диктатуры Улманиса, а также часть граждан, националистически настроенных и сотрудничавших в годы Великой Отечественной войны с немецким оккупационным режимом пошли на вооруженную и несилую неофициальную имевшую политические, социальные, экономические и идеологические причины конфронтацию с органами власти Советской Латвии.

Националистическое сопротивление в Латвии претерпело трансформацию своей основной формы, превратившись из вооруженной борьбы в ненасильственное внутреннее сопротивление акционного характера. С закатом в 1956 г. масштабного вооруженного сопротивления «лесных братьев» противодействие органам законной власти в Латвийской Советской Республике переросло в квазизаконное подполье, охватывавшее отдельные группы населения из числа бывших боевиков-националистов, вернувшихся из мест заключения на историческую родину и сохранивших свои идеалы, представителей либеральной интеллигенции, желавших вернуть довоенную республику Улманиса, бывших раскулаченных фермеров и депортированных в 1949 г. граждан, затаивших ненависть к советской власти и органам внутренних дел и безопасности.

ГЛАВА 6. НАВЕДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПОРЯДКА В ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И БЕЗОПАСНОСТИ

Цель шестой главы заключается в анализе национал-партизанского и подпольного движения «лесные братья» в послевоенной советской Латвии, с которым пришлось бороться объединенным силам советского МВД и безопасности до середины 50-х годов XX века. Актуализирует предложенную тематику положительное отношение, возникшее на государственном уровне и в национальной историко-правовой науке к бывшим латышским коллаборантам периода Великой Отечественной войны, продолжившим свою деятельность в незаконных вооруженных формированиях на территории послевоенной Латвии. При этом отвергается и не учитывается тот факт, что большинство «лесных братьев» до лета 1944 г. служили в германских дивизиях СС или во вспомогательной полиции и активно проявили себя в борьбе с партизанами и в расправах с населением Псковской области или оппозиционно настроенными латышами. Цель заключается в исследовании всего комплекса оперативно-

розыскных мер и чекистско-войсковых спецопераций, направленных на уничтожение отрядов «лесных братьев» в Советской Латвийской Республике.

Объектом анализа стала незаконная вооруженная деятельность националистов Латвии в 1944–1956 гг. Предмет изучения – опыт борьбы органов внутренних дел и безопасности с националистическим подпольем. Теоретико-методологическим фундаментом работы стали методы анализа, синтеза, исторический и правовой подход к изучению деятельности органов внутренних дел и безопасности по подавлению вооруженного национализма на территории послевоенной Латвийской Советской Республики.

В ходе проведения исследования было установлено, что идейная основа латышского национализма (создание этнократического государства «для латышей» как высшей местной расы) базируется на идеологических постулатах гитлеровской Германии. Определено, что основу латышских вооруженных отрядов национал-партизан, возникших во второй половине лета 1944 г., составили легионеры 15-ой и 19-ой дивизий СС, представлявшие собой этнических латышей, а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством с немецкими оккупационными властями (полицая, административные служащие), дезертиры и уклонисты от службы в рядах Красной армии. Выявлено, что комплекс оперативных мер, разработанный и примененный органами внутренних дел и безопасности для ликвидации националистических бандформирований, включал в себя следующее: активизация агентурной и оперативной работы по разгрому отрядов националистов; ликвидация руководства национал-партизанских групп; уничтожение и конфискация запасов оружия, боеприпасов, технических средств и продовольствия; усиление оперативных мер в работе с агентами, их вербовка среди населения и внедрение в среду националистов; проведение чекистско-войсковых операций по ликвидации банд силами 5-ой дивизии НКВД – МВД; организация объединенных оперативных мобильных групп, состоящих из представителей местного населения и военнослужащих органов внутренних дел; организация отделов по борьбе с бандитизмом; устранение волокиты и бюрократизма в работе органов; сообщение в Центральный Комитет коммунистической партии республики о помехах, создаваемых со стороны местного партийно-комсомольского руководства; использование в средствах массовой информации признаний раскаявшихся бандитов с целью психологического воздействия на сознание действующих в лесах Латвии боевиков; проведение амнистии к сложившим оружие. Установлено, что латышское националистическое подполье представляло собой угрозу для целостности советского государства и идеологическую опасность для государственной политики интернационализма.

Актуальность работы вызвана необходимостью противодействия процессам героизации националистического движения «лесные братья», происходящим в обществе, которые получили развитие в постсоветской Латвии. Политиками, историками и общественными деятелями латышской республики активно поддерживается мысль, что члены националистического подполья были так называемыми патриотами республики, забывая о том, что основу бандформирований составили латышские легионеры СС, присягнувшие Адольфу Гитлеру и Третьему рейху на верность, запятнавшие себя расправами над партизанами и мирным населением. В постсоветской Латвии стараются предать забвению эти

факты, поэтому вопросы латышского национализма и борьбы с ним со стороны органов НКВД – МВД становятся правомерными. Кроме того, политика выдвигания этнически нелатышского населения вполне соответствует националистическим воззрениям «лесных братьев», стремившимся, опираясь на идейно-политическую, расовую догматику немецких национал-социалистов 30-х гг. XX века, создать насильственным путем Латвию для латышей.

Попытки придания героического образа борцам с советской властью ярко прослеживаются в работах латышских историков, стремящихся скрыть реальные факты насилия «лесных братьев». Подобный взгляд просматривается, например, в работах известного латышского историка профессора Хенрика Стродса, который стремился показать лишь партизанскую борьбу националистов против органов советской власти, не затрагивая другие вопросы, связанные с актами насилия в отношении мирного населения, которое часто не поддерживало деятельность «братьев». Более объективную картину борьбы с национал-партизанами создают на страницах своей книги отечественные авторы Н. И. Владимирцев и А. И. Кокурин, освещая вопросы подавления деятельности националистов на Украине, в Белоруссии и в республиках Прибалтики.

В ходе воссоединения с Советским Союзом в 1940 г. в Латвии были приняты следующие коррективы внутренней политики вплоть до 1944 г.), утвержденной советским правительством:

1. Распространение политико-административной системы СССР.
2. Соотнесение интересов Латвийской Советской Республики с экономическими и политическими целями и задачами СССР.
3. Создание новых и реанимация старых (оставшихся со времен Российской империи) военных баз на территории республики.
4. Переселение в Латвию русскоязычных специалистов.
5. Внедрение новых экономических форм хозяйствования.
6. Пограничный и внутренний контроль со стороны МВД государственной границы, безопасности, средств связи и контактов отдельных граждан с зарубежными странами.
7. Разрушение вносивших нестабильность в общесоюзное государство прежних политических, экономических и культурных традиций.

Политика советизации Латвии и в двух других прибалтийских государствах продолжилась после их освобождения от немецких войск летом 1944 г. Она была направлена на политическое, экономическое и культурное вхождение Латвии в Советский Союз. В этих условиях Запад продолжал свою двойственную игру в отношении балтийских регионов: с одной стороны, сохраняя видимый мир с СССР, с другой – фактически усиливая свою разведывательную деятельность и поддерживая вчерашних пронемецких коллаборантов, действовавших против новой советской власти после войны с оружием в руках в сепаратистских отрядах «лесных братьев».

В результате нестабильной ситуации в Прибалтике предвоенная политика советизации и корпорирования в политико-экономическую систему Советского Союза была продолжена. Политическое принятие было одобрено 1 октября 1939 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) для практического применения на

территориях запада Украины и запада Белоруссии, также вошедших в состав Советского Союза после захвата Польши германским вермахтом. Учитывая стратегическое положение Латвии, агрессивные намерения западных стран, поддерживающих террор со стороны вооруженных националистических формирований, решением советского руководства было по окончании Второй мировой войны весной 1945 г. усилено присутствие вооруженных сил и представителей органов внутренних дел и безопасности в республике. В результате помимо военно-морских баз ВМФ на территории Латвии были расположены военно-воздушные силы (позже к ним присоединились ракетные войска), управления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), Пограничной службы СССР, военной и военно-политической контрразведки, ставшие активными противниками «лесных братьев», враждебная вооруженная активность которых началась сразу же после продвижения линии фронта на Запад летом 1944 г. Подобное военное присутствие было опорой политики советизации вошедших ранее в Советский Союз республик Прибалтики. В ходе нее СССР обучал и направлял в Латвию группы коренных латышей, ранее эвакуированных под натиском немецких войск во внутренние пределы Советского Союза. Они говорили на латышском языке и были знакомы с социокультурной и экономической ситуацией в республике. Первые так называемые организационные группы по внедрению советской практики в Латвию состояли из руководителей всех центральных учреждений ВКП (б) и правительства Латвийской ССР, а также городских и районных отделов наркоматов. Включены в них были те сотрудники, которые ранее (перед войной) служили и работали на этих должностях, а также те, кто обучался на курсах, организованных ЦК Латвийской компартии (большеви́ков) в 1942–1944 гг. Подобные орггруппы последовали за Красной армией, вошедшей в Латвию в июле 1944 г. Кроме того, для проведения внутренней политики советизации Прибалтики, начиная с 6 июля 1944 г. следом за 1-м Прибалтийским фронтом, руководящие группы сотрудников были направлены из Москвы в Латвийскую ССР. Еще одна группа в составе 261 человека прибыла из Москвы вслед за 2-м Прибалтийским фронтом 13 июля. Всего в Латвию были переброшены три организационные группы, общая численность которых составила 1966 человек, утвержденных на должности в ЦК КПЛ и в управлениях (центральное и территориальные) НКВД Латвийской ССР.

Административно-политическая организация структуры управления в Латвии произошла в 1944–1945 гг. По указанию Правительства Советского Союза была установлена строго централизованная система управления на местах, основной единицей стал гражданский приход (сельский совет) во главе с председателем и партийным секретарем-организатором. Приходы подчинялись уездным советам, а те в свою очередь – соответствующим районным комитетам компартии Латвии во главе с первыми секретарями. Районы и города были подчинены Совнаркому ЛССР (СНК, позже замененному Советом Министров) и ЦК КПЛ (б). В результате просоветски настроенные руководители имели абсолютное представительство на всех трех административных уровнях вертикали власти. При этом руководители административных структур и предприятий полностью подчинялись им через партийные и административные структуры.

Политику советизации и включения Латвии в политико-территориальное пространство Советского Союза после 1944 г. можно условно разделить на несколько основных этапов. На первом этапе (1944–1946 гг.) органы советской власти пытались в первую очередь установить свою военную, политическую и административную власть. Все административные, образовательные и иные учреждения были реорганизованы по советскому образцу. На втором этапе (1947–1950 гг.) начался процесс советизации латвийского села посредством всеобщей коллективизации. Особенно это проявилось после депортации в 1949 г. в районы Сибири лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с немецким оккупационным режимом и поддержкой национал-сепаратистских отрядов «лесные братья» (общее число лиц, наказанных по политическим мотивам, составило примерно 150 000 человек или 7,5 % населения). На третьем этапе после 1950 г. советская власть стала создавать крупные промышленные предприятия для решения проблем прежде отсталой экономики республики, интегрировать ее в общегосударственную экономику Советского Союза. В ходе индустриализации и урбанизации в Латвию были направлены сотни тысяч специалистов из России и республик Советского Союза. Благодаря этому были построены такие заводы-гиганты, как Валмиерский завод стеклопластика, Даугавпилсский завод двигателей, Огрская текстильная фабрика. Это также позволило развить инфраструктуру, направленную на обслуживание военных нужд (например, государственный завод электроники в 10 000 рабочих мест, а также новые предприятия «Альфа», «РЭР» и др.).

Массовая урбанизация и индустриализация, которую СССР стал проводить в Латвии под названием «интернационализация промышленности», была формой вовлечения экономики республики в общесоюзную. При этом в Латвии не было необходимого сырья, его нужно было направлять из регионов России, а ещё её трудовые резервы были очень подорваны войной. По некоторым оценкам, в Латвии в конце войны не было почти трети от количества прежнего довоенного населения. Поэтому по решению советского правительства были приглашены десятки тысяч рабочих, инженеров и техников, которые были направлены для развития экономической структуры республики. Крупные жилые комплексы (и даже целые новые города) были построены для их размещения. В ходе развития экономики и хозяйства, например, в 1989 г. Латвия получила новый приток из 712 000 этнических русских граждан, которые вместе с уже проживающими 193 600 русскоговорящими жителями (10,5 %) составили 34 % населения Латвии. Этой политике переселения сопутствовало то, что уже после окончания войны в Латвии при полной поддержке нового руководства в городах и селах стали селиться бывшие военнослужащие Красной армии. Так, к 15 декабря 1945 г. в Риге обосновались 8031 демобилизованных из числа бывших военнослужащих. 447 человек разместилось в Лиепаяе, 697 – в Даугавпилсе, 424 – в Елгаве, 126 – в Вентспилсе. В Абрэнском районе поселились 719 бывших военнослужащих, в Айзпутском районе – 73, в Бауском районе – 497, в Валкском крае – 613, в Валмиерском крае – 801, в Даугавпилсском крае – 1587, в Екабпилском районе – 678, в Елгавском районе – 1136, в Илукстском районе – 493, в Кулдигском районе – 229, в Лиепайском районе – 371, в Лудзенском рай-

оне – 1119, в Мадонском районе – 576, в Резекненском районе – 1272, в Талсинском районе – 120, в Тукумском районе – 133, в Рижском районе – 884 и 490 в Цесисском районе. Число новых поселенцев в Латвии составило 21 558 человек. К концу 1946 г. новый приток поселенцев насчитывал 44 040 бывших военнослужащих, из которых 19 463 человека никогда не проживали здесь раньше. В последующие месяцы ситуация оставалась такой же. К 1 апреля 1947 г. общий приток демобилизованных, поселившихся в Латвии, достиг 58 640 человек, в том числе 8346 офицеров и 50 294 рядовых и сержантов, из них 27 624 человека никогда не проживали в Латвии ранее [10]. При этом Рига была наиболее предпочтительным местом для жительства. Так, например, к 1 июля 1948 г. в Риге поселилось 6646 демобилизованных офицеров и 13 315 рядовых и сержантов, которые никогда раньше не служили в Латвии [10]. Эта политика поддержки переселенцев из числа бывших военнослужащих Красной армии со стороны руководства Латвии была обусловлена прямой необходимостью скорейшего вхождения республики в состав Советского Союза и проводимой общей политикой советизации новых территорий. Таким образом, расселение в городах и сёлах Латвии новых граждан республики было исключительно важной стратегией для советской власти, считавшей, что необходимо иметь лояльные группы поддержки среди местного населения. Демобилизованные солдаты и особенно офицеры Красной армии были одной из таких проверенных социальных групп, влившись после войны в общий состав гражданского населения республики. В последующие годы подобная практика переселения бывших военнослужащих была продолжена. Например, с 1953 г. по март 1959 г. число демобилизованных лиц офицерского состава в Латвии составило 5587 человек. В основном отставные офицеры переехали со своими семьями в Ригу [10].

Первая послевоенная перепись населения была проведена в 1959 г. Она показала, что Латвия вернулась к довоенному уровню – около 2 000 000 человек. Но это восстановление во многом было достигнуто за счет новых поселенцев, активно поддерживающих советскую власть. В результате политики советизации Латвия стала среди других советских республик одним из регионов с наиболее высокой долей славянских народов в общем количестве населения.

Изначально малоэффективное сельское хозяйство Латвии было основано на экономике традиционных обособленных индивидуальных подворий, частной собственности на землю и крупных латифундий старой немецкой аграрной аристократии, которая вела родословные от средневекового Ливонского ордена. Этот сельскохозяйственный уклад в послевоенные годы был разрушен в четыре этапа советизации и коллективизации. На первом этапе в первые послевоенные годы все частные земли свыше 20 га были национализированы государством. Тем самым дополнительно был ликвидирован экономический потенциал враждебного преобразованиям правительства Латвийской ССР кулацкого класса, активно помогавшего продовольствием и добровольцами отрядам национал-сепаратистов «лесные братья». Второй этап – проведенная 25 марта 1949 г. депортация в Сибирь 43 000 националистов и кулаков (2,15 % довоенного населения). Третьим этапом была коллективизация оставшегося мелкого хуторского хозяйства в 1949–1950 гг. Четвертый этап – упразднение индивидуальных под-

ворий и формирование компактных сельских поселений с крупным производящим хозяйством. В результате этих мероприятий был достигнут рост производства сельскохозяйственных продуктов (особенно масла и мяса, а также рыбной продукции), которые направлялись в большинстве своём в Москву и Ленинград.

В результате в первые 10–15 лет после окончания Великой Отечественной войны большую роль сыграли политические и социальные преобразования, экономические и культурные изменения. Это превращение произошло в обществе, травмированном разрушительной войной. Старая финансово-промышленная и земельная элита довоенной Латвии эмигрировала с отступавшими немецкими частями, а также была упразднена новой властью за свою антигосударственную деятельность (депортация, тюремное заключение по решению суда в 1940–1941 гг. и в послевоенное время). Приблизительно 240 000 человек (13 % населения), в том числе оставшаяся в годы немецкой оккупации местная элита, покинули Латвию, спасаясь правосудия за свое сотрудничество с фашистским режимом в годы Великой Отечественной войны. В этих условиях в ее сельских районах Латвийской Республики возникло активное вооруженное и невооруженное сопротивление, представители которого в большинстве случаев отчаянно надеялись на вооруженную агрессию и вмешательство Запада.

Военно-стратегическая обстановка, сложившаяся к окончанию Великой Отечественной войны, представляла собой следующую ситуацию в Латвийской республике. С июля по октябрь 1944 г. войсковые подразделения Красной армии освободили практически все районы Латвии (кроме Курляндии). Одновременно с их освобождением в лесных массивах и болотистой местности республики стали скрываться латыши-коллаборационисты, служившие во время немецкой оккупации германской администрации и военно-карательным структурам Третьего рейха (полицей, административные служащие, легионеры латышских подразделений СС). В условиях концентрации отступавших германских войск в Курляндии, Восточной Пруссии и Померании немецкая разведка из формирований латышских подразделений СС стала активно готовить агентов для оказания диверсионно-партизанского сопротивления советской власти в Латвии.

В результате активности Абвера осенью – зимой 1944 г. на севере Латвийской Советской Республики активную вооруженную националистическую деятельность вели 50 разведывательно-диверсионных групп, направленных из Северной Германии. Для их деятельности было создано около 100 замаскированных тайников с оружием и взрывчаткой. Непосредственно в районы Курляндии с октября 1944 г. по май 1945 г. военная разведка Германии направила около 2 тысяч диверсантов из числа латышских коллаборантов.

С начала сентября 1944 г. агенты и диверсанты Абвера, различные мелкие вооруженные группы и отдельные военнослужащие из числа латышских окруженцев в районах восточной и северной Латвии стали формировать подпольно-партизанские вооруженные соединения националистов, получивших наименование «лесные братья» [6]. Их основу, как уже говорилось выше, составили латышские эсесовцы из дивизий, сформированных в 1943 г. немцами. Кроме того, к ним стали активно примыкать местные уклонисты из числа сельской молодежи, спасающиеся от призыва в подразделения Красной армии, надеющиеся на скорое возвращение немецких войск и прежних оккупационных порядков. Пер-

воначально «лесные братья» формировали отряды численностью 100 и более боевиков (1944–1945 гг.). Но крупные подразделения оказались плохо подготовленными для проведения маневров, их легко обнаруживали и уничтожали в период проведения контрповстанческих, чекистско-войсковых операций группы и воинские подразделения НКВД – МВД. Тогда «лесные братья» в районах Латвии быстро сменили тактику, перейдя к небольшим по численности вооруженным националистическим объединениям по 20–40 человек (1946 г.), а после 1947 г., когда основные силы националистов были ликвидированы, диверсионную работу вели мелкие формирования по 6–12 вооруженных боевиков.

С момента освобождения Латвии органами НКВД СССР в июле 1944 г. началась активная оперативная деятельность по выявлению участников националистического подполья, латышских разведывательно-диверсионных групп, направленных Абвером в районы Прибалтики, бывших немецких пособников и коллаборантов, которые оставались на освобожденных землях республики. Для усиления оперативно-розыскных и чекистско-войсковых мероприятий территориальными подразделениями НКВД в Латвию была передислоцирована 5-ая дивизия НКВД СССР. В ее состав входили 4 полка внутренних войск – 24-ый, 36-ой, 143-ий и 260-ый (последний участвовал дополнительно в подавлении деятельности национал-партизан, получивших название «лесные братья» и «лесные фиалки», в районах советской Эстонии). Общая численность всех подразделений 5-ой дивизии НКВД СССР составляла порядка 10 тысяч человек, кроме этого, для борьбы с национал-сепаратистами территориальными подразделениями был придан 21-ый батальон войск НКВД Латвии, численность которого составляла около 5 тысяч человек [14]. С учетом повышенной опасности, которую представляли вооруженные националистические формирования «лесных братьев», дополнительно в 1945 г. к действующим подразделениям НКВД – МВД были добавлены 11 специально созданных Центральным Комитетом коммунистической партии Латвии контрпартизанских отрядов, действовавших в разных регионах республики, численность 80 человек каждый [14].

На основании исследования отчетов Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД – МВД СССР установлено, что в 1944 г. в ходе проведения спецопераций по ликвидации бандформирований было уничтожено 364 боевика-националиста, кроме этого, ликвидировано 37 человек, имевших связь с националистическим подпольем. В то же время амнистировано и легализовано среди мирных жителей 46 человек. В тоже время в 1944 г. было арестовано 58 немецких шпионов и диверсантов [14].

В ходе борьбы органов НКВД СССР с антисоветским элементом в Латвийской республике летом – зимой 1944 г. главный акцент делался на поимку и ликвидацию различных коллаборантов, сотрудничавших в годы оккупации с немецким режимом. Так, в 1944 г. было арестовано 653 бывших немецких пособников. Деятельность советских органов НКВД – МВД в этом направлении была продолжена и в послевоенный период. Например, в 1945 г. было выявлено почти 1300 бывших пособников и карателей, из которых 1055 было арестовано, 3 ликвидировано в ходе задержания, почти 240 человек попали под амнистию советской власти и были легализованы среди мирного населения. По-

добные цифры говорят о численном росте и активности деятельности сотрудников НКВД – МВД республики по раскрытию бывших немецких приспешников. В результате активной работы органов НКВД – МВД Латвии в 1945 г. захвачено 16 агентов-диверсантов германских спецслужб, из которых 1 был впоследствии амнистирован и попал под проводимую властями политику легализации. В 1946 г. сотрудниками органов НКВД – МВД республики было установлено 1300 бывших немецких пособников, из которых 243 арестованы, и 1061 человек амнистированы после проведенной проверки [6].

«Лесные братья» для обеспечения своей конспиративно-диверсионной деятельности на первоначальном этапе национал-партизанского противостояния органам власти в 1944–1946 гг. дислоцировались в основном в палаточных лагерях, расположенных в лесных массивах или на болотных островах. После разгрома всех крупных национал-партизанских отрядов мелкие группы скрывались в специально оборудованных, замаскированных подземных убежищах-бункерах. Для продовольственного обеспечения подобные центры дислокации часто располагались вблизи отдаленных от районных центров хуторов.

На основе проведенного исследования можно утверждать, что латышские националисты были чаще всего экипированы в довоенный китель республиканской армии Латвии, а также носили мундиры немецких вооруженных сил Третьего рейха и подразделений СС. По мере износа военной экипировки «лесные братья» стали сочетать ее с гражданской одеждой. Благодаря помощи Абвера, занимавшегося формированием подобных националистических подразделений, на вооружении партизан находилось стрелковое оружие немецкого образца. Кроме этого, формирования националистов имели радиосвязь, а также получали для её ведения от немецкой разведки коды и шифры [6].

В своей деятельности националисты активно применяли тактику внезапных нападений на военные патрули Красной армии, районные центры, убивали сотрудников органов внутренних дел, отдельных бойцов представителей районного и сельского руководства, партийного актива и всех сочувствующих из числа местного населения [13].

Для ведения активной контртеррористической борьбы с латышскими «лесными братьями» уже 20 октября 1944 г. по прямому указанию руководства НКВД СССР в районы Эстонской и Латвийской республик была передислоцирована 5-ая дивизия внутренних войск НКВД – МВД СССР, которую возглавлял генерал Леонтьев П. А. Кроме этого, под плотный контроль курсантами школы НКВД были взяты все районы Риги. Для усиления контртеррористической борьбы с латышскими националистами активно задействовались вспомогательные истребительные батальоны, насчитывавшие порядка 16 тысяч бойцов, набранных из числа сочувствующего местного населения [2].

10 декабря 1944 г. из фрагментированных, разбросанных территориально националистических формирований национал-партизан была создана Латвийская национальная партизанская ассоциация. В условиях ведения подпольной деятельности националистами стало выпускаться национал-сепаратистское печатное оппозиционное издание «Серебряное солнце» [12].

В ответ на рост подпольных выступлений и нападений «лесных братьев» 2 марта 1945 г. в районе Абрене (восточные земли Латвийской республики) оперативно-войсковые формирования военнослужащих 5-ой дивизии внутренних войск НКВД – МВД СССР ликвидировали наиболее значительный сильно укрепленный центр национал-партизан Латвии, расположенный на островках болотистой местности. В течение дневного боя оперативно-войсковой группой было ликвидировано 20 подземных схронов, в которых находилось порядка 300 человек (боевики и их родственники). В условиях ведения ожесточенного боя было ликвидировано 28 латышских националистов. Общие потери чекистско-войсковой спецгруппы составили 20 погибших и получивших ранения бойцов, включая 2 офицеров [1].

Анализируя деятельность латышских национал-партизан, следует отметить, что, начиная с мая 1945 г., происходил численный рост незаконных вооруженных формирований. Так, с разгромом немецких войск в Курляндском котле к подпольным формированиям националистов присоединилось более 4 тысяч военнослужащих 19-ой дивизии СС, состоявшей из латышей. Также национал-партизаны Латвии получили дополнительное усиление за счёт остатков подразделений «курелистов» (kureliesi), которые не были до конца ликвидированы в ходе освобождения Курляндии и, даже потерпев поражение, сумели сохранить, пусть и частично, свою боеспособность [13].

В июле 1945 г. национал-партизаны, располагавшиеся в лесистых районах Курляндии, влились в Латвийскую национальную партизанскую ассоциацию. В ходе этого объединения была создана подпольная Латвийская национальная партизанская организация. По своему численному составу и дислокации на латвийских землях вооруженные националисты в районах Курляндии порядка представлены 4 тысячами боевиков, в землях Латгалии (восток республики) – около 10 тысяч, в северной и центральной Латвии – примерно 6 тысяч [11].

Как показывают исследования, подпольные вооруженные подразделения национал-партизан действовали активно во всех районах Латвии. Например, в Курляндии они охватывали своим влиянием прилегающие территории городских центров Дундага, Валдемарпилс, Талсы, Кабиле. В области Видземе националисты старались контролировать города Валке, Алое, Лимбажи, Цесисе. В районах Латгалии они нападали и проводили теракты возле городов Виляка, Балвы, Резекне, Лудза, Крустпилс. На территории Земгалии банды националистов нападали на хутора и поселения городских центров Екабпилс и Бауска [6].

Помимо вооруженного сопротивления представителям и органам власти Латвии националисты вторгались в пограничные земли Псковщины, где атаковали здания местных сельских советов, опорные пункты милиции и небольшие райотделы, грабили и захватывали имущество и продовольствие, хранящееся в колхозных и государственных складских помещениях. В ходе активного противодействия латышским националистам в 1944–1945 гг. псковскими подразделениями НКВД – МВД было ликвидировано 9 национал-партизанских формирований. В столкновениях с сотрудниками погибло 16 боевиков, военнослужащие пленили 68 национал-партизан. При этом 31 националист добровольно сдался территориальным подразделениям НКВД – МВД [2].

При проведении исследования было выявлено, что в Латвии в ходе чекистско-войсковых спецопераций подразделениями НКВД – МВД с июля 1944 г. по август 1945 г. было уничтожено 672 вооруженных националиста, захвачено более 10 тысяч боевиков. Сотрудники НКВД – МВД конфисковали у «лесных братьев» 85 пулеметов немецкого образца, около 300 автоматов, 914 винтовок, 160 пистолетов, более 700 гранат, почти 400 мин и 23 кг взрывчатки [2].

В ходе активного противостояния вооруженным повстанческим бандам националистов активно использовалось прочесывание лесных массивов. В этих спецоперациях были задействованы сформированные из местного населения территориальными управлениями НКВД – МВД истребительные батальоны. При этом основную тяжесть чекистско-войсковых спецопераций взяли на себя оперативно-розыскные группы и воинские подразделения 5-ой дивизии внутренних войск НКВД – МВД СССР.

В соответствии с приказом № 00224/00156 генерального комиссара НКВД СССР Берии Л. П. «О мероприятиях по усилению борьбы с антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных националистических банд на территории Латвии, сформированных при участии германской разведки» перед территориальными органами НКВД – МВД и НКГБ республики были поставлены следующие эффективно показавшие себя оперативные задачи и определены розыскные мероприятия:

- рассмотреть все существующие разработки агентурного характера, все следственные материалы по националистическому подполью, определить необходимые меры, позволяющие обеспечить установление и ликвидацию в кратчайшие сроки активно действующих на территории Латвии националистических формирований и вооруженных отрядов «лесных братьев»;

- обратить главное внимание при проведении агентурной и оперативно-чекистской деятельности на ликвидацию националистических подпольных формирований с установлением местоположения руководства банд и подпольных националистических центров;

- устранить лидеров бандформирований, а также руководителей националистических подпольных организаций, обеспечить реализацию агентурных и оперативных разработок, которые помогут установить каналы связи, квартиры конспиративного характера, явки, используя активные формы внедрения в состав националистического подполья надежной сети агентов;

- организовать установление и ликвидацию тайных складов вооружения, боеприпасов, продовольственных запасов, имеющейся техники, например, типографское оборудование, печатные машинки и иные множительные средства, обеспечивающие деятельность националистического подполья и вооруженных бандформирований на территории республики;

- проведение оперативной работы с агентурной сетью с целью полного и точного обеспечения нужной информацией о местонахождении бандгруппировок, их численности, вооружении, возможных путях их отступлений для последующей ликвидации в ходе проведения чекистско-войсковых спецопераций;

- проводить чекистско-войсковые спецоперации по уничтожению бандформирований с учетом заранее разработанных оперативных планов, согласно

которым предполагалось предварительное (до проведения зачистки) оцепление территорий дислокации «лесных братьев», создание засад на пути их возможного отступления, сопровождающиеся окружением отрядов националистов, чтобы они не могли перебазироваться в безопасную для них местность;

- активно вести осведомительную и агентурную работу с привлечением местного населения;

- формировать объединенные оперативные группы, состоящие из местного населения, участковых сотрудников НКВД – МВД, вооруженных отрядов местной самообороны, в которые будут входить сочувствующие граждане, бывшие партизаны, подпольщики, демобилизованные военнослужащие Красной армии, партийно-комсомольские деятели, лица, пострадавшие от националистов;

- создавать истребительные батальоны из числа местного населения для борьбы с «лесными братьями»;

- сообщать о недостатках партийно-комсомольской работы по линии борьбы с «лесными братьями» в ЦК КП (б) Латвии в целях улучшения ситуации;

- активно проводить оперативно-следственные мероприятия без волокиты и затягивания, используя полученную информацию для устранения руководителей «лесных братьев», формирования, сочувствующих лиц, уничтожения их центров, мест дислокаций, складов вооружения и продовольствия;

- для усиления оперативной работы создать в районных управлениях НКВД–МВД отделы по борьбе с бандитизмом, увеличивая тем самым штаты на 3–5 человек;

- руководителю НКВД Латвии А. П. Эглицу – укомплектовать все республиканские волостные отделения органов внутренних дел местными кадрами, хорошо знающими локацию и специфику этих территорий;

- прикомандировать из центрального аппарата НКВД СССР 100 сотрудников из числа оперативного состава для усиления отделов по борьбе с бандитизмом в волостных отделениях органов внутренних дел Латвии;

- усилить со стороны заместителя руководителя НКВД СССР по хозяйственному обеспечению техническое (32 машины) и материальное (мыло, сигареты, сахар, отрезки ткани) снабжения районных и волостных сотрудников НКВД Латышской республики;

- направить из центра в аппарат НКВД республики 17 радиостанций и приемников, а также профильных специалистов радиотехнических служб;

- в интервале каждых 5 дней информировать руководство НКВД СССР о ходе борьбы с «лесными братьями» в Латвии [2].

В 1945–1946 гг. борьба органов НКВД – МВД с националистами усилилась. Например, в 1945 г. были арестованы 870 человек из отрядов и подразделений латышских националистов, 105 боевиков из числа городского подполья и 177 националистов-одиночек. В ходе спецопераций против национал-партизан было ликвидировано 940 бандитов, состоявших в вооруженных группировках, и около 130 боевиков-одиночек. Для раскола движения «лесных братьев» 2400 бывших незапятнанных кровью и убийствами националистов было амнистировано и легализовано среди местного мирного населения. В 1946 г. было арестовано около 530 «братьев», 373 боевика ликвидировано, около тысячи бывших членов незаконных вооруженных формирований амнистировано и легализовано [7].

Для устранения выявленных вооруженных националистических структур в республике, уменьшения роста их воздействия на местных жителей, снижения общего количества национал-партизан сотрудниками НКВД–МВД был применен следующий эффективный комплекс оперативных действий:

- идеологический развал вооруженных отрядов латышских «лесных братьев», агитация членов банд разоружаться и являться добровольно в территориальные органы НКВД – МВД с повинной (для этих целей сотрудники спецслужб вербовали, а затем использовали агентов-осведомителей, которые состояли в родстве с национал-партизанами или сами в недалеком прошлом были участниками националистических отрядов, или были сочувствовавшими пособниками);

- организация информационной компрометации командиров националистических подразделений среди национал-партизан;

- физическое устранение руководителей вооруженных подразделений «лесных братьев», а также их заместителей, чтобы развалить незаконные вооруженные группировки, создать панические ситуации среди националистов (активно использовалась агентурная сеть среди латышских национал-партизан [9]);

- стремление через агентов переориентировать деятельность повстанческих отрядов на ненасильственные методы ведения борьбы, используя призывы к сохранению сил и средств, к сотрудничеству с новой властью и к легализации;

- снабжение «лесных братьев» через подставных лиц испорченным вооружением и боеприпасами, которые не были пригодны для террористической деятельности;

- создание системы «приманок» для боевиков, провокация на совершение недобудуманных действий, последующая ликвидация и разгром отрядов «братьев»;

- проведение на всей территории республики полномасштабных мероприятий, направленных на выведение боевиков из бандформирований, амнистирование и легализацию бывших националистов. Такие практики проводились в Латвии не раз. В их ходе руководители ЦК ВКП (б) Латвии выпускало массовое обращение, где говорилось, что все, кто добровольно сложит оружие, выйдет из леса и порвет с бандитским прошлым, будет прощен. Первое такое обращение было издано в Литовской ССР 9 февраля 1945 г. В ходе этих мероприятий в 1945 г. в Литве было легализовано более 6 тысяч бывших участников подполья, в Латвийской ССР их было более 2600, в Эстонской республике получили амнистию более 1600 бывших «лесных братьев». В 1946 г. в Латвии было амнистировано и легализовались более 2 тысяч человек, в Литве попавших под амнистию было 656 бывших боевиков, в Эстонии было легализовано 1262 человека. В ходе проведения таких кампаний те, кто не совершил значимых преступлений, получали прощение и новые документы граждан советских республик;

- проведение разъяснительных бесед сотрудников органов НКВД – МВД с коллективами и отдельными лицами, в ходе которых граждане имели возможность информировать сотрудников спецслужб о тайных укрытиях «лесных братьев» и их помощниках из числа местного населения и пр.;

- разоблачение в средствах массовой информации руководителей националистического подполья перед местными жителями и перед самими боевиками;

- выступления в средствах массовой информации бывших раскаявшихся «лесных братьев» (особый успех достигался от выступлений бывших главарей

незаконных вооруженных формирований, например, раскаяние одного из руководителей вооруженного националистического отряда ксендза Юхневича, в котором он официально призвал боевиков прекратить сопротивление;

– привлечение в истребительные отряды местного населения и назначение их в качестве руководителей таких батальонов;

– разработка системы мер, направленных на ликвидацию материальной и продовольственной поддержки «лесных братьев» со стороны местного населения. При этом проводилась воспитательная, пропагандистская, разъяснительная деятельность сотрудников среди жителей сел и хуторов. Кроме того, подобная работа комплексно велась среди различных слоев населения, поддерживавших в силу различных причин националистов Латвии. В ходе проведения этих мероприятий, особенно начиная с 1946 г., увеличилась волна репрессий и различных наказаний в отношении местного населения за пособничество и укрывательство «братьев», за помощь им в вооруженном сопротивлении органам власти. В результате проводимых в 1946 г. мероприятий были арестованы около тысячи человек за пособничество и оказание различной помощи, а за сочувствие националистам и несообщение информации о них властям было подвергнуто аресту 840 человек. Проводимая органами НКВД – МВД политика помогла лишить «лесных братьев» информации, продовольствия, одежды, лекарств, жилья на время отдыха и т. д.

В борьбе с национализмом в регионах Прибалтики в конце 1940-х гг. ведущей задачей органов НКВД – МВД стало полное устранение сопротивления со стороны вооруженных отрядов «лесных братьев». С учётом этого наибольшим результатом проводимой органами власти политики послужила система проводимых государственных мер по трансформации социального состава населения Прибалтики и полного отрыва националистов от материальной помощи со стороны местных жителей.

С лета 1948 г. до весны 1949 г. на основании принятого решения правительства Советского Союза органами НКВД – МВД были проведены мероприятия по отправке в районы Сибири и Крайнего Севера родственников и близких «лесных братьев». Кроме этого, выселялись пособники национал-партизан и кулаки. В республиках Прибалтики стала проводиться политика коллективизации, где ведущей силой выступили органы НКВД – МВД республик. Так, например, 25 марта 1949 года из Латвийской Советской Республики было выслано порядка 43 тысяч человек. Эта депортация пособников и сочувствовавших нанесла удар по продовольственной и информационной помощи, получаемой националистами. В результате количество активных национал-партизан в отрядах сопротивления значительно снизилось. Многие бывшие националисты были амнистированы и легализованы среди гражданского населения республики. В условиях очищения городов от националистов проводимые органами НКВД – МВД меры заставили многих подпольщиков прятаться в лесах, чтобы избежать ареста [14]. С этого времени деятельность бандгруппировок стала иметь скорее уголовный характер, чем политический.

В ходе проведения оперативных спецопераций уже к началу 50-х гг. XX века пособническая и сочувствовавшая часть прибалтийского общества для

национал-партизанского подполья в Латвии, Эстонии и Литве была значительно разрушена. Это напрямую вело к деградации идеи национализма и сепаратизма «лесных братьев» в Латвийской ССР. Также необходимо отметить, что в результате противоправной деятельности национал-партизан Латвии понесли ущерб тысячи обычных граждан, которые были жертвами их нападений, а также лишались своего имущества в результате бандитских экспроприаций.

В конце 40-х гг. XX века органы НКВД – МВД качественно трансформировали существующую тактику ведения борьбы с национал-партизанами. Так, положительной стороной стали результаты реализации оперативных игр с националистами и зарубежными разведками, которые были разработаны оперативным составом советских спецслужб. Содержанием таких игр стала система спецопераций, в ходе реализации которых сотрудники НКВД – МВД, используя завербованного агента, постоянно направляли в центр иностранных разведок, поддерживающих латышских националистов, самые различные дезинформирующие материалы, вводя в заблуждение противника и заставляя его совершать ошибки, приводящие к провалу всей подрывной деятельности. При этом вся работа иностранных разведок (Великобритания, США) и латышских националистов контролировалась сотрудниками НКВД – МВД с помощью завербованного агента. Как правило, подобные оперативные игры, в которых были задействованы захваченные рации диверсантов и шпионов, позволяли получить различную нужную информацию, изложенную в шифротелеграммах.

При проведении подобных мероприятий активно использовались агенты «лесных братьев», арестованные и шедшие на сотрудничество эмиссары, направленные для установления связи с зарубежными разведками, о задержании которых никто не знал. Также в ходе подобных игр активно использовался прием «втемную», в котором участвовали, сами того не подозревая, «лесные братья» или сотрудники вражеских спецслужб [5].

Подводя итоги, следует отметить, что подпольная националистическая война в регионах Латвийской Советской Республики длилась до 1956 г., став по сути острым гражданским конфликтом. Значительную помощь в борьбе с латышскими «лесными братьями» подразделениям НКВД – МВД СССР оказали истребительные батальоны, состоящие из лояльного и сочувствующего местного населения. О серьезности националистического движения в послевоенной Латвии говорит тот факт, что в период с 1944 г. по 1956 г. в вооруженной борьбе против новой власти участвовало более 20 тысяч национал-партизан, а содействие в получении различной материальной и продовольственной помощи повстанцам оказали примерно 20 тысяч жителей Латвии. В столкновениях и в ходе диверсионно-террористических действий было убито 11 070 человек (руководящие сотрудники, партийные и хозяйственные деятели). Погибло от рук латышских националистов 259 сотрудников органов МВД и МГБ СССР и 386 бойцов истребительных отрядов [2]. Подразделениями НКВД – МВД было уничтожено около 2,5 тысяч латышских националистов, взято в плен порядка 7342 боевиков, почти 4300 «лесных братьев» сдались добровольно [2]. Из регионов Латвийской Советской Республики в ходе проведения операции НКВД – МВД СССР «Прибой» на спецпоселение в Сибирь были высланы 57 тысяч

граждан, поддерживавших в различных формах националистическое вооруженное подполье, что нанесло удар по дальнейшей деятельности националистов, практически полностью лишив их материальной основы [13]. В итоге комплекс мер, направленных органами НКВД – МВД СССР на ликвидацию националистического бандподполья, привел в середине 50-х гг. XX века к восстановлению мирной жизни на всей территории Латвии.

ГЛАВА 7. УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛИСТОВ СО СТОРОНЫ ОРГАНОВ НКВД – МВД И МГБ ЛАТВИЙСКОЙ ССР В 1944–1956 ГГ.

Актуальность седьмой главы основана на историко-правовой оценке фактов и событий, связанных с подавлением органами НКВД – МВД и МГБ Латвийской ССР в послевоенный период повстанческого вооруженного подполья «лесные братья», охватившего террором сельские районы республики. Это во многом связано с негативной оценкой происходивших после войны событий историками и политиками постсоветской Латвии, которые не рассматривают или сознательно не замечают антиконституционных действий националистов, среди которых были бывшие легионеры СС, а также коллаборанты, сотрудничавшие в годы оккупации с Третьим рейхом, а полностью оправдывают деятельность «лесных братьев», подвергая полной критике работу правоохранительных органов, действовавших в конституционном пространстве того времени. В этих условиях необходимы объективная оценка происходивших событий и изучение причин уголовно-политических репрессий со стороны органов НКВД – МВД и МГБ в отношении националистов и лиц их поддерживавших.

После Второй мировой войны и освобождения стран Восточной Европы от нацистов руководство Красной армии, понимая стратегическое значение республик Прибалтики в начавшейся Холодной войне, стало размещать гарнизоны и комендантуры на территории Латвии. Кроме этого, для борьбы с вооруженным подпольем националистов, основу которого составили бывшие легионеры СС и лица, сотрудничавшие с оккупационным режимом Германии, в городах и районных центрах республики создавались территориальные подразделения НКВД – МВД. Они и стали основным инструментом установления конституционного порядка в освобожденных республиках Прибалтики, защищавших с запада центральные районы СССР от возможной атаки бывших западных союзников по антигитлеровской коалиции. Красная армия обеспечивала военное присутствие в республиках Прибалтики, что позволяло советским силовым структурам (НКВД – МВД и МГБ – 1947 г.) играть центральную роль в установлении на их территории конституционного порядка в послевоенное время.

Латвийская республика на основании референдума вошла в состав СССР еще в 1940–1941 гг. Второе воссоединение произошло, когда Красная армия, отбросив на запад немецкие войска, вошла в Латвию в июле 1944 г. Еще до того момента, когда в мае 1945 г. вся территория Латвии была освобождена, органы НКВД начали свою оперативную деятельность в восстановленной Латвийской Советской Социалистической Республике (далее – ЛССР), полностью

координируя ее с требованиями центрального аппарата в Москве и указаниями советского правительства, которые служили основой работы и руководства коммунистической партии Латвии. В процессе наведения законности и порядка с помощью силовых методов органами НКВД – МВД проводились публичные уголовно-политические показательные процессы над захваченными в плен в ходе оперативных мероприятий «лесными братьями». Ожесточенность сопротивления националистов, их поддержка со стороны западных спецслужб (Великобритания) и состоятельного сельского населения из числа крупных фермеров-кулаков и части середняков привели к тому, что вооруженная внеправовая деятельность националистов продолжалась в Латвии с 1944 г. до 1956 г., поэтому деятельность органов НКВД ЛССР в первую очередь была связана с репрессиями в отношении националистических бандформирований и лиц, оказывавших им различную помощь и поддержку.

Анализ документальных материалов этого периода свидетельствует, что деятельность органов НКВД ЛССР в этот период включала следующие мероприятия: арест коллаборантов, сотрудничавших в годы Великой Отечественной войны с германским оккупационным режимом; депортации лиц, сочувствующих националистам и членов их семей (1945–1953 гг.) в Сибирь; ликвидация вооруженных националистических формирований «лесные братья»; оперативные действия по разоблачению шпионов и диверсантов, направленных иностранными разведками в Прибалтику; устранение враждебной пропаганды и различных видов провокации на территории республики. В результате в 1944–1956 гг. уголовно-политическим репрессиям было подвергнуто порядка 119 000 человек из числа националистов и лиц им сочувствующих [8].

Система уголовно-политических наказаний для выявленных и задержанных в ходе оперативных мероприятий лиц, враждебно настроенных к советской власти, широкая разъяснительная работа среди местного населения стали характерной чертой деятельности органов НКВД СССР (следовательно, и органов НКВД – МВД ЛССР) на оккупированной территории Латвии уже в годы Великой Отечественной войны. Кроме того в республике велась борьба с «лесными братьями» и контрразведывательная деятельность, выполняемая оперативными сотрудниками организаций СМЕРШ и органами внутренних дел ЛССР против агентов Абвера, завербованных немцами из числа коллаборантов и пронемецки настроенного местного населения. С моральной и политико-правовой точек зрения это было необходимой мерой для установления конституционного порядка и законности в тех непростых условия, в каких оказалась республика и Правительство Латвийской ССР.

Деятельность органов НКВД ЛССР в 1943–1956 гг. Органы внутренних дел СССР, действовавшие на территории Латвии в 1940–1941 гг., вновь были вовлечены сложной оперативной ситуацией процесс очищения республики от враждебных элементов. Осенью 1943 г., готовясь к освобождению Прибалтики, оперативные группы НКВД Латвийской, Литовской и Эстонской ССР были созданы в г. Павловский Посад Московской области. В них набирали личный состав, организовывали разведывательно-диверсионные группы для перехода через линию фронта и проведения разведывательных операций на оккупиро-

ванных нацистами территориях Прибалтики еще до прихода Красной армии [11]. После того, как её войска вошли в Латвию в июле 1944 г., из уже созданных оперативных групп был сформирован аппарат НКВД и его территориальные подразделения в районных центрах Латвии [10], которые вели активную оперативную работу на завершающем этапе войны и в период до 1947 г.

Конечно, функции НКВД – МВД республики в области разведки и контрразведки были подконтрольны Москве, поскольку борьба с вооруженным сопротивлением лежала в компетенции НКВД СССР, а операции против «антисоветских элементов», диверсантов и контрразведчиков на территориях, освобожденных советскими войсками, пришлось разделить с Управлением военной контрразведки СССР. 24 марта 1946 г. в ходе реорганизации НКВД ЛССР было преобразовано в Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности (МВД и МГБ). Полномочия военной контрразведки СМЕРШ как самостоятельного структурного подразделения были упразднены. На его основе было создано и закреплено функционально контрразведывательное направление работы для отдельных подразделений МГБ СССР. Таким образом, объем контрразведывательных обязанностей МГБ ЛССР был расширен. При этом область противоповстанческой деятельности, борьба против «лесных братьев» оставались в совместном ведении МГБ и МВД ЛССР.

В марте 1953 г. (после смерти И. В. Сталина) МГБ прекратило свое существование как самостоятельное структурное ведомство и стало подчиняться МВД, которое продолжило борьбу с вооруженным националистическим подпольем на территории Латвии и с лицами, поддерживающими «лесных братьев».

Деятельность партизанско-диверсионных групп НКВД СССР на оккупированной немцами территории Латвии в 1944–1945 гг. Органы внутренних дел СССР вели разведывательно-диверсионную деятельность в Латвии во время Второй мировой войны, когда вся территория республики была оккупирована немцами. Они совершали диверсионные акты с помощью специальных оперативных групп и обученных советских партизан. Возглавлял партизанское движение на оккупированных немцами территориях созданный 3 октября 1941 г. 2-й отдел НКВД СССР. Уже 18 января 1942 г. на его основе было сформировано 6-е отделение, которое обеспечивало руководство советскими партизанскими отрядами на всей территории Латвии [7]. Среди его функций были организация разведки и проведение диверсий в тылу противника. На оккупированной немцами территории Латвии действовали обученные разведывательно-диверсионные группы, так называемые Особые группы НКВД СССР, которые составили основу будущих партизанских отрядов, действовавших в тылу врага. В разные периоды 1943 г. насчитывалось от 41 до 125 активных Особых групп НКВД СССР на территории оккупированной Латвии [13]. Их деятельность была направлена в том числе и на срыв поставок продовольствия в Германию и в немецкую армию лояльными к немецкому режиму крупными фермерами, чьи хозяйства располагались в сельских районах Латвии. В ходе этих спецопераций бойцы спецгрупп НКВД регулярно атаковали немецкие сборные склады, захватывая запасы продовольствия, скот, телеги, одежду и прочее имущество, ими же разворачивались карательные операции, связанные с ликвидацией германских военнослужащих и

местных лиц из числа коллаборантов [9]. Часто для достижения большего эффекта и внезапности специальные группы передевались в немецкую армейскую форму и совершали нападения на мелкие гарнизоны, сотрудников немецкой администрации и их пособников из числа местного населения [14].

Примером политики террора и запугивания оккупационных властей могут служить яркие события 1943–1944 гг., связанные с Особой партизанской бригадой под руководством командира Василия Кононова (1923 г.р.), действовавшей против немцев и коллаборантов в Лудзенском районе. Во времена постсоветской Латвии на партизанского командира было заведено уголовное дело за борьбу против латышских националистов и коллаборантов в годы Великой Отечественной войны, а сами лица, сотрудничавшие с немецким оккупационным режимом, были, к сожалению, оправданы [4].

Борьба органов внутренних дел ЛССР с вооруженным сопротивлением националистов. Борьба с бандподпольем, в частности с вооруженным сопротивлением «лесных братьев», была в центре внимания органов внутренних дел и безопасности Латвии в течение всего периода 1944–1956 гг. Националистическое сопротивление советской власти возобновилось вместе с освобождением Красной армией территории Латвии в 1944 г. «Лесные братья» стремились к прежней Латвийской довоенной республике даже во время окончания сражений Второй мировой войны. Чтобы восстановить конституционный строй и безопасность подразделения НКВД, а также Управления военной контрразведки СССР СМЕРШ развернули широкую оперативную работу в Латвии вслед за подразделениями Красной армии, освободившими Курляндию.

Особенно активно участвовал в оперативных и военных действиях против вооруженного сопротивления «лесных братьев» на территории Латвии с июля 1944 г. отдел по борьбе с бандитизмом (далее – ОББ) НКВД ЛССР. Во время войны он специально для этого был создан в Советском Союзе. Параллельно с усилиями ОББ действовал образованный в 1944 г. НКГБ, который вел оперативную работу среди участников националистического сопротивления в республике. В связи с этим оба наркомата – НКВД и НКГБ, получали приказы и инструкции от центрального аппарата в Москве, координировавшего их деятельность. В 1946 г. бывшие наркоматы были реорганизованы в министерства.

Формально бывшее НКВД и новое МВД не считались управлением безопасности. Однако следует учитывать, что все оперативные методы ОББ по борьбе с вооруженным сопротивлением были переданы во 2-й отдел МГБ ЛССР, созданный в марте 1947 г. и взявший на себя все функции НКВД – МВД и ОББ республики.

Документы и показания свидетелей ясно доказывают, что управления НКВД – МВД и безопасности сыграли решающую роль в борьбе с националистическим сопротивлением «лесных братьев» и его подавлении в послевоенный период, когда традиционная тактика военно-полевых действий оказалась неэффективной. Ввиду сложной оперативной ситуации в республике в 1944–1945 гг. воинские части Красной армии занимались борьбой с вооруженным националистическим сопротивлением совместно с НКВД и НКГБ ЛССР. Практически сразу в ходе освобождения республики в неё была переведена 5-ая дивизия внутренних

войск, в состав которой входили несколько полков, основная их задача состояла в борьбе с вооруженным сепаратизмом «лесных братьев». При необходимости другие воинские части НКВД СССР также вели борьбу с националистами. В результате совместных действий в 1945 г. оперативные группы НКВД ЛССР и подразделения внутренних войск НКВД СССР уничтожили 283 группы (1098 боевиков). Накал борьбы усиливался: в том же году национал-партизаны совершили 186 нападений на государственные учреждения республики, убили 635 человек, включая сотрудников НКВД, НКГБ и милиции, а также сторонников новой власти из числа местного населения [12]. В этих условиях открытые военные действия, развернувшиеся на первом этапе борьбы с националистами (1944–1945 гг.), без предварительного оперативного планирования и привлечения агентов под прикрытием руководством НКВД СССР были признаны неудачной стратегией. Так, уже в сентябре 1945 г. заместитель наркома НКВД СССР Богдан Кобулов (1904–1953 гг.) пришел к выводу, что усилия НКВД и НКГБ ЛССР потерпели неудачу, потому что вместо планомерных оперативных действий они «рассчитывали ликвидировать бандитизм одними военными операциями» [5].

Безуспешные попытки ликвидировать отряды националистов и их командиров в конце 1945 г. – начале 1946 г. только боевыми наступлениями и зачистками подтвердили мнение заместителя наркома о том, что вооруженное сопротивление нельзя подавить без использования всего комплекса оперативных действий и средств, в частности, без внедрения в бандформирования спецагентов и без широкой оперативной работы с населением. Новой тактикой органов НКВД ЛССР в 1945–1953 гг. стало привлечение спецгрупп и агентов-боевиков. Так, широко использовались спецагенты (сотрудники и завербованные ранее бывшие боевики, а также лица из числа сочувствующего местного населения и вернувшиеся фронтовики), это позволило наиболее эффективно внедряться, дезинформировать и уничтожать национал-партизан. Спецагенты привлекались либо индивидуально, либо в составе особых ложных партизанских групп. Они проникали в ряды вооруженного сопротивления, применяя оперативные методы, характерные исключительно для работы НКВД [3]. Например, документы и воспоминания национал-партизан свидетельствуют о том, что нередко при уничтожении отрядов «лесных братьев» оперативниками применялись сильнодействующие наркотические вещества для усыпления членов банд и захвата в плен, что имело неоспоримый эффект и снижало потери среди сотрудников.

Проанализированные документы из фонда № 182 (1945 г.) Государственного архива Латвии содержат доказательства того, что не менее 64 спецагентов из числа сотрудников органов НКВД ЛССР действовали в Латвии с 1945 по 1953 гг. Они ликвидировали по меньшей мере 167 и захватили 58 националистов, действовавших в отрядах «лесных братьев».

Обещания советской власти амнистировать легализовавшихся бывших национал-партизан, сложивших оружие, также дали свои результаты. На призыв сложить оружие откликнулось довольно большое количество националистов: например, в 1946 г. было легализовано 987 человек [15]. При этом часть бывших партизан-националистов за совершенные ими преступления была осуждена и депортирована в районы Сибири в 1949 г.

Несмотря на усилия органов НКВД – МВД и МГБ вооруженное сопротивление «лесных братьев» в Латвии продолжалось в течение 10 лет после Великой Отечественной войны (вплоть до 1956 г.). Это вызывало серьезную озабоченность Правительства СССР. В результате был издан Приказ МВД СССР от 24 января 1953 г. № 006 «О ликвидации националистического подполья и его вооруженных формирований в западных областях Украины, Белорусской ССР, в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» [2]. При этом отдельные национал-партизанские группы и сохранившиеся «нелегалы», в том числе вооруженные боевики продолжали действовать с 1953 г. по 1956 г. Прекращение использования в антипартизанских операциях в 1954 г. спецагентов объясняет медленное продвижение в процессе уничтожения всех вооруженных формирований и большое количество нелегалов, действовавших в республике в 1953–1954 гг. В 1954–1956 гг. МВД и КГБ ЛССР прибегали только к оперативным группам и войсковым подразделениям. В результате чего было обезврежено 99 партизан-националистов и около 400 нелегалов.

Противоповстанческая деятельность внутренних войск МВД СССР, истребительных батальонов, подчинявшихся местным органам внутренних дел, направленная на ликвидацию вооруженного националистического сопротивления, начиная с 1944 г. была весьма эффективной. Так, войска и истребители совместно ликвидировали больше «лесных братьев» и вооруженных нелегалов, чем отдельные операции территориальных органов внутренних дел и силовых структур ЛССР. Однако они не смогли ликвидировать ни централизованные национал-партизанские организации, действовавшие в 1944–1946 гг., ни отдельные наиболее сильные и оснащенные группы националистов. Ведя обычные боевые операции без нужной информации, полученной в распоряжение в результате оперативной работы, они не смогли найти партизанские группы «лесных братьев» или отдельных националистов, а значит, ликвидировать или арестовать их. При этом разработанные спецоперации по внедрению агентов НКВД – МВД и МГБ ЛССР, проходившие на территории Латвии, доказывают, что проникновение спецагентов в отряды националистов, выдача себя за повстанцев вооруженных формирований были наиболее успешными методами ликвидации вооруженного сопротивления в республике.

В регионах Латгале, Видземе и Курземе ликвидация национал-партизанских союзов, сформированных путем слияния отдельных отрядов «лесных братьев», была проведена органами НКВД – МВД и безопасности к 1947 г. за счет внедрения агентов в подпольные организации националистов, а также путём физического уничтожения лидеров этих крупных повстанческих формирований. В конце 1945 г. – начале 1946 г. органы НКВД ЛССР разгромили в Восточной Латвии центральную национал-партизанскую организацию «Союз стражей отечества Латвии». В конце 1946 г. они ликвидировали Союз национальных партизан в Курземе. В 1947 г. оперативная работа МВД и МГБ ЛССР остановила деятельность такой крупной партизанской организации «лесных братьев» в Видземе и части Латгалии, как Союз национальных партизан Латвии.

В постсоветской Латвии считается, что согласно Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о ведении войны национал-партизаны Латвии относятся к кате-

гории «комбатантов» – «военных с особым юридическим статусом» [6]. При этом в 1944–1956 гг. большинство отрядов «лесных братьев» в Латвии особо не соблюдали соответствующие критерии Гаагской конвенции. Так, согласно ч. 2 ст. 23 комбатанты не должны применять следующие методы ведения войны:

- а) применять яд или отравленное оружие;
- б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к враждебной нации или армии;
- в) убивать или ранить противника, который сложил оружие, не имеет более средств защиты или сдался по своему усмотрению;
- г) объявлять, что пощады не будет;
- д) применять оружие, снаряды или материалы, рассчитанные на причинение ненужных страданий;
- е) ненадлежаще использовать флаг перемирия, национальный флаг или военный флаг, знаки различия и униформу противника, а также отличительные знаки Женевской конвенции [6].

При этом все способы террора открыто применялись националистами в своей повстанческой деятельности. Националисты во время захвата сел и хуторов активно применяли физическое истребление безоружных, сочувствующих местных жителей, расстреливая из засад сотрудников внутренних дел или захватывая их во время сна, или умышленно опьяняя их сильнодействующими алкогольными веществами для последующего пленения, что можно вполне считать нарушениями конвенции.

При этом современные историки и политики Латвии в своей критике недавнего советского прошлого больше опираются на п. 5 ч. 2 ст. 23 Гаагской конвенции 1907 г., в которой оговаривается запрет на маскировку спецагентов под националистов, проникновение их в отряды «лесных братьев» и последующее физическое истребление боевиков. В целом, оценивая их деятельность, следует отметить, что за нарушения положений Гаагской конвенции должны отвечать не только простые националисты, но и их руководители, т. е. командиры повстанческих вооруженных формирований, совершавших террористические действия против местных жителей, заподозренных в лояльности к советской власти, а также иные противоправные действия, отмеченные выше.

Роль МВД и МГБ ЛССР в депортации 1949 г. Наиболее эффективным методом установления контроля над сельскими районами Латвии оказалось проведение в 1949 г. вынужденной массовой депортации всех лиц, причастных к национализму и сепаратизму. В ходе депортации 42 975 человек (2,28 % населения) были в рамках административной процедуры высланы из Латвии в районы Сибири. Фермеры-кулаки и часть середняков, которые были фактически сторонниками «лесных братьев», составляли 51 % всех депортированных. Постановления о депортации также касались бандитских сторонников и добровольно легализовавшихся национал-партизан, которые по-прежнему разделяли националистические взгляды и пропагандировали их в обществе.

Депортация для советских органов внутренних дел и МГБ была необходимым средством борьбы с «лесными братьями». Для противодействия национал-сепаратизму в республике органы НКВД инициировали и руководили де-

портацией националистически настроенного населения в малонаселенные и отдаленные районы сразу после присоединения Латвии к СССР в 1941 г. и прибегали к этому средству борьбы с вооруженным повстанческим движением регулярно до начала 1950-х гг.

Депортация националистически настроенного населения из Прибалтики в 1945–1949 гг. основывалась на следующих документах, имеющих государственную важность: директива НКВД СССР от 16 июня 1945 г.; директива НКВД СССР от 10 декабря 1946 г.; приказ НКВД СССР от 18 декабря 1946 г. «О высылке семей руководителей и активистов националистических банд из республик Прибалтики»; постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О депортации семей бандитов и националистов, имеющих нелегальный статус, семей лиц, погибших в ходе вооруженных столкновений или наказанных по суду, а также сторонников бандитов и кулаков с семьями из Литовской ССР»; постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. «О высылке кулаков и их семей и семей бандитов и националистов из Литвы, Латвии и Эстонской ССР» [1]. С целью ослабления вооруженного бандподполья, действующего в республиках Прибалтики, подготовка и проведение этих спецопераций проводилась органами НКВД – МВД и МГБ в строжайшей тайне.

Современные историки и политики Латвии объясняют эти чрезвычайные меры органов НКВД – МВД и МГБ весьма упрощено: Советский Союз бессмысленно и безнравственно проводил политику геноцида малых народов. В реальности руководство страны в условиях послевоенного времени было вынуждено посредством переселения отдельных представителей латышского, эстонского и литовского этносов в районы Сибири наводить элементарный конституционный порядок в республиках Прибалтики. Эти факты умалчиваются постсоветскими обществоведами, желающими искусственно создать иллюзию незаконных наказаний в обществе. Кроме этого, нельзя забывать о начале Холодной войны с Западом, когда пограничные республики Прибалтики могли стать территорией вторжения войск стран западной коалиции. Этого момента активно ожидала местная 5-ая колонна, ранее сотрудничавшая с гитлеровским оккупационным режимом и желавшая повторения истории. Поэтому депортация 1949 г. в Латвии объясняется, во-первых, небеспочвенным опасением начала новой войны и необходимостью консолидации всего общества СССР в кульминационный период Холодной войны; во-вторых, желанием сломить сопротивление коллективизации и ликвидировать вооруженное движение «лесных братьев», опиравшихся на продовольственные, людские и иные ресурсы и поддержку со стороны активно помогавших им кулаков и части фермеров-середняков. Эти цели определенно были достигнуты благодаря умелым действиям органов НКВД – МВД и МГБ Латвии в послевоенное время, организовавших и осуществивших эти масштабные операции. За вклад в 1949 г. в проведение депортации 75 сотрудников МВД и МГБ ЛССР были награждены орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени – «За успешное выполнение специального поручения Правительства». Список «О награждении орденами и медалями генералов, офицеров, сержантов и солдат органов МВД и МГБ СССР и военнослужащих внутренних войск» был опубликован в номерах газеты «Правда» от 25 августа и 26 августа

1949 г., он был дополнен датами рождения и занимаемыми должностями офицеров на момент проведения этой операции.

Информация о депортации националистически ориентированных граждан позволяет также идентифицировать сотрудников органов внутренних дел и безопасности ЛССР, действовавших в 1949–1953 гг. Так, например, министр государственной безопасности ЛССР А. Новикс (1908–1996 гг.) подписал постановление о высылке 41 544 лиц (1949 г.); заместитель начальника Следственного отдела МГБ ЛССР Фотий Пешехонов – о депортации 141 националиста и сочувствующих им лиц (1949–1953 гг.); заместитель министра государственной безопасности по оперативной работе Янис Веверс (1899–1978 гг.) – о высылке в регионы Сибири 51 человека (1951–1953 гг.) и пр.

В 1952 г. депортированные из прибалтийских республик и определенные на спецпоселение в районы Сибири были разделены на четыре группы: депортированные из Прибалтики в 1941 г.; депортированные из Литвы в 1945–1948 гг.; депортированные из Прибалтики в 1949 г.; кулаки, депортированные из Литвы в 1951 г. Все они также делились на три категории: депортированные на определенный срок (1941 г.); депортированные на неопределенный срок (1945–1948 гг.) и депортированные на всю оставшуюся жизнь (1949 г.) [15].

Проведенное в представленной работе исследование процессов депортации националистов и лиц им сочувствующих по большей части основывается на отчетах органов НКВД – МВД и МГБ Латвии того времени, а значит, ограничивается кругом представленных в этих документах фактов [16]. Структурный анализ процесса депортации позволяет составить следующую хронологию:

- с 1941 г. до конца войны выслано 14 428 человек;

- в 1949 г. выслано 42 975 человек;

- поставлено на учет после отбытия срока (лица, которым постановлением Совета министров ЛССР запрещено возвращаться в Латвию) 1376 человек;

- депортировано с 1945 г. по 1958 г. (исключая 1949 г.) 514 человек.

Таким образом, в 1941 г. было депортировано 0,74 % всего населения Латвии, а в 1949 г. – 2,28 %. В 1949 г. 95,60 % депортированных составляли латыши, 1,80 % – русские, 0,01 % – немцы и 2,59 % – другие национальности. Фермеры-кулаки вошли в 51,9 % от общего числа депортированных граждан республики [17].

Хотя депортация проводилась в соответствии с директивами, изданными ВКП(б) СССР и органами исполнительной власти Латвии, к исполнению привлекались органы НКВД – МВД, МГБ СССР и военнослужащие внутренних войск СССР.

Таким образом, депортация лиц, помогавших националистам, в сочетании с другими оперативными мерами (использование спецагентов для внедрения в банды, применение ложных партизанских отрядов, зачистка любой подозрительной территории, ликвидация главарей националистов, проводимыми органами НКВД – МВД, МГБ республики) позволили сбить накал борьбы вооруженного националистического подполья в Латвии. «Лесные братья», лишённые различной продовольственной, материальной, медицинской и иной поддержки, были вынуждены складывать оружие и сдаваться властям. Этому сопутствовал и

провал ожиданий начала Холодной войны Советского Союза с Западом. Лишь отдельные боевики и малочисленные, фанатично настроенные группы «лесных братьев», запятнавшие себя террором и тяжкими преступлениями и понимавшие степень своей вины и наказания, продолжили сопротивление до 1956 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с нацификацией и милитаризацией Украины, берущей активное начало с весны 2014 г., и продолжающимся политическим и санкционным давлением Запада на Россию прибалтийские республики усиливают свою военную составляющую, направленную против Российской Федерации. Наряду с размещением на их территории боевой группы НАТО с 2004 г., увеличением военных расходов и повторным введением воинской повинности была запущена социальная и культурная кампании, призванные привлечь внимание общества к недавней истории вооруженного послевоенного национал-сепаратистского сопротивления «лесных братьев» существующим органам власти Латвийской Советской Республике. В частности, националисты, сражавшиеся против советских органов НКВД – МВД и безопасности с 1944 г. по 1956 г. и известные во всех странах Балтии как «лесные братья», провозглашаются местными историками и общественными деятелями в постсоветское время образцами «патриотической доблести и ведущей силой в исторической борьбе за национальную независимость». Однако усилия по мобилизации общества на их примере также вызывают противоречия, присущие двойственной оценке событий, связанных с историей Латвийской Советской Республики и некритичному подходу современных обществоведов Латвии к национал-сепаратистам из отрядов «лесных братьев», их сотрудничеству в годы оккупации с немецкими властями, участию в латышском легионе СС, карательных операциях в Псковской, Новгородской, Ленинградской областях, а также в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Вызывает двойственное отношение к рекламируемому идеализму и так называемому патриотизму «лесных братьев» и их реальные уголовные деяния в послевоенной Латвии, направленные против мирных местных жителей (бандитизм, грабежи, насилие и пр.). Но эти факты также упорно замалчиваются постсоветскими историками и политиками Латвии уже на протяжении 30 лет.

Ученым прибалтийских республик еще предстоит составить окончательный подлинный портрет «лесных братьев» и оценить их антиконституционную деятельность. В настоящее время эта тема находится в центре внимания новой волны исследований, проводимых местными академическими кругами, особенно на исторических факультетах университетов Прибалтики. Но в них даётся односторонняя, к сожалению, лишь оправдательная оценка разрушительных в своей основе действий повстанцев.

В реальности история и историография «лесных братьев» сложны, со временем они эволюционировали под влиянием политики на местном и глобальном уровнях. В предложенной работе на основе фактов и материалов, а также архивных данных органов МВД Латвийской Советской Республики и МВД Советского Союза дается историко-правовая оценка того, кем были в реально-

сти «лесные братья», что представляло собой невоенное диссидентское сопротивление в послевоенной республике, какова их реальная роль в подрыве национальной безопасности Латвии и Советского Союза.

В ходе исследования выяснено, что, состоя из бывших легионеров СС, коллаборантов и дезертиров, «лесные братья» представляли собой нечто вроде подпольной, разрозненной на небольшие отряды повстанцев, националистической армии, первоначально возглавляемой офицерами режима Улманиса и подчинявшейся дисциплинированной цепочке командования. Но в послевоенное время их деятельность быстро превратилась в борьбу нерегулярных национал-партизан против органов власти Латвийской Советской Республики, которая системно распространяла свою конституционную власть из городов в сельскую местность. Сила националистического сопротивления заключалась не в его численности или оснащении, а в его привилегированном отношении к сельской местности, к запуганному местному населению, к фермерам из числа кулаков и середняков, поддерживающих боевиков. Так называемая близость к земле давала им скорость, маневренность и преимущество внезапности, позволяя им препятствовать и задерживать, но не побеждать гораздо более многочисленную и лучше организованную силу подразделений НКВД – МВД республики. С конца 1944 г. примерно до 1947 г. деревни и хутора Латвии были пограничными зонами смешанной и неполной власти, поскольку «лесные братья» не хотели ввязываться в прямые и открытые крупные столкновения с органами НКВД – МВД и внутренними войсками Латвии и действовали преимущественно в ночное время. В рамках оперативной работы органы внутренних дел и безопасности прибегали к выборочному насилию, т. е. целенаправленно устраняли командный состав боевиков на основе информации, полученной в результате оперативных разработок и сотрудничества с местным населением.

Представители органов власти республики назначали сельских жителей на должности в местные администрации, организовывали ополчение и специальные отряды («истребительные батальоны») для борьбы с повстанцами, внедрения в отряды боевиков, сбора оперативной информации и ликвидации активистов националистов. В рамках противостояния с вооруженными националистами в сельской местности и в целях предупреждения возможности вступления в бандформирования «лесных братьев» со стороны колеблющихся, запуганных и дезинформированных местных жителей тела ликвидированных национал-партизан регулярно выставлялись на всеобщее обозрение на улицах, перед зданиями сельской администрации, на рыночных площадях, возле церквей, что спасало многих от необдуманного сотрудничества с боевиками.

К концу 1940-х гг. органы власти Латвийской Советской Республики начали полномасштабное наступление на националистов: проведение коллективизации села, раскулачивание зажиточных фермеров и ликвидация повстанческого движения. Масштабная спецоперация «Прибой» в 1949 г. привела к принудительной депортации в Сибирь почти 42 149 человек, среди которых скрытые и сочувствующие националистам, их пособники и родственники. Коллективизация, в марте 1949 г. составившая всего 4 %, к середине года объединила уже 71,6 % всех фермерских хозяйств республики, бывших до этого единоличными. В результате органы внутренних дел и безопасности стали контро-

лировать всю сельскую местность Латвии. В то время как небольшие группы повстанцев продолжали действовать в 1950-х гг., социальная, организационная и материальная база националистического вооруженного сопротивления была фактически полностью уничтожена, что в итоге и привело к ситуации, в которой оставшиеся националисты сложили оружие.

Новая волна националистического подпольного, но уже не вооруженного сопротивления проявилась в диссидентском движении части студентов, интеллигенции и лиц, вернувшихся из заключения и ссылки из районов Сибири, но сохранявших идеи национализма и борьбы с конституционным строем в республике. Иностранная помощь зарубежных эмигрантских кругов и спецслужб стран Запада (Великобритании и США) стали использоваться для подрывной деятельности с последующим захватом политической власти в Латвии, с чем и пришлось органам внутренних дел и безопасности республики бороться в 1950–1970 гг., разъяряя населению идеологический вред националистической пропаганды.

Такая ситуация сохранялась до конца 1980-х гг., когда политика гласности Горбачева открыла дверь для рассекречивания ранее скрытой диссидентской информации и осуждения прошлого. Однако в Латвии это «возвращение памяти» было сосредоточено, прежде всего, на жертвах советской власти, акценты ставились на травмы, полученные депортированными, а также на политические репрессии и преследования ненасильственного диссидентского движения, протестантской и католической церковью.

Масштабные общественные ритуалы увековечили память о пересмотренных событиях прошлого, включая перезахоронение останков националистов. Депортация 1949 г. была выделена как неотъемлемый компонент советских планов по геноциду всей латышской нации. Этот термин быстро приобрел популярность в общественном дискурсе во всех прибалтийских республик.

В этот период, когда закладывались нарративные основы постсоветской латышской идентичности, национал-партизанская борьба присутствовала, но не особенно выделялась в общем описании всех понесенных страданий. Было опубликовано и распространено несколько мемуаров бывших «лесных братьев» и бывших депортированных, где преобладающим стал образ нации «жертв и борцов» (с первоначальным акцентом на первое).

Память о послевоенной борьбе латышских националистов наиболее распространилась в результате геополитических событий последнего десятилетия. Силовое принуждение Грузии к миру в 2008 г., события на Украине, образование ДНР и ЛНР привели к тому, что послевоенное националистическое сопротивление вновь заняло первостепенное место в латышской общественной памяти. Лживая и систематическая демонизация России и ведущая роль «лесных братьев» в национальной кампании послевоенной «самообороны» вызвали новый интерес к недавнему прошлому Латвии.

Последние два года наблюдается всплеск кино- и телепрограмм, публикаций, дискуссий, направленных на восстановление и популяризацию памяти о «лесных братьях» в Прибалтике. Вся представленная информация в той или иной мере фальсифицирует историю. Одним из последних примеров является

«ТракиниПартизанай» – общественная инициатива, созданная и продвигаемая группой молодых активистов, в том числе историками из Вильнюсского университета, целью которой является популяризация постпамяти о вооруженном сопротивлении националистов посредством различного рода деструкций (фестивали, дискуссии, лекции и исторические реконструкции). При этом согласно заявленной миссии эта инициатива направлена на развитие якобы «непредубежденной, критически мыслящей и патриотичной» молодежи. С учетом всплеска национализма в Прибалтике, предложенное исследование, основанное на изучении широкого круга источников о борьбе с «лесными братьями», должно дать беспристрастную историко-правовую оценку подлинным событиям в Латвийской Советской Социалистической Республике в послевоенное время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГЛАВА I

1. Из протокольной записи совещания А. Гитлера... URL: http://hrono.ru/dokum/194_dok/19410716_3.html.
2. BiezaisHarlds. Latvījakāškrustavarā. Svešikungi – pašuļaudis. – Rīga: East Lansing, 1992. – P. 223.
3. Berger to Himmler, 2 and 10 October 1941. Both documents. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – NS 19/382.
4. Brandt to Berger, 17 October 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – NS 19/382.
5. Breitman Richard. Himmler and the «Terrible Secret» among the Executioners. The Impact of Western Nationalism. – London: eds. JehudaReinharz and George L. Mosse, 1992. – P. 290-291.
6. Breitman Richard. Heinrich Himmler. Der Architekt der «Endlösung». – Paderborn: Breitman, 1996. – P. 290–291.
7. Brütigam Otto. Überblicküber die besetztenGebietewährend des 2. – Weltkrieges. Tübingen: InstitutfürBesatzungsfragen, 1954. – P. 33, 84.
8. Browning Christopher R. Die Debatteüber die Täter des Holocaust. NationalsozialistischeVernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversien. Frankfurt. – M.: ed. Ulrich Herbert, 1998. – P. 148–169.
9. BubnysArūnas. LietuviupolicijosbatalionaisrityjeirKursē: 13-asis ir 10 (256) – asisbatalionai (1942–1945). Genocidasirrezistencija 2. – Vilnius, 2001. – P. 31–43. URL.: <http://www.genocid.lt> › arunas8.
10. BubnysArūnas. Die litauischenHilfspolizeibattailone und der Holocaust. Holocaust in Litauen. Krieg, Judenmorde und Kollaborationim Jahre 1941. – Köln: eds. Vincas Bartusevičius, Joachim Tauber und Wolfram Wette, 2003. – P. 117–131.
11. Dean Martin. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. – New York: Palgrave Macmillan, 2000. – P. 167.
12. Der Dienstkalender Heinrich Himmlers. EreignismeldungenUdSSR. № 48. 10 August 1941. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R 58/215.
13. Eingabe der lettischennationalsozialistischenBewegungPērkonkrustsbetr. Aufstellung eineslettischenFreiwilligenkorpsimVerbände der deutschen Wehrmacht zwecksFronteinsatz in der Sowjet-Union, 25 July 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R 92/6.
14. Europa untermHakenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945). BeiträgezuKonzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschenOkkupationspolitik. – Berlin: ed. Werner Röhr, 1994. – P. 165–190.
15. EzergailisAndrievs. The Holocaust in Latvia, 1941–1944. – Rīga: The Missing Center, 1996. – P. 321–329.
16. Hilberg Raul. Die Vernichtung der europäischenJuden, durchgesehene und erweiterteAusgabe. – Frankfurt-na-M.: Fischer (Tb.), 1990. – P. 389, 402.
17. Hilberg Raul. Perpetrators. Victims. Bystanders. The Jewish Catastrophe 1933–1945. – New York: Harper Perennial, 1992. – P. 96–101.
18. Himmler’s telegram to Jeckeln, 27 January 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – NS 19/1462.

19. Hoffmann Joachim. Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und WolgafinnenimdeutschenHeer. 3rd ed. Freiburg. – Br.: Rombach, 1986. – P. 17–18.
20. Gerlach Christian. KalkulierteMorde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. – Hamburg: Gerlach, 1999. – P. 957.
21. Goldhagen Daniel J. Hitler's Willing Executioners. Ordinary Germans and the Holocaust. – New York: Goldhagen, 1996. – P. 409.
22. Golczewski Frank. Organe der deutschenBesatzungsmacht: die ukrainischenSchutzmannschaften. Die Bürokratie der Okkupation. Strukturen der Herrschaft und Verwaltungimbesetzten Europa. – Berlin: eds. Wolfgang Benz et al., 1998. – P. 173–196.
23. Kangeris Kārlis. Nacionālsocialistiskās Vācijas militārajos formējumos iesaistītie/ Latvijas iedzīvotāji: Skaita problēma. – Rīga: Yearbook of the War Museum of Latvia, 2000. – P. 137–156.
24. Kalniņš J. Izpagātnes. ĢenerāļaDankeralieta. Out of the Past. The Case of General Dankers. – Rīga: TrejiVārti 77, 1980. – P. 41.
25. LettischeFreiwilligenformation, 31.10.1941. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R. 92/12.
26. Litvin Aleksey. LatviešupolicijasbataljoniBaltkrievijā 1941–1944 gadā. – CHL 1. – P. 252–265.
27. Longerich Peter. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischenJudenverfolgung. – Munich: German Edition, 1998. – P. 402.
28. Minutes of the meeting of the Council of Directors General No.8, 6 February 1942. Latvijasarhīvs; Rep. ed. ElmārsPelkaus. – Rīga: Nordik, 1999. – P. 370–371.
29. Neufeldt H. J. Die Stäbe und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei. Part 2. ZurGeschichte der Ordnungspolizei 1936–1945. – Koblenz: éditeur non ident ifié, 1957. – 110 p.
30. Pohl Dieter. Die Holocaust-Forschung und GoldhagensThesen // Vierteljahrsheftefür Zeitgeschichte. – № 45. – 1997. – P. 44–47.
31. Report of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes against Humanity. Phase II. The German Occupation of Estonia, 1941–1944. URL: <http://www.historycommission.ee/temp/conclusions.html>.
32. Schutzmannschaften in den Ostgebieten. 6 November 1941. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R. 19/518.
33. SilgailisArturs. Latviešuleģions. Dibināšana, formēšana un kaujugaitas Otrāpasauleskarā. – Copenhagen: Imanta, 1964. – P. 328–339.
34. StankerasPetras. Lietuviupolicija 1941–1944 metais. Lithuanian Police 1941–1944. – Vilnius, 1998. – P. 116–197.
35. Stahlecker's «Blitz» telegram to Heidrich, 25 January 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – NS. 19/3500.
36. Stang Knut. Hilfspolizisten und Soldaten: Das 2/12. litauischeSchutzmannschaftsбатаillon in Kaunas und Weißrußland. Die Wehrmacht. Mythos und Realität. – Munich: eds. Rolf-Dieter Möller and Hans-Erich Volkmann, 1999. – P. 858–878.
37. Stein George H. Geschichte der Waffen-SS. – Düsseldorf: Deutsche Erstausgabe, 1978. – P. 177–182.

38. The already existing police regiments would be incorporated into the new formations. As seen in this memorandum, Celmiņš and Andersons meant the formation of military units and not of new police battalions. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R. 92/6.

39. The validity of Himmler's statement that there was no «sufficient supply of weapons to equip nonGerman units for fighting at the front adequately» should be checked in more detail. See Himmler's telegram to Jeckeln, 27 January 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – ND. 19/1462.

40. Vārpalgors. Latviešukaravīrszemkāškrustakaroga. Latviešuleģions – nācijastriumfsvaitraģēdija? – Rīga: Latvijasvēsturesinstitūtaapgāds, 2003. – P. 77–103.

41. WehrbezirkskommandoAusland in Berlin, report to ReichskommissarOstland, 29 January 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R. 92/530.

42. With's reports to Himmler, 15 May and 22 May 1942. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – NS. 19/1625.

43. ZemgalBoris. On Days Sunny and Rainy. – Geneva: Zemgals, 1949. – P. 72–74.

ГЛАВА 2

1. Кангерис Карлис. Латышский легион» Герои, нацисты или жертвы? / Ред. Андрие Эзергайлс. – Rīga: Baltijasforums, 1998. – С. 113–114.

2. Комиссия историков Латвии. Преступления против человечности на территории Латвии в период оккупации Советским Союзом и нацистской Германией с 1940 по 1956 год. Отчет о проделанной работе. – Riga: Latvijas Vēstnesis, 16 декабря 2001 г. – 233 с.

3. Романько О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – Москва: АСТ, 2004. – 320 с.

4. Симиндей В. В. Латышский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. 2011. – № 6. – С. 141–148.

5. Bericht des Kommandeurs der Sicherheitspolizei und des SD Lettland, 1. August. 1943. – Berlin: Bundesarchiv. – R. 90/115.

6. Dahms H. G. DerZweiteWeltkrieg in Text und Bild. – Munich: Neulen, Hans Werner, 1999. – P. 9.

7. Das Deutsche Reich und der ZweiteWeltkrieg, Militärverwaltung, Wirtschaft und Personalwesen 1942–1944/45. Band 5.2. – Stuttgart: Nachdruck, 1999. – 839 p.

8. Daukšts B. LatvijaskarogipēckaraNirnbergā. Nejaušatgādinājums? – Rīga: MājasViesis 84, 2003. – P. 8.

9. Der Generalkommissar in Rīga O. Drechsler an den Reichskommissarfür das Ostland H. Lohse, 23.Juni. 1943. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R 92/1148. – S. 1.

10. Der Reichskommissarfür das Ostland. Abteilung I: Politik. An den Reichsministerfür die besetztenOstgebiete, 26. Oktober. 1943. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R. 90-2.

11. Hitler's written order on the formation of the "Latvian SS Volunteer Legion" was issued on 10 February 1943. – LettischerFürsorgeverein «DaugavasVanagi»: Lettische SS-Freiwilligen-Legion, 21. November. 1968. – Riga: Institute of the Istory Latvia, 2005. – P. 1.

12. Elvert J. Central Europe. German Plans for the European Reorganization1918–1945. – Stuttgart: Palgrave Macmillan, 1999. – P. 372.

13. Jansons R. Latviešu leģionāru – pretošanās kustības dalībnieku programmatiskie mērķi. – Rīga: Valsts arhīvs, LV 4, 2001. – P. 104.
14. Kangeris Kārlis. Izvēles iespējas: Jaunā Eiropa, Padomju republika vai neatkarīgavalsts. Valststiesiskie jautājumi un 'lielā politika' karagados (1941–1945). – Rīga, Juridiskā zinātne / Law. – № 9. – 2016. – P. 14.
15. Hausser Paul. Waffen-SS im Einsatz. – Göttingen: Plesse Verlag, 1953. – P. 6.
16. Lange's R, Report to RSHA Administration IV, 1 April 1943, Latvijas suverenitātes idejāliktengriežos. – Rīga: Institute of the History of Latvia, 2008. – P. 108.
17. Lēbers D. A. Molotova–Ribentropak tauridiskās sekas Baltijas valstīs. Latvija divos laikposmos: 1918–1928 un 1991–2001. – Rīga: Latvijas Republikas vēsture, 2001. – P. 112.
18. Lumsden Robin, Himmler's Black Order 1923–1945. – London: Sutton Pub, 1997. – P. 207.
19. Memorandum of the Latvian Self-Administration to Generalkommissar O. Drechsler, December 1942 in Latvijas suverenitātes idejāliktengriežos, comp. V. Samsons. – Rīga: Institute of the History of Latvia, 1990. – P. 68–69.
20. Monatshefte für Auswärtige Politik. 7. 1941. – New York: Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. – P. 675.
21. Neiburgs Uldis. Pašpārvalde. Bez tiesībām runā tautas vārdā. – Rīga: Lauku Avīze 3. November 2001. URL: <http://www.president.lv>. Latvijas vēsture 20. gadsimta 40–90 gados,
22. Neulen H. W. Deutsche Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. – Munich: Neulen, Hans Werner, 1985. – P. 54.
23. Neulen H. W. Europa und das Dritte Reich. Einigungsbestrebungen im deutschen Machtbereich 1939–1945. – Stuttgart: Neulen, Hans Werner, 1989. – P. 54–56.
24. Neulen Werner Hans. Eurofascism and the Second World War. Europe's Betrayed Sons. – Munich: Neulen, Hans Werner, 1980. – P. 138.
25. Okupācijas varas politika Latvijā. 1939–1991: sestdien. doc. / Valsts arhīvs; Rep. ed. Elmārs Pelkaus. – Rīga: Nordik, 1999. – 644 p.
26. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, henceforth PA AA. – R. 27775
27. Scill P. Die Geschichte der lettischen Waffen-SS. – Stuttgart, 1977. – P. 25–27.
28. Seidler Franz Wilhelm. Die Kollaboration 1939–1945. – Munich: Гербул, 1999. – 576 p.
29. Semiriaga Mikhail. Collaborationism: Character, Type and Expressions in World War II. – Moscow: Staraya Basmana, 2000. – P. 497.
30. Schreiben des Chefs des SS Hauptamtes an Reichsführer SS vom 12. November 1943. – Berlin: Bundesarchiv. – NS. 19–382. Aktennotiz des Abteilungsleiters Schierholz über eine von Obergruppenführer Berger in Berlin vor den Propagandaleuteng gehaltenen Rede, 12. Oktober 1943. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – R. 90.
31. Schreiben des Chefs des SS Hauptamtes an Reichsführer SS vom 12. November 1943. – Berlin: Bundesarchiv, 1968. – NS 19/382.
32. Stein George H., Geschichte der Waffen-SS. – Düsseldorf: Panorama Wsb, 1967. – P. 123.
33. Svencs E The Latvian Legion in the Eyes of the USSR People's Commissariat of National Security: 1943. Latviešu leģions. Varoņi, nacisti vai upuri? – Rīga: Liesma, 2013. – P. 107–108.

34. Waffen-Grenadier-Division der SS (lettische Nr.1). – Berlin: Bun-desarchiv, 1968. – RS. 3–15. – S. 21.

35. Waffen–Grenadier–Division der SS (lettische Nr.2). – Berlin: Bun-desarchiv, 1968. – RS. 3–19. – P. 14.

36. Wegner Bernd. Hitlers politischeSoldaten: die Waffen–SS. – Padeborn: Schöningh, 1985. – P. 273.

ГЛАВА 3

1. Антисоветская партизанская война в Латвии в 1944 г. URL: https://runivers.ru/Проекты/d2.php?PORTAL_ID=6363.

2. Бой на болоте Стомпаку – Colonel Cassad – ЖЖ. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/3557841.html>.

3. Гуськов А. М. Вехи послевоенных лет // Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. – Москва: Русь, 2004. – 282 с.

4. Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – С. 252.

5. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы 1941–1956 гг. – Москва: Вече, 2016. – 496 с.

6. Легализация «лесных братьев»: почему на это шла ... URL: <https://www.rubaltic.ru/context/23082019-legalizats>.

7. «Лесные братья»: война после войны в странах Балтии. URL: <https://nova-gazeta.ee/articles/17613>.

8. Органы НКВД – МВД в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем. URL: <https://xliby.ru...nkvd...v...banditizmom...>

9. Оперативные внутренние войска НКВД. Численность. URL: <https://mozohin.ru>.

10. Под прицелом «лесные братья». Партизанская война... URL: <https://history.wikireading.ru/279757>.

11. РГВА, ф.38650, оп. 1 с, д. 366, л.31–43.

12. Сжигали дома и убивали детей: очевидцы о бандитизме «лесных братьев». URL: <https://rubaltic.ru/article...i-istoriya/25102019-szhigali...>

13. Широкопад А. Прибалтийский фугас Петра Великого. – Москва: издательство АСТ, 2008. – 108 с.

14. Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. URL: <https://libking.ru/Книги/Проза/Историческая проза>.

15. Anušauskas A. Ginkluotakovauž Baltijosšalių ir Vakarų Ukrainos nepriklausomybę Ginkluotopasipriešinimonepriklausomybei Baltijosšalyseir Ukrainojelyginamojįanalizė. GenocideandResistance, 2, (1997). URL: <http://www.genocidas.lt/Leidyba/2/Anusausk1>.

16. CīņaStompakupurvā – pulkvedisKasads – mācies. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com>.

17. Dorril Stephen. MI 6: Inside the secret world of Her Majesty's Secret Intelligence Service. – New York: Simon & Schuster, 2002. – P. 292.

18. Masiulionis Povilas. "Mežabrāļu" upuri, kurinēmaznedarījabrālīgusdarbus // Partizāņu teroraupurupiemiņasgrāmata. Partizanūteroroaukūatminimoknyga. – Viļņa: Politika, 2011. – 610l pp.

19. Misyunas Romualds. Baltijasvalstis: Atkarības gadi 1940–1990. – Bērklis: Kalifornijasuniversitātes prese. 1993. – 400 lpp.

20. Nacionāliepartizāni. Mežabrāļi. URL: <https://mezabrali.wordpress.com>.

21. Nacionālopartizānukaujaslatvijā (1944–1952). URL: <https://tencinusalunas.wordpress.com>.

22. PīnupsJānis. A Latvian Soldier for Whom the Second World War Finished in 1995. URL: <http://www.JānisPīnups:aLatviansoldierforwhomtheSecond...outono.net...janis-pinups...latvian-soldier...war...1995>.

23. Strods H. Latvijasnacionalopartizanukars, 1944–1956. / Latvian national partisan war, 1944–1956. – Rīga: Preses Latviešuval, 1996. – 573 s.

ГЛАВА 4

1. Жуков Ю. П. Тайны истории. – Москва: Терра, 2000.

2. Население Латвии. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/НаселениеЛатвии>.

3. РГАСПИ. – Москва, 1999. Fonds 17, Ser. 163, File 1432. – P. 12–14.

4. Яковлев А. Н. Сумерки. – Москва: Материк, 2003.

5. Authorized Agent of the Council of People's Commissars of the USSR for Protection of Military Secrets in Printing. Circulars № 1-14. State Archives of the Russian Federation. – Moscow: GARF, Fonds 9425, Ser. 2, File 61. – P. 1–14.

6. Bor'ba za sovetskuiuPribaltiku v VelikoiOtechestvennoivoine 1941–1945. Struggle for the Soviet Baltic in the Great Patriotic War 1941–1945, 3 vols. – Rīga: Liesma, 1966–1969. – 372 p.

7. Bystrova I. V. Sovetskiiivoennyi potential v period «kholodnoivoiny» v amerikanskikhotsenkakh. Otechestvennaiaistoriia. 2. – Moscow: Voskresen'e. 42. Gol'danskii, V. I. (ed.), 2004. – P. 124–142.

8. Faulenbach Bernd. Fußnote der Weltgeschichte, Bilanz und Perspektiven der DDR-Forschung. – Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2003.

9. FaulenbachBernd, Mählert Ulrich (Hg.). Bilanz und Perspektiven der DDR-Forschung. – Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2003. – 557 p.

10. Henke Klaus-Dietmar. Füreine «Autonomie» des SED-Sozialismus. – Berlin: Deutschland-Archiv 31, 1998. – P. 83–86.

11. Koenen Gerd. Utopie und Säuberung. Was war Kommunismus? – Berlin: Alexander Fest Verlag, 2000. – 452 p.

12. Latvijasiedzīvotājuskaita un etniskāsastāvaveidošanās XX gadsimtā. – Rīga: Yearbook of the Museum of the Occupation of Latvia, 2002. – P. 100.

13. Latvian State Archive (LVA). – Rīga, 1961, Fonds 101, Ser. 6. – P. 25–35.

14. Lebedeva A. S. PolitbiuroTsK VKP(b) isovetizatsiiaprisoedinennykh k SSSR v 1939–1941 godakhterritorii, Secret Soviet-German Agreements of 1939 and their Repercussion to the Middle and East European States. – Vilnius: Izdevniecība LII, 1999.

15. Leggewie Claus. Go East. Oder wieamerikanischistOstdeutschland? – Kursbuch 141. – 2000. – P. 153–179.

16. Mertelsman Olaf. Introduction. The Sovietization of the Baltic States 1940–1956. – Tartu: KLEIO ajalookirjandusesihtasutus, 2003. – 254 p.

17. Organizatsionnaia struktura Tsentral'nogo komiteta Kommunistich-eskoi partii Estonii 1940–1991 g. – Tallinn, 2003. – 672 p.
18. Politbiuro TsK VKP(b) i Sovet Ministrov SSSR 1945–1953. – Москва: РОС-СПЭН, 2002. – 656 p.
19. Staļins J. Sociālismaekonomiskāsproblēmas PSR Savienībā. – Rīga: Liesma, 1952. – P. 187.
20. Strods Heinrihs. Latvijasnacionālopartizānukarš 1944–1956. – Rīga: Preses Latviešu val., 1996. – P. 305–341.
21. Strods Heinrihs. Latvijas Valsts Universitātesvēsture, 1940–1990. – Rīga: Preses Latviešu val., 1999. – P. 317.
22. The Subjugation by the Russian People, Eastern Europe, Russia and Central Asia. – London: 3rd ed., 2003. – 300 p.

ГЛАВА 5

1. Avotiņš E, Dzirkalis J. and Pētersons V. Kas irDaugavasVanagi? – Rīga: DaugavasVanaguCentralasvaldesizdevums, 1976. – 126 p.
2. Bagušauskas J.R. The Contribution of Foreign Radio Stations to Na-tion's Struggle for Freedom during the Years of Soviet Regime. Genocidasir Re-zistencija, 2. – Rīga: PresesLatviešu val., 2001. – P. 91.
3. Braunfelds Alfreds. Marksistuideoloģija un stratēģija. – New York: Amerikas Latviešu Apvienība, 1981. – P. 11.
4. Eglīte Pārsla. Latvijasiedzīvotājuskaita un etniskāsastāvaveidošanās XX gadsimtā. – Rīga: Yearbook of the Museum of the Occupation of Latvia, 2002. – P. 105.
5. Ezergailis Andrew. Soviet–Nazi Disinformation about the Holocaust in Occupied Latvia. Daugavas Vanagi: Who Are They – Revisted. – Rīga: Print length, 2005. – 215 p.
6. GARF, CDFB Fonds R–9478, Ser. 2, File 764, P. 15–34.
7. Latgales Partizāni. LatvijasValsts archives. – Rīga: LVA, Fonds 1986, Ser. 1. – File P–791.
8. Latvijas Valsts archives. – Rīga: LVA, Fonds 1986. – Ser. 1. – File 6222. – Vol. 1. – P. 4. – Vol. 2. – P. 287.
9. Latgales Partizāni. Latvijas Valsts archives. – Rīga: LVA, Fonds 1986. – Ser. 1. – File 21386. – P. 351.
10. Latvijas Valsts archives. – Rīga: LVA, Fonds 101. – Ser. 11. – File 70. – P. 99. (Mishutin's report of 1948).
11. Latvijas Romaskatoļupriesteri. 1918–1995. – Rīga: Uzziņas, 1996. – P. 291.
12. «...Replacement des Baltestransferes dans la Republique des Komi par les Russes». – Paris: Ministère des Affaires Etrangères (MAE), EU–URSS–1949–1955. 31–7–1. – Vol. 34. – P. 5.
13. Report about the Number and Changes of Latvian SSR Ministry of the Interior Agency Network Involved in Fighting Baditism for January 1947. – GARF, CDFB Fonds R–9478. – Ser. 1. – File 857. – P. 11.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). The Chief Directorate for the Fight against Banditism of the Ministry of Internal Affairs USSR (CDFB). – Fonds R–9478. – Ser. 1. – File 764. – P. 15–34.

15. Stods Heinrichs. Latvijasnacionālopartizānukarš. – Rīga: Preses Latviešu val., 1996. – 573 p.
16. Stods Heinrihs. Latvija sskolujaunatnesnacionālāpretošanāskustība (1944–1950 g. vidus). – CHL 3. – Rīga: Atsauces, 2006–2012. – P. 592–675.
17. StodsHeinrihs and Kott Matthew. The File on Operation «Priboi»: A Reassessment of the Mass Deportations of 1949. // Journal of Baltic Studies. – 33.1. – 2002. – P. 20–21.
18. Pays Baltes. Motions et petitions MAE. EU–Europe, URSS 1949–1955. – Paris. – Vol. 130. – 1. – 328 p.
19. Policy of Occupation Powers in Latvia 1939–1991. – Rīga: Ed. ElmarsPelkaus, 1999. – P. 511–512.
20. 180 units (8 %) out of 2353 units in January 1944–47. – GARF, CDFB Fonds R–9478. – Ser. 2. – File 746. – P. 15–34.

ГЛАВА 6

1. Бой на болоте Стомпаку // Colonel Cassad. URL.: <https://colonelcassad.livejournal.com/3557841.html>
2. Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956 гг.): сборник документов. – Москва: Объединенная редакция МВД РФ, 2008. – 369 с.
3. Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР. Кн. 1–2. – Москва: Фонд «Историческая память», 2009–2010. – 386 с.
4. Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – С. 246.
5. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы 1941–1956 гг. – Москва: Вече, 2016. – 496 с.
6. «Лесные братья»: война после войны в странах Балтии. URL.: <https://noyagazeta.ee/articles/17613>.
7. GUBB NKVD/PSRS Iekšlietuminstrijasuzziņaparpretpadomjunacionālistisko organizācijulikvidāciju Latvijas PSR teritorijā. 1947. – Gadafebruāris GARF. – F. 9478. – Ieslēgts. – 1. – D. 764. – L. 22.
8. GUBB NKVD/PSRS Iekšlietuminstrijasuzziņaparpretpadomjunacionālistisko organizācijulikvidāciju Latvijas PSR teritorijā. 1947. – Gadafebruāris GARF. – F. 9478. – Ieslēgts. – 1. – D. 764. – L. 80.
9. GUBB NKVD/PSRS Iekšlietuminstrijasuzziņaparpretpadomjunacionālistisko organizācijulikvidāciju Latvijas PSR teritorijā. 1947. – Gadafebruāris GARF. – F. 9478. – Ieslēgts. – 1. – D. 764. – P. 13–14.
10. Latvijas Valstsarhīvs. – Rīga: LVA, Nordik, 2007. – Fonds 270. – Ser. 1. –S. file 106.1. – P. 78.
11. Latvijasvestumiekukomisijasraksti. 22.sejums. Arvalstuarhivudokumenti par okupācijasrezlmpolitikuLatvija 1940–1968. IDokumentukrajums. – Rīga: Latvijas vestures institutaapgads, 2008. – P. 204–276.
12. Okupācijasvaras politika Latvijā. 1939–1991: sestdien. doc. / Valsts. Latvijasarhīvs; Rep. ed. ElmārsPelkaus. – Rīga: Nordik, 1999. – 644 p.

13. Smirins G. Nosaukums: Latvijasvēsture (Galveniefakti). – Rīga: Apģads, 1999. – 141 p.

14. Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. – P. 153–155.

ГЛАВА 7

1. Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. – 1993. – № 1. – С. 4–5.

2. История советских органов государственной безопасности. – Москва: Высшая Краснознаменная школа КГБ, 1977. – С. 522, 612.

3. Контрразведывательный словарь. – Москва, 1972. URL.: <https://www.dokumen.tips>.

4. Собакин В. К., Моджорян Л. А. Международное право в избранных документах. Том 3. – Москва: Международные отношения, 1957. – С. 41–53.

5. Archive of the Information Centre of the Interior Ministry of the Republic of Latvia. – Rīga: LA. Fonds 1. – Ser. 3. – File 2. – P. 40.

6. Hague Convention IV (18 October 1907). Convention Respecting the Laws and Customs of War on Land Articles 1–56. Entry into Force: 26 January 1910. URL.: <https://www.lib.byu.edu/~rdh/wwi/hague/hague5>, 2004.10.06.

7. Kokurin A., Petrov N. Liubianka VChK–OGPU–NKVD –MGB–MVD–KGB 1917–1960. – Moscow: LibFox, 1997. – 276 p.

8. Latvijas Komunistiskās partijas Centrālās Komitejas VI plēnuma stenogramma. 22–23 jūnijs 1953 gada. – Rīga: LV 1. 1992. – P. 40.

9. Latvijas Valstsarhīvs. – Rīga: LVA, PA Fonds 302. – Ser. 2. – File 43. – P. 5.

10. Latvijas Valstsarhīvs. – Rīga: LVA, PA Fonds 15500. – Ser. 2. – File 7786. – P. 2.

11. Petravičiute I. SovietinusaugumstrukturairfunkcijasLietuvoje (1941–1954) / Genocidasirrezistencija. № 1. – Vilnius: Lietuvosgyventojūgenocidoirrezistencijostyrimocentras. – 1997. – P. 69.

12. Slepensdienestaziņojums. – Rīga: LA 1. 1994. – P. 37–38.

13. Soviet Authorities of State Security in the Great Patriotic War: Collection of Documents and Sources. Vol. 4. – Moscow: Book and business, 1988. – 1007 p.

14. Radziņš K. Mēsnebijāmbandīti, bet partizāni. 1993. Nacionālāpretošanās komunistiskajiemrežīmiem. URL.: <https://www.president.lv>.

15. Strods Heinrihs. Latvijas nacionālo partizānukarš. – Rīga: Preses Latviešuval, 1996. – P. 239.

16. Strods Heinrihs and Kott Matthew. The File on Operation «Priboi»: A Reassessment of the Mass Deportations of 1949 / Journal of Baltic Studies. – 33.1. – 2002. – P. 1–31.

17. Zālīte I., Dimante S. Četrdesmitogadudeportācijas. Struktūranalīze. – Rīga. – LV 29. – 1998. – P. 73–82.

КИЛИМНИК Евгений Витальевич

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОПОРЯДКА
ОРГАНАМИ НКВД – МВД В ПОСЛЕВОЕННОЙ
ЛАТВИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
В 1944–1956 ГОДАХ

Монография

Редактура, компьютерная верстка *Е. Н. Хариной*

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 60x84 1/16

Печать трафаретная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,0

Тираж 32 экз. Заказ № 57

Типография научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина